Л.К.ГРАУДИНА О.Л.ДМИТРИЕВА
Н.В.НОВИКОВА Е.Н.ШИРЯЕВ

4
М-94

МЫ СОХРАНИМ ТЕБЯ, РУССКАЯ РЕЧЬ!

·НАУКА·

ИРЯ
институт русского языка
им. в. в. виноградова
www.ruslang.ru
87794

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт русского языка

Л.К.ГРАУДИНА О.Л.ДМИТРИЕВА
Н.В.НОВИКОВА Е.Н.ШИРЯЕВ

МЫ СОХРАНИМ ТЕБЯ, РУССКАЯ РЕЧЬ!

МОСКВА "НАУКА"
1995

ББК 81.2Р-7
Г 75

4
М-94
БИБЛИОТЕКА
ИН-ТА РУССКОГО ЯЗЫКА
РАН-ТА ЯЗЫКОЗНАНИЯ АН СССР
87794

Научное редактирование книги осуществлено
докторами филологических наук *Л.К. Граудиной,*
Е.Н. Ширяевым

Рецензенты:

действительный член Российской АПН,
доктор филологических наук *В.Г. Костомаров*
кандидат филологических наук, профессор *И.В. Толстой*

Граудина Л.К., Дмитриева О.Л., Новикова Н.В., Ширяев Е.Н.
Г 75 Мы сохраним тебя, русская речь! – М.: Наука, 1995. – 104 с.
ISBN 5-02-011547-9

В книге говорится о культуре речи как о новой актуальной дисциплине в современном языкознании. Авторы обращают внимание читателя на "болезни" современного речевого общения (штампы, канцелярит, любовь к "ярлыкам" и претенциозным заимствованиям, отсутствие культуры спора, забвение культурно-речевых традиций) и дают практические рекомендации по овладению культурой русской речи.

Для самого широкого круга читателей, которым небезразлична судьба родного слова.

Г $\frac{4602020101-064}{042(02)-95}$ 400 – 94, I полугодие

ББК 81.2Р-7

ISBN 5-02-011547-9

© Л.К. Граудина, О.Л. Дмитриева,
Н.В. Новикова, Е.Н. Ширяев, 1995
© Российская академия наук, 1995

И мы сохраним тебя, русская речь,
Великое русское слово.
Свободным и чистым тебя пронесем,
И внукам дадим...

Анна Ахматова

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

Наше время – трудное и особое время. Говорят о кризисе культуры нашей страны в целом. И это справедливо. Говорят о необходимости возрождения не просто культуры, а национальной культуры. И это вполне справедливо. Язык – неотъемлемая и важнейшая часть национальной культуры. В нем, как в капле воды, отражается история народа, его духовные искания. Может быть, сейчас как никогда прежде современно звучат знаменитые тургеневские строки: "Во дни сомнений, во дни тягостных раздумий о судьбах моей родины, – ты один мне поддержка и опора, о великий, могучий, правдивый и свободный русский язык! Не будь тебя – как не впасть в отчаяние при виде всего, что совершается дома? Но нельзя верить, чтобы такой язык не был дан великому народу!" Если раньше со школьной скамьи нам внушали, что мы велики, как велик и могуч русский язык, то, кажется, теперь остается только уповать на веру в величие нашей нации. Верить, конечно, надо, но и сидеть сложа руки не стоит, чтобы не попасть в положение крыловских гусей, предки которых Рим спасли. Да, язык – национальное достояние, но это не такое достояние, которое можно положить в сундук и любоваться им время от времени. Язык, по меткому выражению Н.В. Гоголя, живой как жизнь. Отражая наши национальные достоинства, язык не менее ярко показывает и все наши беды. Помимо приведенных прекрасных строк И.С. Тургенева о русском языке можно было бы привести и массу других не менее впечатляющих высказываний о красоте и силе русского языка. Но, увы, наряду с ними можно приводить множество совсем противоположных суждений. Вот только одно из них: "Из бесконечного ряда посягательств на укрощение человеческого духа, которым подвергалась наша страна в годы сталинского произвола, само собой выступает сейчас акт, который можно назвать укрощением русского языка и русской речи. Акт, последствия которого еще не осознаны. Потери не регистрируемы. Русская речь ведет свое существование, она служит человеку, но в ней давно нарушены и содержание, и форма того совершенного языка, который мы зовем языком Пушкина, Блока, Гумилева, Достоевского и Толстого" (Нина Велихова, Укрощение языка. – Сов. культура. 1989. 14 янв.).

Да что там суждения! Когда слушаешь современные рок-шлягеры, то иногда кажется, что это вообще какой-то малоосмысленный набор слов. А "речи" тех, кто обслуживает в магазинах, мастерских и т.д., особенно если они в плохом настроении?! А сквернословие, за примерами которого не надо далеко ходить?! Это ведь тоже русский язык.

Стоит ясно осознать: язык как достояние нации требует нашей постоянной заботы и, если угодно, охраны. Это, несомненно, касается каждого из нас. Особое же место в этом нелегком деле принадлежит ученым-лингвистам, по роду своей деятельности призванным заниматься языком. В лингвистике существует особая область, называемая культурой родной, в том числе, разумеется, и русской, речи.

ЧТО ТАКОЕ КУЛЬТУРА РЕЧИ

Культура речи – понятие многозначное. Одна из основных задач культуры речи – это охрана литературного языка, его норм. Со всей определенностью нужно подчеркнуть, что такая охрана – дело национальной важности, поскольку литературный язык – это именно то, что в языковом плане объединяет нацию. Создание литературного языка – дело не простое. Он не может появиться сам по себе. Ведущую роль на определенном историческом этапе развития страны играет обычно наиболее передовая, культурная часть общества. Становление норм современного русского литературного языка неразрывно связано с именем А.С. Пушкина. Язык русской нации к моменту появления литературного языка был весьма неоднороден. Он состоял из диалектов, просторечия и некоторых других обособленных образований. Диалекты – это местные народные говоры, весьма различные с точки зрения произношения (на Севере окают, на Юге – якают), лексики, грамматики. Просторечие более едино, но все же недостаточно упорядочено по своим нормам. Пушкин сумел на основе разных проявлений народного языка предложить в своих произведениях такой язык, который был принят обществом в качестве литературного.

Литературный язык – это, как понятно, далеко не одно и то же, что язык художественной литературы. В основе языка художественной литературы лежит литературный язык. И, более того, литературный язык как бы вырастает из языка художественной литературы. И все же язык художественной литературы – это особое явление. Его главная отличительная особенность – эстетическая нагруженность. Для достижения эстетических целей в язык художественной литературы могут привлекаться диалекты и другие нелитературные элементы.

Одна из главнейших функций литературного языка – быть языком всей нации, встать над отдельными локальными или социальными ограниченными языковыми образованиями. Литературный язык – это то, что создает, естественно наряду с экономическими, политическими и другими факторами, единство нации. Без развитого литературного языка трудно представить себе полноценную нацию. Известный современный лингвист М.В. Панов [11, 9–10] среди основных признаков литературного языка называет такие, как язык культуры, язык обра-

зованной части народа, сознательно кодифицированный язык. Последнее – сознательная кодификация языка, то есть определение и узаконение его норм, – прямая задача культуры речи: с появлением литературного языка появляется и "культура речи".

Кодифицированные нормы литературного языка – это такие нормы, которым должны следовать все носители литературного языка. Любая грамматика современного русского литературного языка, любой его словарь есть не что иное, как его кодифицирование. Утверждение о том, что существительное женского рода с окончанием *-а* в именительном падеже в предложном падеже имеет окончание *-е* (а не какое-то другое) – это утверждение о норме. Однако такие нормы для носителей русского языка естественны, их кодификация предельно проста, с такой кодификацией справляется любой грамматист, и специалисту по культуре речи здесь делать нечего. Культура речи начинается там, где язык как бы предлагает выбор для кодификации, и выбор этот далеко не однозначен. Часто можно услышать *кило́метр*, но норма – только *киломе́тр*, не менее часто звучит *до́говор*, но норма – *догово́р*, хотя сейчас уже категорически не запрещается и *до́говор*, тогда как тридцать лет назад это ударение запрещалось. Это свидетельствует кроме всего прочего еще и о том, что современный русский литературный язык, хотя и может рассматриваться как язык от Пушкина до наших дней, не остается неизменным. Он постоянно нуждается в нормировании. Если же следовать раз и навсегда установленным нормам, то есть опасность, что общество просто перестанет с ними считаться и будет стихийно устанавливать свои нормы. Стихийность же в таком деле – далеко не благо, поскольку то, что кажется приемлемым одним, окажется неприемлемым для других. Поэтому слежение за развитием и изменением норм – одна из основных задач лингвистической науки о культуре речи.

Это хорошо понимали русские языковеды дореволюционного периода, свидетельством чему является анализ норм русского языка в вышедшей в 1913 г. книге В.И. Чернышева "Чистота и правильность русской речи", как бы подводящей некоторый итог развитию произносительных, морфологических и синтаксических норм со времен Пушкина. Приведем несколько характерных примеров из этой книги. В XIX в. еще были возможны колебания в употреблении или неупотреблении беглых гласных *о* или *е*: *ветр – ветер*, *вихрь – вихорь*, *пепл – пепел*, *промысл – промысел*, *умысл – умысел*. Возможны были и формы *матерь* и *дочерь*. Гораздо шире, чем теперь, в то время употреблялись безличные предложения: *Для одного этого потребовалось бы целой и притом большой статьи* (В. Белинский); *Было половина восьмого...* (Ф. Достоевский); *Дивно им грезилось весной, весной и летом золотым* (Ф. Тютчев).

Особой заботы потребовали общелитературные нормы в послереволюционные годы, что, разумеется, не случайно. В активную общественную жизнь включились широчайшие народные массы, которые недостаточно хорошо владели литературным языком. Естественно, возникла угроза расшатывания литературной нормы. Это прекрасно понимали филологи, проводившие большую работу по пропаганде культуры речи, такие, как известнейшие лингвисты В.В. Виноградов, Г.О. Винокур, Б.А. Ларин, Л.В. Щерба, Л.П. Якубинский и многие другие. Это прекрасно понимали и политики, в том числе и В.И. Ленин, выдвинувший идею создания словаря современного русского литературного языка, то есть словаря нормативного. Такой словарь в четырех томах был создан под руководством и под редакцией Д.Н. Ушакова.

Новым этапом в развитии культуры речи как особой научной дисциплины стали послевоенные годы. В центре внимания по-прежнему оставалась общелитературная норма. Крупнейшей фигурой этого периода был С.И. Ожегов, получивший широчайшую известность как автор самого популярного однотомного "Словаря русского языка", ставшего настольной книгой не одного поколения людей. После смерти С.И. Ожегова в 1964 г. активную работу по обновлению словаря ведет чл.-кор. РАН Н.Ю. Шведова; в 1992 г. вышел "Толковый словарь русского языка", авторами которого названы С.И. Ожегов и Н.Ю. Шведова. Прав оказался К.И. Чуковский, писавший в статье "Памяти С.И. Ожегова": "Его подвиг никогда не забудется нами, и я верю, что созданный чудесный словарь сослужит великую службу многим поколениям советских словарей". Другой несомненной заслугой С.И. Ожегова было создание в 1964 г. сектора культуры русской речи в руководимом тогда акад. В.В. Виноградовым Институте русского языка АН СССР. Этот сектор – теперь он называется отделом – работает и сегодня. Проблемы общелитературной нормы оказались в центре его внимания. Именно С.И. Ожегову принадлежит определение нормы, которое сейчас можно считать классическим: «Норма – это совокупность наиболее пригодных ("правильных", "предпочитаемых") для обслуживания общества средств языка, складывающихся как результат отбора языковых элементов (лексических, произносительных, морфологических, синтаксических) из числа сосуществующих, наличествующих, образуемых вновь или извлекаемых из пассивного запаса прошлого в процессе социальной, в широком смысле, оценки этих элементов» [9, 259–260].

Нормативный аспект культуры речи – один из важнейших, но не единственный. Чешский лингвист К. Гаузенблас пишет: "Нет ничего парадоксального в том, что один способен говорить на ту же самую тему нелитературным языком и выглядеть более культурно, чем иной говорящий на литературном языке" [3, 301]. И это абсолютно верно.

Можно привести большое количество самых разнообразных по содержанию текстов, безупречных с точки зрения соблюдения общелитературных норм, но не слишком вразумительных. Вот, например, такой текст из "Руководства по эксплуатации телевизионного приемника": "Для повышения качества воспроизведения мелких деталей при приеме черно-белого изображения в схему телевизора введено автоматическое отключение резекторных фильтров в яркостном канале. Уменьшение влияния помех достигается применением схемы автоматической подстройки частоты и фазы строчной развертки". Нам, неспециалистам, этот текст просто непонятен, поскольку мы не знаем, что такое резекторные фильтры в яркостном канале, фазы строчной развертки. А специалист, например мастер по ремонту телевизоров, знает об устройстве аппарата, конечно, не по руководству к нему. Значит, такой текст неэффективен, поскольку не имеет своего адресата. Следовательно, мало добиться нормативности текста, надо еще сделать этот текст хорошим.

Язык располагает большим арсеналом средств. Главнейшее требование к хорошему тексту таково: из всех языковых средств для создания определенного текста должны быть выбраны такие, которые с максимальной полнотой и эффективностью выполняют поставленные задачи общения, или коммуникативные задачи. Изучение текста с точки зрения соответствия его языковой структуры задачам общения в теории культуры речи получило название коммуникативного аспекта культуры владения языком.

То, что теперь называют коммуникативным аспектом культуры речи, было известно еще в античности, подарившей миру учение о риторике. Вначале риторика определялась как наука об ораторском искусстве, а затем ее стали понимать как науку вообще о хорошей речи – и устной, и письменной. В дореволюционной России риторика активно развивалась и в теоретическом, и в практическом плане, о чем можно прочитать в книге Л.К. Граудиной и Г.И. Миськевич [5] (см. Литературу). Подготовлена к печати и еще одна книга – хрестоматия "Русское красноречие", где даны выдержки из старых риторик и приведены образцовые с точки зрения следования правилам риторики тексты.

Еще один аспект культуры речи – этический. В каждом обществе существуют свои этические нормы поведения. Эти нормы касаются и многих моментов общения. Поясним это на таком примере. Если вы утром садитесь за стол с членами своей семьи, чтобы, так сказать, просто позавтракать, то вполне этичным будет попросить: *Передай-ка мне хлеб* (1). Но если вы сидите за большим праздничным столом с незнакомыми или не очень близкими вам людьми, то по отношению к ним уместно будет ту же просьбу выразить так: *Не можете ли вы* (или:

вас не затруднит) передать мне хлеб? (2). Чем отличается (1) от (2)? Ясно, что не нормативностью. С точки зрения эффективности коммуникации (1) прямым образом и, следовательно, более ясно выражает мысль, чем (2), в котором мысль выражена косвенно, но в ситуации праздничного стола все же уместно (2). Различие между (1) и (2) именно в следовании этическим нормам. Этические нормы, или иначе – речевой этикет, касаются в первую очередь обращения на "ты" и "вы", выбора полного или сокращенного имени (*Ваня* и *Иван Петрович*), выбора обращений типа *гражданин, товарищ, господин* и пр., выбора способов того, как здороваются и прощаются (*здравствуйте, привет, салют, до свидания, всего доброго, всего, до встречи, пока* и т.п.). Этические нормы во многих случаях национальны: например, сфера общения на "вы" в английском и немецком языках у́же, чем в русском; эти же языки в большем, чем в русском языке, числе случаев допускают сокращенные имена. Иностранец, попадая в русскую среду, часто, не желая того, выглядит бестактным, привнося в эту среду свой языковой этикет. Поэтому обязательным условием хорошего владения русским языком является знание русского языкового этикета.

Этический аспект культуры речи не всегда выступает в явном виде. Р.О. Якобсон [15], лингвист с мировым именем, выделяет шесть основных функций общения: обозначение внеязыковой действительности (*Это был красивый особняк*), отношение к действительности (*Какой красивый особняк!*), магическая функция (*Да будет свет!*), поэтическая, металингвистическая (суждения о самом языке: *Так не говорят; Здесь нужно иное слово*) и фатическая, или контактоустанавливающая. Если при выполнении пяти первых названных здесь функций этический аспект проявляет себя, скажем, обычным образом, то при выполнении контактоустанавливающей функции этический аспект проявляет себя особо. Контактоустанавливающая функция – это сам факт общения, тема при этом не имеет большого значения; не имеет значения и то, хорошо или плохо раскрывается эта тема. Этический аспект общения выступает на первый план. Вам, например, неудобно идти молча со своим знакомым, с которым вас, однако, связывает не слишком многое, и вы начинаете разговор о погоде, хотя и вам и вашему собеседнику она в этот момент безразлична. Цель такого разговора одна – установление контакта.

Роль этических норм в общении можно прояснить и еще на одном ярком примере. Сквернословие – это такое "общение", в котором грубейшим образом нарушены именно этические нормы.

Итак, культура речи – это такой выбор и такая организация языковых средств, которые в определенной ситуации общения при соблю-

дении современных языковых норм и этики общения позволяют обеспечить наибольший эффект в достижении поставленных коммуникативных задач.

Далее остановимся несколько подробнее на коммуникативном аспекте культуры речи.

КОММУНИКАТИВНЫЙ АСПЕКТ КУЛЬТУРЫ РЕЧИ

История развития учения о культуре речи сложилась так, что гораздо больше внимания, особенно в советское время, было уделено нормативному аспекту культуры владения языком. Это во многом объясняется и той социальной ситуацией, которая сложилась в стране после революции. Как уже было сказано, к активной общественной деятельности были привлечены огромные массы людей. Ясно, что эта общественная жизнь требовала и активной речевой деятельности на литературном языке, нормами которого владели далеко не все. Именно поэтому нормативный аспект культуры речи был главной заботой лингвистов и всего общества. Дальнейшая история страны – эпоха сталинщины – также не способствовала развитию культуры речи в коммуникативном аспекте. Основа основ коммуникативного аспекта культуры речи – выбор среди средств языка нужных для данной цели общения, – процесс творческий. Между тем творчество и диктатура "сильной личности" – вещи несовместимые. Во всем, в том числе и в речевой деятельности, предписывалось следовать готовым рецептам. Даже в прославлении любимого вождя нельзя было "выйти за рамки": *отец народов, корифей науки...* Старшее поколение наших читателей без труда продолжит этот ряд.

Лингвисты всегда хорошо понимали важность для культуры речи того, что здесь названо коммуникативным аспектом. Еще в 20-е годы известный советский филолог Г.О. Винокур, автор многочисленных, в том числе и популярных, работ по культуре речи, подчеркивал: "Для каждой цели свои средства, таков должен быть лозунг лингвистически культурного общества" [2]. Об этом же много позднее писал и С.И. Ожегов: "Высокая культура речи – это умение правильно, точно и выразительно передать свои мысли средствами языка. Правильной речью называется та, в которой соблюдаются нормы современного литературного языка... Но культура речи заключается не только в следовании нормам языка. Она заключается еще и в умении найти не только точное средство для выражения своей мысли, но и наиболее доходчивое (т.е. наиболее выразительное) и наиболее уместное (т.е. самое подходящее для данного случая) и, следовательно, стилистически оправданное" [10, 287–288].

Нельзя сказать, что дальше этих общих заявлений дело в иссле-

довании коммуникативного аспекта не пошло. Достаточно широко в современной русистике ведутся исследования по стилистике, особенно по лексической стилистике, что находит прямое отражение в словарях в виде стилистических помет, таких, как *книжн.* и др. Эти пометы ясно указывают, в каких текстах уместны данные слова. Есть и прямые попытки построить теорию культуры речи, включив в нее коммуникативный аспект. В работах Б.Н. Головина, в том числе и в его учебном пособии для вузов "Основы культуры речи", утверждается, что для культуры речи вообще значим только один – коммуникативный – аспект, в плане которого следует рассматривать и нормативность [4, 23–40]. Культура речи определяется как набор коммуникативных качеств хорошей речи. Эти качества выявляются на основе соотношения речи с некоторыми, как выражается Б.Н. Головин, неречевыми структурами. К неречевым структурам отнесены язык как некоторая основа, производящая речь, мышление, сознание, действительность, человек – адресат речи, условия общения. Последовательный учет этих неречевых структур требует от речи следующих хороших, то есть соответствующих этим структурам, качеств: правильность речи (иначе говоря, нормативность), ее чистота (отсутствие диалектизмов, жаргонизмов и пр., что также относится к ведению нормативного аспекта), точность, логичность, выразительность, образность, доступность, действенность и уместность. Нет сомнения в том, что все эти качества действительно важны для оценки многих конкретных текстов в коммуникативном аспекте. И задачу определения текста по шкале "плохой–хороший" в коммуникативном аспекте можно было бы считать решенной, если бы к любому тексту для этого достаточно было бы приложить названные девять признаков.

Провести такую оценку, однако, совсем не просто. Не слишком ясно содержание самих качеств. Чем, например, действенность отличается от уместности, может ли быть речь действенной, но не уместной и, наоборот, в каком отношении друг к другу находятся такие качества, как образность и выразительность? Кроме того, чтобы названные качества хорошей речи "работали" на построение хороших текстов, необходимо наполнить их языковым содержанием, для чего нужно четко представить, с помощью каких конкретных языковых средств можно обеспечить то или иное качество речи. Лингвистика еще очень далека от решения таких задач. Однако все же основная причина слабой "работоспособности" девяти качеств хорошей речи – в другом.

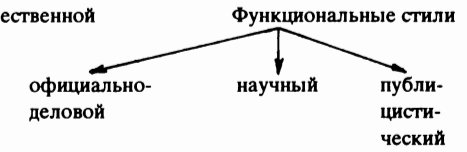
Язык выполняет разные коммуникативные задачи, обслуживает разные сферы общения: одно дело язык науки и совсем другое – обыденная разговорная речь. Каждая сфера общения в соответствии с теми коммуникативными задачами, которые ставятся в ней, предъявляет к языку свои требования. Поэтому невозможно говорить в комму-

никативном плане о культуре владения языком вообще. Речь должна идти о культуре владения разными функциональными разновидностями языка. То, что хорошо в одной функциональной разновидности языка, оказывается совершенно неприемлемо в другой. М.В. Панов пишет: «Не раз в печати появлялись жалобы, что лексикографы обижают слова: ставят около них пометы "разговорное", "просторечное" и т.д. Несправедливы эти жалобы. Такие пометы не дискриминируют слова. Посмотрим в словаре, у каких слов стоит помета "разговорное": *ворочать* (делами), *ворчун, восвояси, вперебой, впихнуть, выволочка, впросонках, впрямь, впустую, временами* (иногда), *всласть, всплакнуть, вспомянуть, встряска, всухомятку, газировка, гибель* (много), *глазастый, глядь, гм, гнильца, говорун, голубчик, гора* (много), *грохнуться, грошовый, грузнеть, ни гу-гу, гуртом, давай* (он давай кричать), *давненько*... Прекрасные слова. Помета "разг". их не порочит. Помета предупреждает: лицо, с которым вы в строго официальных отношениях, не называйте *голубчиком*, не предлагайте ему куда-нибудь его *впихнуть*, не сообщайте ему что он долговязый и временами *ворчун*... В официальных бумагах не употребляйте слова *глядь, всласть, восвояси, грошовый*... Ведь разумные советы?» [11, 9–10].

Если с этих позиций подойти к некоторым из девяти качеств хорошей речи, то оказывается, как это ни странно на первый взгляд, что в некоторых разновидностях хорошими или как минимум неплохими следует признать качества, противоположные тем, которые названы в списке. Так, например, если для научной речи действительно необходима точность, в том числе и точность в обозначении конкретных реалий, то в разговорной речи вполне нормативны такие, например, неточные обозначения, как *чем писать* (карандаш, ручка). Б.Н. Ельцин в книге "Исповедь на заданную тему" приводит такую полученную им записку: "Скажите, наши партийные руководители знают, что в стране нет элементарного: что поесть, во что одеться, чем умыться? Они что, живут по другим законам?"

Какие же существуют функциональные разновидности языка и какие требования с точки зрения культуры речи к ним следует предъявлять? Учение о функциональных разновидностях языка имеет свою историю. Долгое время разные сферы общения понимались как стили языка и стили речи. Стилями языка считались, например, язык науки, язык художественной литературы, разговорная речь. Стилями речи признавались частные реализации стилей, такие, например, как учебная лекция и научный доклад, в основе которых лежит научный стиль. В последнее время лингвисты пришли к выводу, что языковые различия между некоторыми сферами общения столь значительны, что объединять их одним общим понятием "стиль" едва ли целесообразно. Поэтому вводится понятие "функциональная разновидность

языка". Широкое признание получила типология функциональных разновидностей языка, сравнительно недавно предложенная акад. Д.Н. Шмелевым [14]. Эта типология такова:

Стилями Д.Н. Шмелев называет только функциональные стили, которые (все вместе) по своей языковой организации имеют существеннейшие отличия как от языка художественной литературы, так и от разговорной речи.

Как уже говорилось, главной отличительной особенностью языка художественной литературы является его особая по сравнению со всеми другими разновидностями предназначенность. Вся организация языковых средств в художественной литературе подчинена не просто передаче содержания, а передаче художественными средствами. Главная функция языка художественной литературы – эстетическая (или поэтическая). С этой целью в языке художественной литературы могут использоваться все другие функциональные разновидности литературного языка, а также и нелитературные формы национального языка: диалекты, просторечие, жаргонизмы и пр. Интересный пример обыгрывания элементов официально-делового стиля в художественных целях В. Шукшиным в рассказе "Чудик" приводит в одной из своих работ Д.Н. Шмелев:

«В аэропорту Чудик написал телеграмму жене:

"Приземлились. Ветка сирени упала на грудь, милая Груша меня не забудь. Васятка".

Телеграфистка, строгая сухая женщина, прочитав телеграмму, предложила:

– Составьте иначе. Вы – взрослый человек, не в детсаде.

– Почему? – спросил Чудик. – Я ей всегда так пишу в письмах. Это же моя жена!.. Вы, наверное, подумали...

– В письмах можете писать что угодно, а телеграмма – это вид связи. Это открытый текст.

Чудик переписал:

"Приземлились. Все в порядке. Васятка".

Телеграфистка сама исправила два слова: "Приземлились" и "Васятка". Стало: "Долетели. Василий"».

Можно привести еще ряд примеров такого рода: хорошо известно умелое обыгрывание просторечия в рассказах М. Зощенко; охотно использует диалектные слова В. Астафьев; немало слов лагерного

жаргона в произведениях на соответствующую тему у А. Солженицына и т.п.

Особое положение языка художественной литературы в системе функциональных разновидностей языка состоит еще в том, что он оказывает огромное влияние на литературный язык в целом. Не случайно в название нормированного национального языка включено определение "литературный". Именно писатели формируют в своих произведениях нормы литературного языка. А. Солженицын предложил "Русский словарь языкового расширения". "Лучший способ обогащения языка, – пишет автор в предисловии к этому словарю, – это восстановление прежде накопленных, а потом утерянных богатств" [12, 43]. В словаре приводятся такие, например, слова: *авосничать* – пускаться на авось, беззаботно; *бадьистое ведро* – просторное, большое; *бадяжничать* – шутить, дурачиться; *убарахтался* – умаялся; *бедить* – причинять беду; *безвидный* – неказистый, невзрачный; *беспорье* – безвременье, худая пора и т.п. Трудно сейчас сказать, какова будет судьба этих и других слов в литературном языке, но сам факт создания такого словаря заслуживает внимания. Когда размышляешь о языке художественной литературы, то, по-видимому, уместнее говорить не о культуре речи, а о таланте, мастерстве писателя в использовании всех богатств и возможностей национального языка. Дальнейшее развитие темы о языке художественной литературы увело бы нас далеко в сторону от проблематики культуры речи, и поэтому обратимся к другим функциональным разновидностям языка.

Но прежде чем говорить конкретно о каждой из них, необходимо подчеркнуть одно существенное обстоятельство. Важным требованием культуры владения языком является требование различать его функциональные разновидности, свободно пользоваться любой из них, четко представляя, какая из разновидностей языка должна выбираться в соответствии с задачами общения. Одно из основополагающих отличий такой нелитературной формы языка, как просторечие, от литературного языка заключается в том, что просторечные носители языка не различают или плохо различают разновидности языка. Попадая, например, в официально-деловую обстановку, просторечный носитель языка будет стремиться говорить не так, как он привык говорить дома, но как именно говорить в данной ситуации, он точно не знает.

Культура владения разными функциональными разновидностями языка – это прежде всего такой выбор и такая организация языковых средств, которые отличают данную разновидность от других, определяют лицо данной разновидности.

Среди функциональных разновидностей особое место, как можно видеть из приведенной схемы, занимает разговорная речь (далее – РР).

Еще не так давно РР рассматривалась в ряду функциональных стилей. Почему же она, по мнению многих исследователей, должна покинуть этот ряд? К одной из книг об РР предпослан такой впечатляющий эпиграф известного психолога и лингвиста Н.И. Жинкина: "Как это ни парадоксально, я думаю, что лингвисты долгое время изучали человека молчащего". И стоило лингвистам обратиться к живой обыденной речи, как они очень быстро поняли, что ее особенности столь существенны, что их нельзя понять и объяснить на основе законов письменного (или, как еще говорят, кодифицированного) литературного языка, тех законов, которые, в частности, зафиксированы в грамматиках. РР отличается от кодифицированного литературного языка следующими внешними, не собственно языковыми признаками: РР неподготовленна, спонтанна; говоря на обыденные темы, мы заранее не обдумываем текст – тексты на кодифицированном литературном языке, безусловно, предварительно обдумываются; РР возможна только в неофициальной ситуации общения; если в официальной обстановке пользуются РР, то это явный признак отсутствия культуры использования функциональных разновидностей языка – кодифицированный литературный язык, естественно, рассчитан на официальное общение; РР предполагает непосредственное участие говорящих в общении (нельзя выступать на собрании, читать лекцию на РР) – кодифицированный литературный язык рассчитан на опосредованное общение; письменная форма этого языка для того и существует, чтобы общаться не только через расстояния, но и через века.

Эти внешние особенности РР порождают ее прямо-таки неслыханные языковые особенности. Неслыханные в двух значениях: и необычные, и действительно такие, которые говорящие не слышат, не замечают, не осознают, поскольку РР неподготовленна, спонтанна. Думается, что даже последующий эскизный обзор основных особенностей РР приведет читателя либо в изумление, либо даже к неверию. Но послушайте себя, окружающих – и вы убедитесь, что так говорят.

Особенно ярко и многообразно проявляются особенности РР в синтаксисе. Могут быть выделены по крайней мере три зоны синтаксических особенностей РР. Первая зона – это особое разговорное функционирование некоторых форм слова. С самого начала изучения РР было обращено внимание на то, что имя существительное в именительном падеже в разговорном предложении может употребляться там, где в кодифицированном языке возможны только косвенные падежи: *Ты где живешь? – Я метро "Сокол"* (Я живу у метро "Сокол"); *Не скажете, как проехать "Дом обуви"? – "Дом обуви" вот любой трамвай или метро "Щербаковка"* (Как проехать к "Дому обуви? – К "Дому обуви" можно проехать на любом трамвае или на метро до

станции "Щербаковская"); *Они купили шкаф, карельская береза* (шкаф карельской березы). Также более свободно в РР употребляется неопределенная форма глагола (инфинитив); *Чашку, чай пить на работе, дай мне какую-нибудь; Кресло на даче сидеть нужно купить легкое какое-нибудь.*

Вторая зона синтаксических особенностей РР – это конструкции с неявно выраженным смыслом. Неявным называют такой смысл, для которого нет специально выражающего его языкового средства; неявный смысл обнаруживает себя на основе того окружения, языкового (контекст) и неязыкового (конситуация), в котором функционирует конструкция. Одной из конструкций с неявно выраженным смыслом является то, что в школьных грамматиках называют неполным предложением. В кодифицированном языке тоже есть неполные предложения, в основном двух типов: контекстные, они осмысляются с опорой на окружающий их текст, ср.: *Он читал книгу. Я – газету* (читал газету), и эллиптические, они осмысляются на основе внутреннего содержания предложения, ср.: *Татьяна в лес* (бросилась, побежала). В РР возможны оба типа. Причем если в эллиптических предложениях кодифицированного языка передаются в основном два типа значения: движения и речи (*Я не о том, я совсем о другом*), то в РР смысловые возможности эллиптических предложений намного шире: *Пальто щеткой можно* (почистить); *Мы дорожки золой зимой на даче* (посыпаем) и т.п. Широко представлены в РР конситуативные предложения, в которых не называется многое из того, что окружает говорящих в момент общения: в мебельном магазине, подойдя к креслу, можно просто сказать о нем *Удобное, но дорогое*. Существует в РР и совершенно особый тип неполных предложений. Неявный смысл в них осознается на основе того, что называют фоновыми званиями говорящих. Фоновые знания – это те общие знания, которые есть у конкретных говорящих в момент общения. Например, А знает, что Б хотел зайти в книжный магазин, чтобы купить словарь. Эти фоновые знания позволяют осуществить такой совершенно непонятный вне данных знаний диалог: **А.** *Ну, был ты?* (в книжном магазине) – **Б.** *Был, нет уже* (словарей) – **А.** *Да, это все моментально* (да, словари раскупаются моментально).

К числу предложений с неявно выраженным смыслом относятся также бессоюзные сложные предложения. Если в союзном типе сложного предложения смысловые отношения между соединяемыми частями выражаются специальным средством – союзом или союзным словом (*Если будет жарко, то пойдем на пляж*), то в бессоюзном сложном предложении нужные смысловые отношения как бы выводятся из конкретного содержания соединяемых частей (*Будет жарко –*

пойдем на пляж). В форме бессоюзного сложного предложения в РР могут выражаться такие смысловые отношения, которые в кодифицированном литературном языке возможно выразить только союзами: *Галстук, Саша подарил, не знаешь где?* (галстук, который Саша подарил); *Промокли – нитки сухой не было* (промокли так, что нитки сухой не было).

Третья зона синтаксических особенностей РР – это многочисленные и своеобразные способы выделения в предложении наиболее важных для понимания смысла предложения компонентов. Для этих целей используется особый порядок слов, когда два синтаксически непосредственно связанных слова могут быть разделены другими словами: *Красных купи мне, пожалуйста, стержней* (красных стержней для ручки). Широко используются в РР разного рода специальные слова (местоимения, утвердительные или отрицательные частицы) для выделения нужных компонентов: *Он что, уже в школу идет?; Ты завтра, да, уезжаешь?; Он летом, нет, к нам приедет?* Выделение нужных компонентов может осуществляться с помощью их повторов: *По Волге она Очень она по Волге любит ездить.*

Не менее ярки лексические особенности РР. РР отличается от кодифицированного языка не столько особыми словами, сколько особыми способами называния (номинации) разных реалий: *методичка* (методическое пособие), *калорийка* (калорийная булочка), *бетонка* (бетонная дорога), *диплом* (дипломная работа), *транзистор* (транзисторный приемник), *сад* (детский сад), *совет* (Ученый совет) и многие другие. Ряд глаголов в РР может включать в свое значение то, что в кодифицированном языке выражается специальным словом: *Он в этом году оканчивает* (школу, институт); *Он обычно досрочно сдает* (экзамены). Для РР характерно употребление какого-либо существительного в определенном микроколлективе с определенными фоновыми знаниями для обозначения целой достаточно сложной ситуации. Слово *дача* среди определенного круга знакомых употреблялось так: *Завтра у нас дача, нас дома не будет; Дача для нас это еще и редисочка, огурчики, помидорчики; Конечно, хорошая дача – это отдых, а наша развалюха все силы выматывает.*

Большим своеобразием отличается разговорное произношение. Для него характерна сильная редукция звуков вплоть до полного выпадения некоторых из них. В РР часто можно услышать: *тада* (тогда), *када* (когда), *стоко* (столько), *токо* (только), *чек* (человек), *всерно* (все равно), *здрасьте* (здравствуйте) и многие другие.

Итак, в обыденных ситуациях мы говорим совсем не так, как пишем. И в этом нет никакого нарушения правил культуры речи. Более того, если бы в таких ситуациях использовался кодифицированный язык,

ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА

именно это было бы нарушением этих правил. Действительно, странно было бы сказать сыну: *Сходи в магазин "Булочная-кондитерская" и купи пять калорийных булочек по десять копеек за штуку,* – и вполне нормально: *Сходи в хлебный и купи пять калориек, по десять копеек которые.* Между прочим, приведенный противоестественный способ изъясняться не столь уж нереален, как может показаться. К.И. Чуковский рассказывает:

«В поезде молодая женщина, разговорившись со мною, расхваливала свой дом в подмосковном колхозе:

– Чуть выйдешь за калитку, сейчас же *зеленый массив*!

– *В нашем зеленом массиве* так много грибов и ягод.

И видно было, что она очень гордится собою за то, что у нее такая "культурная" речь.

Та же гордость послышалась мне в голосе одного незнакомца, который подошел к моему другу, ловившему рыбу в соседнем пруду, и, явно щеголяя высокой "культурностью речи", спросил:

– Какие *мероприятия* предпринимаете вы для *активизации* клева» [13].

Все хорошо на своем месте. Штампы, шаблонные выражения типа *зеленый массив*, несомненно, большое зло для РР, но в официально-деловой речи без них не обойтись. В самом деле, невозможно представить себе вольную форму для заявления о командировке или об отпуске; существуют установленные образцы дипломов, паспорта и т.п. Штамп, таким образом, является важнейшей характерной чертой официально-делового стиля, но, конечно, культура владения официально-деловым стилем не ограничивается только знанием штампов. Разные жанры официально-делового стиля требуют разных речевых навыков. Исследователь этого стиля П.В. Веселов рассматривает, например, культуру ведения деловой беседы по телефону. Отмечается, в частности, что для эффективности беседы необходимо сразу же отрекомендоваться (следует говорить *Иванов у телефона, Петров слушает,* а не *Я у телефона. Слушаю*), никаких стилевых излишеств не должно быть при ведении разговора. "Служебный диалог по телефону, – пишет П.В. Веселов, – не подробный обмен мнениями, а обмен информацией оперативного значения с целью достижения определенных действий". И продолжает: "Подобно тому, как унифицирована письменная деловая речь, можно унифицировать и устную. Зачем? – Чтобы меньше говорить и больше делать" [1].

Особый жанр официально-делового стиля – это юридические документы: конституция, своды законов и пр. Главное для этих документов – четкие, полные, не оставляющие места для двусмысленности формулировки, ничто не дожно уходить в подтекст; неявно выраженный смысл для официально-делового стиля не характерен. Неко-

торая тяжеловесность многих юридических текстов неизбежна. При их создании действует как бы принцип: хорошо бы сказать проще, но проще не скажешь, ср.: "Защита гражданских прав осуществляется в установленном порядке судом, арбитражем или третейским судом путем: признания этих прав; восстановления положения, существовавшего до нарушения права, и пресечения действий, нарушающих право; присуждения к исполнению обязанности в натуре; прекращения или изменения правоотношения; взыскания с лица, нарушившего право, причиненных убытков, а в случаях, предусмотренных законом или договором, – неустойки (штрафа, пени), а также иными способами, предусмотренными законом".

Такие юридические тексты не предназначены для быстрого усвоения, они требуют неоднократного прочтения.

Эффективный набор языковых средств для построения добротных в плане культуры речи научных текстов подчиняется таким требованиям, как последовательная логичность изложения, точное обозначение понятий и реалий. Научный текст немыслим без терминологии, поскольку именно она обеспечивает точность обозначения. Последовательное развитие научной мысли (логика мысли) не позволяет, с одной стороны, использовать, как и в официально-деловом стиле, неявно выраженный смысл, а с другой стороны, требует того, чтобы новое предложение постоянно вбирало в себя смысл предшествующих. Это можно осуществить, просто повторив предшествующее предложение в форме придаточного, ср.: *В предложении слова объединяются в словосочетание. То, что в предложении слова объединяются в словосочетание, определяет особые синтаксические свойства слов.* Такой способ крайне неэкономен. Поэтому чаще используются другие способы: свертывание предшествующего предложения в отглагольное существительное, замена их местоимениями и пр., ср.: *Такое объединение определяет особые синтаксические свойства слова.* Такие способы не чужды и другим функциональным разновидностям языка, в языке научных текстов они особенно активны, ср.: "В этой главе теория обобщенных функций применяется к построению фундаментальных решений и к решению задачи Коши для волнового уравнения и для уравнения теплопроводности. *При этом* задача Коши рассматривается в обобщенной постановке, что позволяет включить начальные условия в мгновенно действующие источники (типа простого и двойного слоя на поверхности $t = 0$). *Таким путем* задача Коши сводится к задаче о нахождении такого (обобщенного) решения данного уравнения (с неизменной правой частью), которое обращается в нуль при $t < 0$. *Последняя задача* решается стандартным методом – методом суммирования возмущений, порождаемых каждой точкой источника, так что решение ее представляется в виде свертки

фундаментального решения с правой частью". В результате этого научные тексты оказываются информативно насыщенными в гораздо большей степени, чем, например, разговорные или публицистические. В тексты многих научных специальностей (математика, физика, химия, логика и др.) органически входят формулы. Поэтому научные тексты объективно трудны для восприятия. К ним нельзя предъявлять требование вседоступности. Следует, однако, заметить, что объективные трудности восприятия научных текстов не имеют ничего общего с субъективной трудностью восприятия некоторых научных текстов. Существует ложное убеждение, что наука в принципе должна быть непонятна для непосвященных. И поэтому некоторые ученые, особенно начинающие, стараются во что бы то ни стало написать "позаковыристей", например, так: "...На месте генетического знания выступает знание реальное, или ближайший смысл из числа неоязыковленных смыслов пространственной таксономии в речи коммуникативной абстракции". Прочтешь такое "неоязыковленное" суждение – и прямо хоть в отставку подавай, потому как не приблизиться тебе к этому шедевру!

Как кажется, основное требование к культуре владения научным стилем можно сформулировать как такую сентенцию: выражайся настолько сложно, насколько сложен объект исследования, и не более того.

Следует отметить еще одно немаловажное обстоятельство. Есть существенные различия между письменной и устной формами научного стиля. Например, вполне оправданна глубокая информационная насыщенность письменных научных текстов, поскольку письменный текст, если он не сразу понят, может быть вновь прочитан. Устный научный текст, например лекция, такого повторного восприятия, естественно, не допускает. Поэтому опытный лектор подает информацию как бы порциями, часто возвращаясь к уже сказанному, вновь активизируя его в сознании слушающих. В результате семантико-синтаксическая структура устного научного текста оказывается весьма своеобразной. Специально исследовавшая устные научные тексты О.А. Лаптева главной чертой их считает дискретность (прерывистость) [8, 119]. Вот небольшой приводимый ею пример (в несколько упрощенной передаче): "Нужно формулировать наши теоретические выводы таким образом. Чтобы они были четко, так сказать, уже с самого начала, при формулировке, они включали в себя возможность их проверки фактами. Причем не только данным ученым, но специалистами в области эмпирии. То есть можно. Организовать, так сказать, разделение труда между теоретиками и людьми, работающими в области эмпирии, в области статистики, которые, опираясь на правильно сформулированные теоретические положения, когда правильно сформулированные теоретические положения, когда

правильно сформулированные требования, проверки того или иного теоретического положения, могли сказать. Да, вот это положение подтверждается фактами. Вот это положение не подтверждается фактами". Ясно, что писать так нельзя, но говорить вполне можно, культура владения устным научным стилем здесь не нарушена.

Нетрудно видеть, что официально-деловой и научный стили имеют немало общего. Это прежде всего точность обозначений (термины), отказ от смысла в неявном выражении. Эти стили относятся к разряду строгих. Они рельефно отличаются от нестрогой разговорной речи. Особое промежуточное положение между строгими и нестрогими функциональными разновидностями языка занимает публицистический стиль. Известный языковед В.Г. Костомаров, анализируя один из основных жанров публицистики, язык газет, показал, что в нем соединяются две противонаправленные тенденции: тенденция к стандартизации, свойственная строгим стилям, и тенденция к экспрессивности, характерная для разговорной речи и для языка художественной литературы. В.Г. Костомаров пишет: "К максимуму информативности стремятся научный и деловой стили... К максимуму эмоциональности приближаются некоторые бытовые и поэтические тексты... Газетное изложение не терпит ни той, ни другой крайности: в первом случае не было бы эмоционально воздействующего эффекта (скучно, неинтересно), во втором – необходимой фактографичности (на одних чувствах)" [7, 91]. Приведем только один пример соединения этих тенденций: статьям на серьезнейшие темы может предшествовать экспрессивный "легкомысленный" заголовок. Вообще современная пресса – это своеобразное соревнование заголовков (кто ярче и необычнее назовет): *О чем промолчит глас народа; В экологическом концлагере; Второй эшелон номенклатуры; Бермудский треугольник в Лаврушинском переулке; "Вопросы истории" под вопросом; Лес рубят – машины стоят;* и даже элементарный прогноз погоды озаглавлен в одной из газет так: *У природы нет плохой погоды.*

Итак, была сделана попытка в общих чертах определить основные языковые особенности функциональных разновидностей языка и дать рекомендации по культуре владения ими. Следует подчеркнуть, что в данном случае речь может идти именно о рекомендациях, а не о тех достаточно жестких требованиях, которые предъявляет нормативный аспект культуры речи. Процесс создания текста определенной функциональной направленности – это творческий процесс, исключение составляют только некоторые канонические жанры официально-делового стиля. Творчество всегда предполагает проявление языковой индивидуальности. Каждая функциональная разновидность языка располагает таким богатым арсеналом языковых средств и способов их организации, что всегда есть возможность строить соответствующие

тексты разнообразно, но во всех случаях эффективно. Чем выше культура владения функциональными разновидностями языка, тем в большей степени проявляется языковая индивидуальность. Едва ли в пособиях по культуре речи можно научить языковой индивидуальности – это, как говорят, от Бога, но вот научить не создавать неэффективных в коммуникативном плане текстов, вероятно, можно.

В последующих главах книги мы попытаемся подробнее рассказать о наиболее острых (хотя, конечно, далеко не обо всех) вопросах культуры современной русской речи. В них обсуждаются проблемы культуры речи в массовой коммуникации (главы "Культурно-языковая инициатива в публицистике", "Мы, мода и язык"). На современном этапе развития науки о языковой культуре, как и прежде, немалое значение имеют исследования нормативного характера, направленные на выяснение тенденций и перспектив развития литературной нормы на всех уровнях языка. В главе "Наш век породнил подснежник и цифру" уделено особое внимание рассказу о существующих научных методах изучения нормы – статистическом и компьютерном; показано, как эти методы используются при решении целого ряда культурно-речевых проблем. В особых главах книги пропагандируются идеи возрождения учения о русском красноречии ("Красное слово жемчугом по бархату катится"), восстановления эристики – науки о культуре спора, о правилах и приемах ведения полемики ("Духовной силою и разума, и слова"). Это возрождение риторики позволяет надеяться на то, что коммуникативный аспект культуры речи – пусть и под флагом риторики – получит необходимое для общества развитие и число серых и вялых текстов самой разной функциональной направленности пойдет на убыль.

Для русского языка всегда остро стоял тесно связанный с национальным самосознанием вопрос об иностранных заимствованиях. Еще в начале XIX в. адмирал А. Шишков пытался заменить иностранные *галоши* на русские *мокроступы*. Не менее остро этот вопрос стоит и сейчас, о чем можно прочитать в главе "Звонкое иноязычие". И наконец, в последней главе рассказывается о таких стойких "болезнях" языка, как штампы, ярлыки и кацелярит.

Литература

1. *Веселов П.В.* Служебный телефонный разговор // Рус. речь. 1990. № 5.

2. *Винокур Г.О.* Культура языка. М., 1929.

3. *Гаузенблас К.* Культура языковой коммуникации // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1988. Вып. 20: Теория литературного языка в работах ученых ЧССР.

4. *Головин Б.Н.* Основы культуры речи. М., 1988.

5. *Граудина Л.К., Миськевич Г.И.* Теория и практика русского красноречия. М., 1989.

6. *Земская Е.А., Китайгородская М.В., Ширяев Е.Н.* Русская разговорная речь: Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис. М., 1981.

7. *Костомаров В.Г.* Русский язык на газетной полосе. М., 1971.

8. *Лаптева О.А.* Синтаксическая дискретность монологического высказывания в устной научной речи // Функциональные стили: Лингвометодические аспекты. М., 1985.

9. *Ожегов С.И.* Очередные вопросы культуры речи // Ожегов С.И. Лексикология. Лексикография. Культура речи. М., 1974.

10. *Ожегов С.И.* О нормах словоупотребления [Предисловие к кн.: Правильность русской речи: Словарь-справочник. М.: Наука, 1965] // Ожегов С.И. Лексикология. Лексикография. Культура речи. М., 1974.

11. *Панов М.В.* О литературном языке // Рус. яз. в нац. шк. 1972. № 1.

12. *Солженицын А.И.* Русский словарь языкового расширения // Рус. речь. 1990. № 3.

13. *Чуковский К.И.* Живой как жизнь. М., 1962.

14. *Шмелев Д.Н.* Русский язык в его функциональных разновидностях. М., 1977.

15. *Якобсон Р.* Лингвистика и поэтика // Структурализм: "за" и "против". М., 1975.

КУЛЬТУРНО-ЯЗЫКОВАЯ ИНИЦИАТИВА В ПУБЛИЦИСТИКЕ

> Что такое язык? Прежде всего это не только способ выражать свои мысли, но и творить свои мысли. Язык имеет обратное действие. Человек, превращающий свои мысли, свои идеи, свои чувства в язык... он также как бы пронизывается этим способом выражения.
>
> *А.Н. Толстой*

Считается, что язык газеты неполноценен. Общим местом стали, например, такие суждения: "Каким стилем пишутся наши газеты?.. Передовые статьи, фельетоны, отчеты, заметки и так далее пишутся в ряде случаев банальным, штампованным языком, приглаженным под средний уровень, скользящим – как давно знакомое и слышанное – по сознанию читателя" [13, 541].

Вместе с тем некоторые лингвисты, внимательно следящие за процессами, происходящими в современном литературном языке, понимают, что иногда нападки на язык нашей прессы бывают и необоснованными, что нужны особые исследования, посвященные языковой природе публицистики. Акад. В.Г. Костомаров отмечал: "Можно говорить о газетном языке как целостной совокупности стилистико-функциональных явлений, создающих языковую сторону газеты и в то же время газетную сторону языка" [8, 3]. В центре внимания ученого – нерешенная проблема о месте газетной речи в системе литературного языка. С этой точки зрения особый интерес вызывает культурно-языковая инициатива в публицистике. Что же все-таки происходит с языком под пером журналиста, каким образом он видоизменяет язык и какие стилистические ошибки при этом допускаются? Слишком большой вред культуре речи наносит часто мелькающее перед глазами неправильное печатное слово. Здесь пойдет речь лишь о влиянии профессиональных стилей на язык газеты.

Важнейшим следствием совершенствования научно-технической мысли являются изменения в составе и видах наименований новых явлений. В названиях закрепляются сдвиги, происходящие в области автоматизации и кибернетизации в сфере разного рода индустриальных систем, в таких отраслях общественного производства, как связь, транспорт, сфера обслуживания, строительство, сельское хозяйство.

Наблюдения показывают, что средства массовой коммуникации, и в

первую очередь газета, выступают как посредник между профессиональными сферами языка и его письменной общелитературной разновидностью.

Тенденции развития языковых норм в наше время не могут быть удовлетворительно исследованы, если не учитывать перемещения специальных пластов лексики, которые "двигаются" в своем употреблении не единицами и не десятками, а сотнями слов. Диапазон переходных стилистических сфер литературного языка неизмеримо расширился благодаря появлению разнообразных форм стилистической организации речи. Имеется в виду развитие сравнительно новых жанров в средствах массовой коммуникации, например телевизионных репортажей (которые снимаются на местах событий и включают нередко фрагменты неподготовленной и неотредактированной речи), бесед за "круглым столом", панорамных обозрений и т.д. Журналист, который комментирует те или иные события, происходящие в науке и технике, вынужден искать новые варианты организации и отбора языковых единиц. Отраслевые газеты, радио- и телепередачи всегда содержат материалы, оформленные в языковом отношении с помощью разностилевых элементов.

Переплетение профессионально-технических и публицистических речевых средств приводит к неожиданным стилистическим комбинациям. Не все языковые явления, характеризующие отличительные черты профессиональной речи, проникают в общелитературный язык. Многое остается в пределах замкнутых терминологических систем. "Наличие переменной и ее отрицания не только достаточное, но и необходимое условие тождественной ложности элементарной конъюнкции" – это высказывание ясно лишь специалисту по логике. "Литературная газета" откликалась на явления подобного рода в шутливо-иронической форме: «Проверьте свою эрудицию! Переменный гравиметрический потенциал, разбуженный турбулентными завихрениями, изобарно циклировал. Градиент прецессии угрожающе сфокусировал угол диффузии, тогда как обратная решетка совсем нутацировала. Вибриональный андроид с ужасом верещал на трахее. Бедная, бедная решетка! Критическая напряженность довела ее до семантики аксиально-гармоническим путем». В приписке «от администрации "Клуба ДС"»: "Если вы поняли рассказ на 20 процентов, то ваша эрудиция здорово хромает.

Если вы поняли сорок процентов текста, то у вас пострадала также и голова...

При 100-процентном понимании – вы конченый человек!" (Когда градиент не фурычит – Лит. газ. 1975. 28 мая).

Из каждой профессиональной, особенно научной, сферы можно привести десятки образцов речи, понятной только узкому кругу специалистов. Однако заслуживают самого пристального внимания те

новые факты, которые со временем широко распространяются среди населения через газеты, популярные журналы, наконец, из живой речи профессионалов. Эти явления требуют и нормативной оценки, и активного отношения к ним языковедов.

Вот отрывок из письма, написанного в редакцию "Правды" и посланного затем в отдел культуры речи: «...Почему же нет авторитетного и обладающего должной властью учреждения, которое бы наблюдало за чистотой и сохранностью русского языка – основы нашей культуры?.. Русский язык активно засоряется мусором иностранщины, особенно в этом повинны научно-технические работники, всевозможные деятели искусства, работники так называемой сферы обслуживания, спорта. "Шикарные", иностранные словечки так идут к длинным волосам, джинсам, обшлагам и воротникам без застежек! Облик молодого дарования – ученого, популярного спортсмена – неполон без хлестких иностранных словечек. Ухватив иностранное словечко, он им щеголяет в докладе, в лекции, в научной статье, в беседе по радио и телевидению.

...Иной с важностью пишет: "Молекула, экспонированная в растворителе, блокирует отверстие в мицелле", полагая, что если он скажет просто "молекула, помещенная в растворитель, прикрывает отверстие в мицелле", то это снизит его ученое значение. Сколько таких ученых самодовольно пишут: "этнологические агенты" вместо "причины", "эклипс-фаза" вместо "скрытое действие", "убиквитарны" вместо "вездесущи", "фертильность" вместо "плодородность", "проксимальный" вместо "приближенный". А модельеры и модельерши лепечут: "блузон", "макрамэ", "фриволитэ", "прогностически" (вместо "предположительно"), "макияж"... А спортсмены, деятели сферы обслуживания, деятели искусств! Их болтовня о хет-трике, о релаксации, диск-жокеях, дублях, форсинге, ложементах, рецепциях, мониторингах и пр. В диетическом магазине Харькова висит рукописный плакат-рекомендация под названием "Питание при демпинг-синдроме". В рыбном магазине "Океан" над полками с банками консервов укреплено составленное из больших резных букв слово "пресервы". Об этом можно писать трактат. Нужны самые решительные меры. Необходим закон об охране русского языка».

Если отбросить пылкость и резкость оценок, то существо письма заставляет нас задуматься. В самом деле, для широкого читателя специальные темы повествования должны быть приспособлены к общелитературным контекстам. При этом решающей оказывается ориентация на общепонятные и общедоступные формы изложения, выдержанные в рамках принятой литературной нормы. Элементы речи, "пересаженные" из одной стилистической системы в другую, в течение какого-то времени остаются в ней лишь стилистическими инкрустациями. Освоение чужих элементов может быть и неполным и

неточным. Реализуются не все смысловые возможности, которые заложены в той стилистической системе, откуда заимствуется слово или форма, а лишь те из них, которые оказываются наиболее удобными для общеупотребительного пользования. Хотелось бы подробнее остановиться только на одном явлении, связанном с упомянутыми процессами, – явлении детерминологизации в языке.

Как уже сказано, специальная терминология, относящаяся к развивающимся областям человеческой деятельности, особенно активно переходит из относительно замкнутых терминологических систем в область общелитературного употребления. Проблема унификации и нормализации терминологии сейчас привлекает к себе пристальное внимание исследователей. Естественно, что и обратный процесс, связанный с "олитературиванием" терминов, не может не вызвать интереса.

Проф. В.В. Акуленко отмечал наиболее характерные черты этого явления: "Если детерминологизация в XIX в. вела к пополнению книжных слоев лексики, то теперь она обычно формирует нейтральные или даже разговорные слои литературной лексики... Переход научно-технических терминов в общее употребление является общеевропейской современной тенденцией" [2, 187].

Процесс миграции терминов из одной стилистической системы в другую и переход от одного семантического воплощения к другому отличаются своеобразием. В новой стилистической среде нередко ассимилируется не вся смысловая структура термина в целом, а лишь ее отдельные стороны: чаще всего развиваются потенциальные возможности, которые определяют его новые синтагматические связи. Лишь позднее происходит более глубокое преобразование смысловой структуры слова на базе новой контекстной семантики. Слово приспосабливается к новым контекстам, и эти новые контексты, в свою очередь, меняют его первоначальную семантическую емкость. Не порывая с традицией профессионального употребления, термины служат новым целям, реализуя свои "скрытые" смысловые и стилистические возможности, суженные прежде специальной сферой применения. Можно привести пример со словом *сервис*, заимствованным из специальной экономической литературы. Как известно, его первоначальное значение – переводное: англ. *service* – "служба, обслуживание". В научной экономической литературе этот термин используется с определенным терминологическим значением – "сфера услуг". В общелитературное и обиходное употребление слово стало входить особенно активно в 60-е годы, хотя еще в 30-е годы в словаре под редакцией Д.Н. Ушакова оно было отмечено как новое. Сейчас в слове отчетливо выделяются три значения:

1) обслуживание бытовых нужд населения, ср. примеры из разговорной речи: *сервис* не очень хорош; Что же это получается,

товарищи, занятые *сервисом*? (из репортажа по телевидению 8 янв. 1983 г.);

2) совокупность учреждений по обслуживанию нужд населения и созданию удобств для него, ср. примеры: В сороковые годы многие предприятия *сервиса*, а мы, кстати, тогда и слова-то такого не знали, работали иначе (из репортажа по телевидению на тему "Отпроситься с работы" 10 янв. 1983 г.). Возникли устойчивые сочетания *транспортный сервис, телевизионный сервис, заводской сервис:* Но что мешает росту *заводского сервиса*?.. Перспективы у *заводского сервиса* хорошие... Особо хочется сказать о юридическом статусе заводской бытовой службы, оплате труда ее работников (Веч. Москва. 1983. 4 февр.);

3) *сфера услуг* – это прежде терминологическое понятие стало и обиходным, ср. словосочетания: *работники сервиса, мастера сервиса, молодые кадры сервиса.* По модели смысловой структуры слова *служба* расширяется его семантическая емкость: в ряде контекстов оно имеет более обобщенное значение – сервис как "определенная отрасль производства". В современных газетах типично такое, например, употребление: Большинство юношей и девушек, направленных *в индустрию сервиса,* закрепляются на новом месте, трудятся инициативно и добросовестно (Правда. 1982. 26 сент.).

Можно спорить, отдельные ли это значения или только оттенки значений, но необходимость различения трех разных смысловых нюансов в употреблении этого слова сомнений не вызывает. С нормативной точки зрения неудачно, однако, получившее хождение тавтологическое словосочетание *служба сервиса*, которое не изжито из употребления, несмотря на протесты языковедов; ср. встречающиеся примеры: В *службе сервиса*, которую развернули камазовцы... (из радиопередачи 13 нояб. 1979 г.); По предложению работниц была создана фабричная *служба сервиса*, облегчавшая женщинам многие домашние хлопоты (из газет). В свое время выступления против тавтологического сочетания с внутренне противоречивой семантикой (нетканая ткань) возымели действие: теперь употребляют только сочетание *нетканые материалы,* иногда слова, обозначающие более специальную разновидность ткани, – *нетканол*, разг. *нетканка.*

Как правило, переосмысление термина происходит в процессе неточного воспроизведения его смысла. Все те свойства, которые признаются существенными для термина, обнаруживают тенденцию к переходу на позиции свойств "не термина", к приобретению противоположных качеств.

В профессиональной среде изменение значения термина и форм его записи влечет за собой не только неоднозначность понимания тех-

нического смысла сказанного, но и "стандартную неурядицу": срывы в проектировании важных объектов, переделки уже сделанной работы и т.д. Освещая эти актуальные для специального языка вопросы, инженер-конструктор Л. Попов сетует: «...Парижские моды куда менее капризны, чем ГОСТ». И дальше: «Под внешне убедительным предлогом совершенствования языка техники на нас обрушиваются все новые ГОСТы, ОСТы, РТМ (руководящие технические материалы), СТП (стандарты предприятий), методические указания и инструкции... Надумали заменить старый термин "разъем" (штепсельный разъем) на "соединитель"... Элемент, о котором идет речь, позволяет "разъять" части, соединенные, кстати, не только розеткой и вилкой, но и разными другими способами – болтами, винтами, закрепками, склейкой, сваркой. Именно "разъять", а не "разнять", поскольку сохраняется возможность их вновь состыковать. Не принимаются во внимание морфология и сложившиеся традиции: существовала, допустим, "линия разъема", ныне она теряет смысл» (Л. Попов. Капризней парижских мод. – Правда. 1982. 3 сент.).

Как только термин переходит на позиции общеупотребительного слова, начинает меняться его социальная оценка. Однозначность, четкая очерченность семантики термина в новом языковом окружении нередко тяготеет к полисемии и семантической неопределенности. Нейтральность окраски для своей среды меняется на яркую стилистическую окрашенность, когда слово используется в новых контекстах.

В профессиональной среде поощряется тенденция к освобождению от вариантных средств и к строгой идеографической распределенности в отношении синонимов. В общелитературном же употреблении действие этой тенденции резко ослабляется: появляются лексические и грамматические варианты, возникают новые синонимические связи. Складывающаяся новая семантика слова подлежит анализу не только с точки зрения соответствия или несоответствия первоначальному значению термина, но и с точки зрения нормативности–ненормативности тех конкретных языковых явлений, которые возникают в речи.

Классическая работа В.В. Виноградова "Основные типы лексических значений" [4, 15] помогла установить перспективу в изучении семантического строения слов. Подчеркивая мысль о том, что "тенденция к группировке слов большими кучками вокруг основных центров значений" составляет одну из характерных особенностей русского языка, В.В. Виноградов раскрыл те конкретные зависимости, которые определяют специфику лексических значений, существующих как самостоятельный структурный элемент языка. Значение слова определяется и соответствием понятию, и рядом зависимостей: 1) от грамматического значения (свойств части речи, к которой принадлежит слово); 2) от общественно осознанных контекстов употреб-

ления; 3) от конкретных лексических связей его с другими словами; 4) от семантического соотношения с синонимами; 5) от экспрессивной и стилистической окраски слова. Можно заметить, что последняя черта, отмеченная В.В. Виноградовым, – зависимость от стилистической окраски слова – оказывается во многих случаях первой и ведущей, когда исследуются причины перемещения термина из специальной среды в область общего употребления.

Чеховский герой в шутку заметил по поводу терминов, что любой из них имеет "свое таинственное недоумение". Склонность к многозначной семантике термина, к стилю профессионального речеведения общеизвестна. Нередко и в самом контексте выражено авторское отношение к терминологическим обозначениям реалий. Ср. примеры: Такое пренебрежительное слово, как "утильсырье", заменяется таким значительным, как "вторичные материальные ресурсы" (из радиопередачи); Дело было в стерильном учреждении. Везде кафель. Строгие, без излишеств коечки. Обильные водой душевые. И легко забранные в надежный металл окна. К подъезду подкатывают нежно-бежевые с красными крестиками автомобили... Приют нежданного умиротворения. И при такой заботливой обиходности слово "вытрезвитель" звучит, конечно, вульгарно. Медико-санитарная служба. Вот так. Чтобы не коробить слух (Веч. Москва. 1982. 2 окт.). И "вторичные материальные ресурсы", и "медико-санитарная служба" в той специальной языковой среде, из которой они заимствуются, имеют более широкое значение. Созданный журналистами контекст сузил их семантику введением обиходных синонимических единиц.

Иногда та же терминологическая окрашенность слова становится основой для индивидуальных и окказиональных семантических преобразований. В новогодней шутке "Подледный лов", опубликованной в "Правде" В. Егоровым, таким образом обыгрывалась терминология рыболовов: "Отправляясь на подледный лов, следует экипироваться по всем правилам. Учтите, что на рыбалке вы будете не один... Поэтому, чтобы не показаться неряхой, не забудьте до блеска начистить ботинки. Галстуки для подледного лова рекомендуется подбирать темных тонов. В зависимости от погоды. Захватите одну-две мормышки и соответственно закуски... Разделавшись с лункой, закидывайте подальше удочку и смело приступайте к процессу ужения. Открывайте термос, в который жена налила настоящей ухи из свежемороженого окуня, откупоривайте припасенную мормышку и поехали! Почувствовав, что начинается клев, залезайте в спальный мешок или, еще лучше, идите в ближайшую деревню и проситесь переночевать: мир не без добрых людей, кто-нибудь да приютит обязательно. Тут как раз очень кстати будет вторая мормышка". В конце юморески дается объяснение специальных рыбацких терминов, встречающихся в тексте:

"*ужение* – процесс принятия пищи (очевидно, от искаженного *ужинать*),

клев – полусонное состояние (ср. *клевать носом*),

мормышка – широко распространенная у рыбаков мера объема жидкости 0,25 литра".

Новогодняя шутка не имеет прямого отношения к детерминологизации, но вместе с тем еще более подчеркивает психологические и эстетические причины обращения авторов к терминологической лексике как к сильному стилистическому средству.

Приведенные примеры характеризуют лишь первую ступень семантического преобразования термина. На этой ступени изменения касаются только синтагматического плана, когда наблюдаются лексико-семантические вариации слова при тождестве его основного значения. Слово остается в пределах одной и той же части речи со всеми присущими ей категориями и формами.

Вторая ступень семантического преобразования предполагает более глубокое видоизменение структурных элементов слова. Происходят сдвиги и в его морфологической валентности, его способности занимать определенные позиции в морфолого-синтаксических структурах. Можно проследить целый ряд "сквозных" закономерностей, характерных для происходящего процесса семантического преобразования специальных слов в тех случаях, когда затронуты не только их лексические, но и грамматические элементы.

Существуют большие группы варьирующихся единиц, среди которых действует четко выраженная тенденция к размежеванию терминологических и общелитературных вариантов. Можно привести примеры в составе родовых форм: *метаморфоз* (спец.: превращение, переход из одной формы в другую, например *метаморфоз горных пород*) и *метаморфоза* (разг.: полное, совершенное изменение); *просек* (спец.: вспомогательная горизонтальная подземная горная выработка, например *вентиляционный просек*) и *просека* (общелитературное значение: очищенная от деревьев полоса земли в лесу); *манжет* (спец.: ср. *манжет из резины*) и общелитературное *манжета* и т.д.

Приведем один пример недавно распространившейся формы страдательного причастия *задействован*. Заметна активизация в профессиональной речи префиксальных образований с приставкой *за-*, в которых она имеет значение "достижение действием результата": *заорганизовать, завесить* (в магазинах в значении "взвесить"), *закодировать, задокументировать, задействовать*. Этот глагол не зарегистрирован ни в одном словаре литературного языка в том значении, в котором он широко распространился с 70-х годов в разговорной и газетной речи, переместившись из слоев профессиональной речи:

Задействованы старые контрабандные каналы связей, проходящие через Таиланд, причем для их надежного функционирования рекомендовано идти на подкуп таиландских таможенных чиновников (Правда); Телефон будет *задействован* (телефильм "Всем спасибо", речь помощника режиссера, 1982 г.); Построена новая АТС в районе Ясенево. С первых дней этого года начнется ее *задействование* (из выступления по телевидению о телефонизации Москвы); Журналисты *задействованы* в этой области (устная речь, 1980 г.); Проводились наиболее интересные опыты, в которых было *задействовано* много приборов (из речи космонавтов по телевидению); Люди будут *задействованы* на мирные нужды (из речи Е.Т. Гайдара. – ТВ. 6 окт. 1993 г.). Во всех этих случаях причастие обозначает "начало активного действия достигнутого действием результата". Успеху этого образования способствует ярко выраженное значение очень активно, энергично проходящего действия в сочетании с общим стилистическим оттенком профессионально-деловой речи, откуда пришло это слово[1].

Во всех приведенных контекстах возможен нейтральный и литературный эквиваленты. С нормативной точки зрения не все языковеды одобряли этот неологизм[2]. Форма причастия *задействован* особенно резко стилистически окрашена, когда она используется в применении к лицам, ср.: *журналисты задействованы; он будет задействован в теме* (из речи научного сотрудника). Здесь сказывается жаргонный налет сниженной оценки деятельности лица. В редакции журнала "Человек и закон" на прямой вопрос, считают ли они нормативной эту форму, 20 сотрудников редакции ответили отрицательно: ни один из слушателей активно эту форму не использует и не одобряет ее употребления в печати. Вместе с тем нельзя не вспомнить и тех многочисленных случаев, когда некоторые слова или формы все же

---

[1]Употребление этой формы в печати стало заметным после выхода в свет книги В. Богомолова "В августе сорок четвертого" (М., 1975). В примечании к книге автор писал, что он широко использовал в тексте "специфический узкопрофессиональный жаргон розыскников военной контрразведки". Среди прочих терминов глагол *задействовать* в книге наиболее частотен; см., например, текст шифротелеграммы: "Напоминаю, что задействованный с 1 августа сего года условный знак... содержится только в командировочных предписаниях" (с. 273); Органам контрразведки... надлежит создать и задействовать на военно-автомобильных дорогах подвижные поисково-истребительные группы "Смерши" (с. 405); К утру было задействовано свыше семисот оперативных групп (с. 265) и мн. др.

[2]В газете "Ленинградская правда" (1982. 22 мая) В. Колесов писал: "Слово *задействовать* никогда не было литературным, оно является разговорным и, к сожалению, с недавних пор очень употребительным... Внутреннее противоречие между смыслом и эмоциональным содержанием слова настораживает всякого читателя, когда он сталкивается с очередным образованием вроде *задействовать*: что в нем важно – корень-смысл или приставка-настроение? Однако в разговорной речи подобные слова оказались живучими".

закреплялись в общелитературном употреблении, несмотря на протесты отдельных лиц. Так случилось и с глаголом *задействовать*. Проблема научно обоснованной, объективной оценки нормы употребления все еще остается одной из наиболее актуальных и до конца не исчерпанных и не раскрытых.

Особый интерес представляют семантические процессы, происходящие в многочисленной группе сложносоставных существительных типа *блок-корпус, план-карта, кран-балка, кресло-капсула, манеж-бассейн, воротник-хомут, тонна-километр* и под. В "Орфографическом словаре" зарегистрировано свыше 1000 подобных наименований, и число их непрерывно растет. Причем образуются эти существительные, как правило, именно в профессиональной среде, и многие из них быстро перемещаются в область более широкого общелитературного употребления. Эти неологизмы интересны тем, что представляют собой сложные семантические блоки аналитического типа. В процессе речевого общения к одной подобной единице прикрепляется несколько смыслов одновременно. Ср., например: *Диван-ларь-скамья* состоит из ящика с подымающейся крышкой, к которой прикрепляется съемный тюфячок (Женский календарь на 1980 г.). Сразу ясно, что речь идет об одной вещи, имеющей три разных функциональных назначения. Семантическая емкость и лаконизм модели таят в себе немалые возможности, что и объясняет большую популярность новых образований.

Хотя внешне сложносоставные наименования представляют собой относительно свободные синтаксические соединения, семантические отношения между компонентами состава неравноправны. В составе наименования слова́ чаще всего вступают в отношения определяемого и определяющего: одно из слов (определяемое) является ведущим и несет основную смысловую нагрузку, а второе (определяющее) – выступает как приложение к нему, дополняющее характеристику предмета с разных сторон. *Автомобиль-радиостанция* – это автомобиль, имеющий радиостанцию; *звезда-гигант* – это звезда гигантского размера; *кресло-кровать* – это кресло типа кровати. Отдельные образования становятся особенно популярными. Повышение частоты употребления не только способствует выходу этих наименований за пределы терминологической системы, но и закрепляет тенденцию к смысловой спаянности компонентов. Смысловая интеграция сложения сопровождается генерализацией грамматического значения: все грамматические показатели сложной единицы переосмысляются, ориентируются на характеристику одного объекта мысли. Утрачиваются склоняемость и родовая характеристика его первого компонента. Образование окончательно переоформляется в единое сложное слово (ср.: *в новой план-карте, получены заказ-наряды, продаются*

плащ-накидки, проводятся матч-турниры; испытание нуль-детектора, на кран-балках).

В процессе освоения новых сложений трансформации значения неизбежны, и на этапе их переосмысления появляются вариантные формы, создающие затруднения и при необходимости их склонения, и при необходимости родового согласования с этими словами. Каждый такой случай требует индивидуального подхода и особого внимания. Принципы лексикографической кодификации этих единиц в современных словарях далеки от единообразия.

Укоренение новых норм в общелитературном употреблении – процесс длительный, и его проявления многоплановы. Один из аспектов изучения динамики нормы связан с уточнением характера вариантности, сопровождающей появление новых слов. Известно, что неустойчивые варианты слов и форм – спутники неологизмов. Как только появляется слово, оно очень часто вначале испытывает колебания в грамматической форме, орфографии, произношении. Несклоняемые слова типа *сафари* (стиль одежды), *солидаго* (цветок), *каратэ* (вариант *карате*, вид спортивной борьбы) испытывали колебания в согласовании по роду, так как родовая характеристика обобщающего слова не соответствовала среднему роду, привычному для несклоняемых слов: *солидаго расцвел* и *расцвело*. Слово *дискотека* в течение того времени, пока складывались его значения, колебалось в предложных сочетаниях: *идти на дискотеку – идти в дискотеку* и т.д. Подобных примеров можно привести немало.

На определенных этапах развития того или иного научно-технического направления появляются центральные понятия, наиболее характерные для какой-либо разновидности профессиональной речи. Так, ядро НТП составляет автоматизация и кибернетизация – направление, которое сейчас бурно развивается и получает широкий общественный резонанс. Появился новый раздел техники – "антропотехника", то есть технические системы, воспроизводящие и усиливающие функции отдельных органов человека, так же как и модели машин, напоминающих человека. Появились и ряды слов, называющие кибернетические устройства и группирующиеся вокруг определенных понятийных центров. Так, одну из групп наименований составляют слова во главе с понятием "робот". Само слово *робот* зафиксировано еще в 40-е годы: в Словаре иностранных слов 1949 г., во втором издании БСЭ, в 17-томном Словаре современного русского литературного языка (но в Толковом словаре под редакцией Д.Н. Ушакова 1939 г. не было отмечено). Однако активизировалось оно лишь в последние десятилетия: вокруг него сформировались другие однокоренные слова; оно обросло новыми сочетаниями и новыми грамматическими формами, еще не включенными в толковые словари.

Можно привести широко распространенные слова и словосочетания: *промышленные роботы, робот-компьютер, робот-литейщик, -сварщик, -формовщик, -маляр, -механик, -красильщик, -сборщик, -прессовщик, -кузнец, -лесоруб* и т.д.; *робототехника, роботизация производства, роботостроение, роботизированный узел, роботизированный цех, роботизированная линия* и др. Некоторые из форм в настоящее время испытывают значительные колебания в употреблении и нуждаются в оценках с нормативной точки зрения.

Прежде всего, само существительное *робот* колеблется в формах согласования с глаголами по признаку одушевленности–неодушевленности. Неустойчивость грамматической нормы особенно усилилась в связи с распространением слова в языке печати. Для техников слово *робот* стоит в ряду неодушевленных существительных и вступает в синонимические отношения с наименованиями *автоматическое устройство, автоматический манипулятор*, например: Можно установить *робот*, манипулятор которого будет проверять каждую машину (За рубежом. 1984. № 6). Журналисты же, пользуясь словом *робот*, постоянно обыгрывают его значение – "автоматический человек, выполняющий сложные операции при помощи телеуправления, производящие впечатление осмысленных человеческих действий". В текстах журнальных и газетных статей "робот" становится как бы живым героем. Вот заголовки статей: *Робот* требует работы (Правда. 1984. 22 авг.); *Робот* шагает в лес (Правда. 1984. 24 дек.); И послали *робота* на кухню (Ригас балсс. 1984. 12 нояб.); *Робот* любит порядок (Веч. Москва. 1984. 25 авг.) и т.д.

В общелитературной речи, таким образом, слово вступает в иные синонимические отношения в зависимости от того, в каких контекстах оно используется в технической речи. Японские рабочие воспринимают механические роботы как живых людей и даже присваивают им имена известных эстрадных певцов и актеров. В детских кинофильмах им также дают человеческие имена и тем приучают сознание к восприятию слова *робот* как одушевленного существительного. Сложилось отношение к нему как к существительному, хотя и обозначающему неживой предмет, но при этом сохраняющему все морфологические признаки одушевленности. В склонении это проявляется в том, что у слова *робот*, как у всех одушевленных существительных, форма винительного падежа равна родительному: *послать робота, встречать роботов, создавать роботов, загрузить робота, взглянуть на удачных роботов, выпускать роботов* и т.д.: Японские рабочие приветливо *встречали роботов*, когда те только начинали свое победное шествие по цехам предприятий... Если вы сумеете *загрузить робота* двадцать четыре часа в сутки, то уже через год он

будет работать на вас бесплатно (Правда. 1984. 11 янв); Трудятся роботы. Это наши помощники. Невозможно *установить роботов* без наших слесарей (Всесоюзное радио. 28 нояб. 1984 г.).

Вместе с тем нельзя не заметить и другого процесса. Становятся разнообразными и усложняются конструкции типа "роботов-автоматов", ничем не напоминающих человека. Норма профессиональной речи, в которой "робот" идет по модели "механизм", а не "человек", все больше укореняется в речи. Стали появляться и такие контексты, в которых слово *робот* склоняется как неодушевленное существительное: Владельцы японских предприятий начали в массовом порядке *внедрять роботы* в производство (Правда); Стали *выпускать роботы-манипуляторы* (Всесоюзное радио); *Создать новые роботы* – дело нелегкое (Поиск. 1990. № 8).

Колебание вариантов по одушевленности–неодушевленности у слова *робот* отчасти поддерживается аналогичным явлением в составе других слов. Существительные *разведчик, истребитель, бомбардировщик, дворник* (устройство для механического протирания смотрового стекла) в тех случаях, когда они обозначают неживые предметы, иногда склоняются по модели одушевленных существительных: *сбить вражеского разведчика, поставить дворника*. Нельзя исключать предположения о том, что может победить профессиональная норма и у слова *робот* более перспективной окажется склоняемость по модели неодушевленного существительного. Сейчас уже нередки контексты: *установить робот; загрузить робот работой; послать роботы на стройку; создавать, внедрять, строить, использовать, выпускать роботы* и т.д.

У новых сложносоставных существительных, называющих компьютеры наименованиями профессий рабочих (*робот-литейщик, робот-кузнец, робот-маляр* и т.д.), обе части названия не сливаются в одно слово и склоняются каждая отдельно по аналогии с наименованиями рабочих: *механик-водитель*, им. мн. *механики-водители; летчик-инженер*, им. мн. *летчики-инженеры*. Ср. пример: Гонцы с опытного механического отправляются во все концы, чтобы взглянуть на удачливых роботов. Особенно интересуют *роботы-сварщики* (Веч. Москва). Но если сочетания типа *роботизированный цех, роботизированный комплекс* преобразуются в сложносокращенные слова типа *робот-комплекс*, то первая часть в таких сокращениях не будет склоняться, ср. уже появившиеся новообразования *робот-оператор, робот-лаборатория*.

Приведем еще один пример. В современной биологии одним из актуальных направлений является генетика – наука о развитии организмов, их изменяемости и передаче наследственных свойств. И

центральное понятие "ген" (носитель наследственности), и связанные с ним термины, такие, как *генетический метод, генетическая классификация, генетическая теория,* были широко известны в начале XX в., зарегистрированы и в Толковом словаре под редакцией Д.Н. Ушакова, и в 17-томном Словаре современного русского литературного языка. Вместе с развитием этого научного направления в 60–70-е годы появились и новые термины, широко распространившиеся в печати, но не включенные в толковые словари, например: *геном* (генетический аппарат), *мутагены, мутагенез* (процесс изменения наследственного материала), *онкогены* (так называемые гены рака), *генофонд, генетико-селекционная работа, вирусо-генетическая теория* и т.д. В этой группе в наши дни варьируются относительные прилагательные *генный* и *генетический:* в печати конкурируют сочетания *генная инженерия* и *генетическая инженерия, генный банк* и *генетический банк,* например: В стране, как и во всем мире, успела возникнуть лавина биотехнологических исследований, в том числе и с использованием методов *генетической инженерии* (Правда. 1984. 5 дек.); Методы тканевой культуры и *генной инженерии* позволяют отделять плохо развивающиеся зародыши картофеля и выращивать их в питательной культурной среде (За рубежом. 1983. № 44).

Слово *банк* в значении "свод, фонд каких-либо данных, сохраняющихся с информационной, поисковой и т.д. целью (банк данных, банк архитектурных идей, банк информации)" стало употребляться сравнительно недавно. В словаре-справочнике "Новые слова и значения" (М., 1984) первые газетные иллюстрации к этому значению относятся к началу 70-х годов. Сочетания *генный* и *генетический банк* также относятся к новообразованиям последних десятилетий: *В генетическом банке* Международного центра картофеля представлены все восемь его культурных видов и большинство из 154 дикорастущих (За рубежом. 1983. № 44); Должен быть создан *генный банк* данных (Веч. Москва. 1993. 22 июня).

Сейчас даже и в речи биологов термины *генетическая* и *генная инженерия, генетический* и *генный банк* активно конкурируют, и окончательно ни один из вариантов не утвердился, хотя, по мнению некоторых специалистов, следует предпочесть термин *генный банк.* В самом деле, прилагательное *генный,* закрепленное в составе терминологических сочетаний, обладает одним-единственным значением. Являясь по смыслу строго относительным, это прилагательное, производное от существительного *ген,* имеет и производное значение: *генная инженерия* – инженерия, имеющая дело с генами; *генный банк* – банк генов, фонд генов, место их хранения. В то же время прилагательное *генетический,* имеющее более давнюю историю, чем

прилагательное *генный*, обладает бóльшим числом значений. Так, оно является относительным прилагательным к слову *генетика: генетическая теория, генетическая система, генетико-селекционная работа*. Кроме того, прилагательное *генетический* в некоторых сочетаниях связано со словом *генезис: генетическое исследование права наследственности, генетический метод*, в других – и с существительным *ген: генетические операции, генетический материал, генетический аппарат, генетические элементы, генетический код*. Однозначный вариант *генный* предпочитается чаще, потому что в сознании с ним не связываются какие-либо другие значения, кроме узкотерминологического, тогда как прилагательное *генетический* многозначно. Смешение значений вариантов, конечно же, нежелательно. Поскольку в языке мотивированность прилагательного *генный* выражена более четко и определенно, в некоторых сочетаниях оно может закрепиться как более предпочтительное. Таким образом, в современном употреблении сосуществуют оба прилагательных – *генетический* и *генный*, хотя и намечается их определенная смысловая специализация.

Языковая структура допускает разную степень вариативности. Прежде чем будет проведено осознанное упорядочение вариантов, то есть ученые-языковеды дадут им в словарях и грамматиках не только развернутое толкование, но и нормативную оценку, должен иметь место стихийный процесс закрепления слов в новых контекстах, сочетаниях, значениях.

Как показано на примере истории слова *сервис*, на пути внедрения в новые стилистические сферы термину становится тесно в рамках специального значения. Проходя определенные ступени смыслового преобразования, он оказывается под давлением стилистических норм литературного языка. Причем преодоление профессионально-технических навыков в употреблении становится одним из важных условий его упрочения в литературном языке. В практике активной нормализации языка необходимо учитывать и мнение ученых-языковедов. Критика ошибочных форм или, наоборот, защита новообразований, так же как и четкие нормативные квалификации новых языковых явлений терминологического происхождения, – дело очень деликатное и трудное, но все же необходимое.

Литература

1. Актуальные проблемы культуры речи. М., 1970.
2. *Акуленко В.В.* Вопросы интернационализации словарного состава языка. Харьков, 1972.
3. *Верещагин Е.М.., Костомаров В.Г.* Язык и культура. М., 1981.
4. *Виноградов В.В.* Избранные труды: Лексикология и лексикография. М., 1977.

5. *Горбачевич К.С.* Нормы современного русского литературного языка. М., 1981.
6. *Граудина Л.К.* Вопросы нормализации русского языка. М., 1980.
7. *Земская Е.А., Китайгородская М.В., Ширяев Е.Н.* Русская разговорная речь. М., 1981.
8. *Костомаров В.Г.* Русский язык на газетной полосе. М., 1971.
9. *Костомаров В.Г.* Языковой вкус эпохи. М., 1994.
10. *Милославский И.Г.* Морфологические категории современного русского языка. М., 1981.
11. *Ожегов С.И.* Лексикология. Лексикография. Культура речи. М., 1974.
12. Русские писатели о литературном труде. Л., 1956. Т. 4.
13. *Толстой А.* Читатель о газете // Русские писатели о литературном труде. Л., 1956. Т. 4.
14. *Шведова Н.Ю.* Активные процессы в современном русском синтаксисе. М., 1966.
15. *Шмелев Д.Н.* Русский язык в его функциональных разновидностях. М., 1977.

МЫ, МОДА И ЯЗЫК

Речь, мимика, внешний облик, манеры говорящего могут многое сказать нам об уровне его сознания, воспитания, общей культуре. М. Зощенко, сатирически изображавший жизнь своего современника, так определял ключевое для него понятие культуры: "Культура – это не только образование. Это сложная сумма поведения, это сложная сумма выработанных привычек, в основе которых положены эстетические и этические вкусы (нормы)" ("Перед заходом солнца"). Соблюдение этических норм, правил хорошего тона, учет выработанного поколениями жизненного опыта накладывают определенный отпечаток и на выбор стиля речевого общения. С этой точки зрения небезынтересен язык модных журналов, например таких, как "Модели сезона" и "Журнал мод", а также рубрика типа "Мы и мода" в публицистических изданиях – газетах и журналах. Ведь моду мы воспринимаем как стиль поведения, стиль одежды и даже стиль жизни человека.

При всей изменчивости моды язык тех, кто ее создает или пропагандирует, довольно стабилен: он стойко отражает вкусы нашего времени, уклад нашей жизни и нашей культуры, а потому заслуживает пристального внимания. Нельзя не заметить, что язык и стиль модных журналов имеют некоторые особенности.

Основное внимание в этих изданиях сосредоточивается на демонстрации моделей в рисунках и фотографиях, а текст занимает сравнительно мало места. Свое главное назначение журналы успешно выполняют – они интересны, занимательны, красочны и заслуженно пользуются спросом у самых широких слоев населения. Однако именно поэтому их авторам нелегко писать, и они попадают иногда в затруднительное положение. С одной стороны, приходится считаться с влиянием "языка улицы", ежедневной практики городской речи – пошивочных мастерских, ателье, швейных фабрик, легкой промышленности. С другой стороны, еще большие трудности связаны с давлением терминологической сферы речи.

Как специальные слова и выражения, принятые в определенной профессиональной среде, термины должны быть однозначными, т.е. иметь четко и точно очерченные значения. Но поскольку в журнале все должно быть понятно массовому читателю, авторам приходится проявлять осмотрительность при употреблении специальных терми-

нов. Особенную настороженность должны вызывать немотивированные заимствования, которые нельзя вводить без всяких оговорок в тех случаях, если эти термины читатель не сможет найти в толковых словарях русского литературного языка. Между тем термины этого типа употребляются в журнале нередко: *ткань с рисунком "пье-де-пуль", пальто-тренч, плащи редингот, блейзер, анорака* и *анорак, пояс типа "норфолк", рубашка-поло, куртки-парки* и т.д.; ср.: юбки из *туали* носить советуем с трикотажным *комбидрессом* с глубоким вырезом... (Бурда. 1990. № 2. С. 18).

Можно привести один пример. В рубрике "Мы и мода" в газете "Вечерняя Москва" (1991. 17 мая) рекомендовались моды: «Второй бесспорный фаворит – пиджак-блейзер. На сегодня актуальны всевозможные жакеты, пиджаки, но самый модный должен быть достаточно длинным – 76–80 см, облегающим, женственным... Не потеряли актуальности так полюбившиеся прошлым летом "пижамные брюки" – свободные, широкие, из тонких натуральных тканей, впрочем, так же как и трикотажные, "в облипочку" брюки-стрейч... Сильно клешеные юбки с блейзером или длинным трикотажным хлопковым жакетом, или джемпером – это "самое то"!».

"Самое то" – для пишущих, а для читателей – совсем наоборот! В справочную службу отдела культуры русской речи Института русского языка РАН постоянно звонят и спрашивают о значении слов типа *блейзер, стрейч,* об их происхождении и нормативности употребления, потому что ни в толковом, ни в орфографическом словаре таких слов нет. В этих случаях самый лучший вариант для пишущих – рядом с новым словом через запятую пояснять его значение, например: «Наш курс – *пэчворч*. На этот раз мы расскажем о лоскутной технике "пэчворче", т.е. о соединении лоскутов тканей разных расцветок» (Бурда. 1990. № 10. С. 93).

Мода широко рекламируется в газетах, по радио и телевидению. Но язык рекламы должен быть понятен всем. Однако это правило – общепонятности и общедоступности – постоянно нарушается. Приведем пример: «Студия "Сударушка" принимает желающих в кружки по вязанью. Она также устраивает выставку вязаных изделий, а также изделий из кожи фриволите». Тот, кто знает французский, – а моды нам диктует Париж, – легко догадается, вспомнив французское *frivole* (восходящее к лат. *frivolus* – "глупый, пустой, легкий"). Речь идет, видимо, о легких кожах. Однако на догадках знания не строятся. В. Юдашкин, создавший несколько тысяч моделей одежды, в интервью, данном им для еженедельника "Аргументы и факты" (1991. № 19), справедливо сказал: "Я всегда в своей работе исходил из того, что мода интернациональна и ее язык должен быть везде одинаково ясен". Хорошие слова. С ними трудно не согласиться. Мода интерна-

циональна. И неизбежно поэтому появление интернациональных терминов. Значит, возникает необходимость более тесного сотрудничества модельеров и лингвистов, чтобы язык моды был действительно понятным.

Профессиональное обсуждение характера терминологии и необходимости соблюдения определенных условий употребления терминов сейчас уже не может проводиться в отрыве от деятельности специальных терминологических комиссий. При этом неизбежно возникает вопрос о лингвистических оценках разработанных терминологических документов. Относительно швейной терминологии, в частности, необходимо заметить следующее. Возьмем ГОСТ 17037-77 под названием "Изделия швейные. Термины и определения". Это официальное издание представляет несомненный интерес для лингвистов. Во-первых, в этом стандарте установлены применяемые в легкой промышленности и швейном производстве термины и определения основных понятий, относящихся к разным видам готовых швейных изделий. Во-вторых, документально закрепляются строгие нормативные предписания лингвистического характера, содержащие ряд запретов и оговорок по поводу употребления швейной терминологии. В частности, в тексте ГОСТа на первой же странице содержится предупреждение о том, что "приведенные определения можно при необходимости изменять по форме изложения, не допуская нарушения границ понятий". Лингвистические рекомендации носят характер достаточно жесткой директивы. Вопросы стилистического выбора решаются однозначно. Так, запрещается использование синонимов для принятого и определенным образом истолкованного стандартизированного термина. В помещенном отдельным списком перечне терминов все стилистические эквиваленты считаются недопустимыми. Синонимы такого рода приведены в стандарте лишь в качестве справочных и обозначены пометой "ндп." (недопустимо). Так, дается определение понятия "плащ" – "верхняя одежда с рукавами, с разрезом от верха до низа, изготовленная из водоотталкивающего материала", а употребление в качестве синонима слова *макинтош* считается недопустимым. При словах *жакет, халат, блузка, фартук, трусы, бюстгалтер, кепи* помещены варианты, которые квалифицируются как недопустимые: *жакетка, капот, кофта* и *кофточка, передник, трусики, лифчик* и *лиф*.

Даже из этого небольшого списка запрещенных эквивалентов видно, как из терминологии старательно изгоняются разговорные уменьшительные формы типа *жакетка, кофточка, трусики, лифчик, кепка* и т.п. Вместе с тем в тех случаях, когда речь идет о маленьких размерах одежды для новорожденных и детей ясельного возраста, нормативными считаются именно уменьшительные формы. У этих терминов в

самой семантике слова содержится указание на малые размеры, что и передается с помощью специальных грамматических суффиксов уменьшительности: *распашонка, рубашечка, ползунки, кофточка, простынка, чепчик*. В этих случаях варианты без уменьшительных суффиксов рассматриваются как неприемлемые. Так, если "одежда для новорожденных и детей ясельного возраста с застежкой по середине переда с рукавами и отложным воротничком" названа *кофтой*, а не *кофточкой*, такое употребление не будет соответствовать принятому стандарту.

Все основные положения ГОСТа с лингвистической точки зрения воспринимаются как достаточно мотивированные и целесообразные и в целом возражений не вызывают. Составители проявили осторожность и в том, что новую заимствованную терминологию не стремились вставить в списки фиксированных терминов. Это касается, в частности, широко распространившихся в разговорной речи названий одежды типа *батник, болонья, блейзер, сафари* и т.п. В самом деле, далеко не все слова из ряда заимствований "осядут" в общеупотребительной лексике современного языка. Поэтому именно в области иноязычных и только что освоенных слов поспешная регламентация терминов нежелательна. Однако существует и оборотная сторона этой проблемы.

Что означает рекомендация ГОСТа употреблять термин в специальном, четко определенном значении? Это предписание должно строго соблюдаться только в узких терминологических сферах речи, например в специальной документации швейной и легкой промышленности, в названиях швейных изделий в магазинах, на складах и т.п. В устной же речи в тех же магазинах, пошивочных мастерских и ателье допустимо использование синонимов, стилистических экспрессивных средств, заимствований, неологизмов. Журналисты, получив заказ редакции написать статью или заметку о моде, могут использовать и профессиональную терминологию, и разговорные формы речи, в особенности если избранный жанр дает возможность введения разнообразных стилистических красок (очерк, интервью, тематическая статья и т.д.). В этих случаях часто наблюдаются сдвиги в употреблении языковых средств, их семантике, синтаксисе, стилистике, обусловленные существующими динамическими закономерностями развития языка. А лингвисты нередко нуждаются в нормативно-стилистических оценках и анализе взаимодействия терминологических и бытовых форм речи.

Как уже сказано, новых слов типа *комбидресс, стрейч, поло* нет в списках швейной терминологии ГОСТа или вообще в каком-либо профессиональном словаре. Однако некоторые наименования одежды все же укоренились в современной разговорной речи и даже включены в словник "Орфографического словаря" (слова *джинсы* и *батник*).

Недавно распространившееся слово *сафари* – арабское по происхождению с первоначальным значением "путешествие". Так, в Братиславе вышла книга проф. Й. Вагнера и Н. Шнайдеровой под названием "Сафари", посвященная путешествию по Африке (отрывки из книги публиковались в "Неделе" в 1980 г.). От арабского корня [сфр] существует немало (до 40) однокоренных образований с разными значениями. Одно из них, связанное с наименованием спортивной одежды, которую носили в Африке туристы, получило широкое распространение. Существуют сумки, пояса, обувь, куртки и платья типа "сафари". Таким образом, словом *сафари* обозначался определенный стиль одежды. Возникает проблема моды и словотворчества. Журналисты охотно подхватывают возникшие в речевой стихии словечки и тем самым помогают им закрепиться во всеобщем литературном употреблении. Например: «Выйдешь на улицу и наверняка увидишь парня или девушку в зарубежных джинсах, "фирмовой" рубашке. Но ведь как-то это все равно попадает к нам. Ведь не в магазинах же они покупают... Сколько лет мы говорим и пишем о джинсах! А результат? Как не было джинсов, так и нет» (Мода и экономика. – Комс. правда. 1979. 14 нояб.).

Встречаются и другие примеры, когда чувство стилистической "сообразности и соразмерности" не позволяет одобрить создаваемые авторами тексты. Так, под влиянием особенностей разговорной речи в языке журналов мод заметна тенденция к употреблению уменьшительных форм: *розочка, веточка, треугольничек, ромбики, штампики, серединка, поясочек, складочки* и т.п. Этот стиль очень напоминает диалоги вежливости с налетом услужливости, которые мы слышим в парикмахерских: "– Головку набочок! Височки прямые? Одеколончик?" Конечно, вежливость приятнее откровенной грубости и сквернословия. Но важно помнить: уменьшительные формы нередко вызывают отрицательные эмоции. А.И. Куприн относил слова типа *кусочек, чашечка, вилочка, яичко, яблочко* к языку богаделок и приживалок. Известно его высказывание: "Я питал и питаю отвращение к этим уменьшительным словам, признаку нищенства и приниженности" (М.К. Куприна-Иорданская. Годы молодости. М., 1960. С. 86). Бесспорно, не всем говорящим свойственна столь резкая реакция на уменьшительные варианты. Русский грамматист и писатель К. Аксаков рассматривал их иначе. "Малому свойственно быть милым", – замечал он по поводу этих образований. Да, есть в языке и такие "смягчительные" формы, относящиеся к явлениям природы, которые нельзя уменьшить: *денек, солнышко, водица*. Иногда эти слова улучшают настроение.

Несмотря на разноречивую оценку этих образований, ясно одно: важно осторожно, с чувством меры употреблять уменьшительные

формы. В швейной терминологии многие из таких форм закрепились в составе специальных сочетаний: *низки брюк или рукавов, листочек карманов, уголки подворотника, подлисточки, отрезные бочка* и т.п. В самом деле, обозначения мелких деталей одежды требуют употребления уменьшительных форм. Такого рода терминология возражений не вызывает. Ограничения и осторожность в выборе уменьшительных форм желательны в контексте, свободном от терминологических обозначений. Если речь идет о *поясе* или *складках*, необязательно называть их *пояском* и *складочками*. В свое время о разговорных элементах речи и возможных пределах их введения в тексты литературного языка замечательно писал Д.Н. Ушаков: "Учиться языку на флорентинском базаре или, как Крылов, у прачек в Твери – это значит не гнушаться народных оборотов, но это не значит совать их без толку. Всегда в таких случаях должно быть чувство меры и известный такт, так как эти живые элементы могут быть, с одной стороны, чрезвычайно привлекательны, а могут иногда и отталкивать. Здесь правила не выработаешь, и все дело во вкусе и в такте" (Д.Н. Ушаков. Русский литературный язык. М., 1929. С. 17). С этой точки зрения соблюдение стилистических норм в языке моды не может считаться безупречным.

Рассказ о целесообразной моде иногда переходит в слащаво-сентиментальное повествование в стиле "элеганс". При этом смысл отдельных высказываний приглушается нагнетанием "красивостей". Происходит своеобразная стилистическая "маскировка пустоты". Так, в одном из номеров журнала прошлых лет ("Мода стран социализма") речь шла о коллекции одежды, представленной Венгрией: «Это негромкие, но ясно различимые мелодии, вплетенные в современную канву общей моды, – декоративное оформление головного убора, жилета, акцентирование линий кроя, двубортная застежка с "прокидкой" шнуров-петель – старинный элемент одежды венгерских гусар, вязаные орнаментированные чулки». Синтаксис фразы таков, что получается: "мелодии" – это не что иное, как элементы одежды гусар, при этом непонятно, какое отношение ко всему этому имеют орнаментированные чулки. Стилистически неудачна и следующая фраза: "Свободные блузы с накладными карманами, с различно оформленными воротниками, планками, шлицами, соединяют в себе одновременно элегантность, деловитость и домашний уют" ("Модели сезона"). Речь идет о впечатлении, производимом блузами с накладными карманами, а фраза построена так, что блузка оказывается средоточием контрастных качеств – деловитости и уюта. А вот еще аналогичный пример: "Философия, сливаясь со стратегией, преобразуется в дух Диора" (речь идет о духах Диора. ЦТ. Переводной фильм о Диоре. 24 февр. 1991). Неудачны обороты "брюки обретают

пропорции", "о́бразные формы современной одежды" – несовременная одежда также имела о́бразные очертания, тавтологичны выражения "силуэтные формы", "звучные цветовые акценты" и т.д.

Совершенствование профессионального языка – особая работа. Она должна вестись, как уже указано, в тесном сотрудничестве с терминологическими комиссиями, редакциями специальных изданий и сотрудниками отдела культуры русской речи Института русского языка РАН. В этом случае открытое обсуждение всех трудностей и вариантов норм литературного языка приведет к научной и сознательной охране чистоты и правильности речи.

"НАШ ВЕК ПОРОДНИЛ ПОДСНЕЖНИК И ЦИФРУ"

Лаконичной стихотворной строкой сибирский поэт Роман Солнцев точно выразил одну не перестающую удивлять особенность нашего времени: научно-техническими открытиями сведено воедино, казалось бы, несопоставимое – стекло и женская мода, подснежник и бионика, статистика и культура речи.

В этом отношении весьма показательна игра "крестословица", развивающая не только умение отыскать нужное слово, но и тренирующая лингвистическую память, усиливающая способность к живому, осмысленному восприятию языковых единиц. Еще в 1968 г. редакция журнала "Наука и жизнь" опубликовала правила этой игры и обратилась с просьбой в Институт русского языка АН СССР составить "наборную кассу" "крестословицы", рассказав при этом о значении статистики в нашей науке. Эту работу пришлось выполнить тогда автору этих строк и доктору филологических наук В.А. Ицковичу [2].

"Крестословица" – игра интеллектуалов и особенно интересна студентам и учащимся. Поэтому полезно еще раз вспомнить ее правила и воспроизвести те рекомендации, которые даются участникам игры.

Из тонкой фанеры или толстого картона вырежьте 130 фишек размером 2 × 2 см, если вы надумаете делать также и доску для игры, и 0,9 × 0,9 см, если вы будете использовать как игровое поле 4-ю стр. обложки книги. На 128 фишках напишите тушью или выжгите с помощью выжигательного прибора буквы алфавита. Количество фишек с той или иной буквой и ее стоимость указаны в таблице.

Две фишки должны остаться пустыми. Не забудьте также сделать несколько запасных фишек на тот случай, если какая-либо фишка потеряется.

Доска для игры – поле 15 × 15 клеток. Каждая клетка должна быть чуть больше фишки, например 2,2 × 2,2 см. Часть клеток – особые. Их надо отметить. Цена любой фишки, попавшей на голубую клетку, удваивается, на синюю – утраивается. Если какая-либо фишка будет поставлена на розовую клетку, то при подсчете количества очков тому игроку, который составил слово, проходящее через эту клетку, назначается вдвое больше очков. Красная клетка утраивает цену слова.

В "крестословицу" можно играть вдвоем, втроем, вчетвером, впятером, двое надвое, трое натрое и т.д.

Фишки кладут на стол буквами вниз, мешают, и каждый игрок берет себе для начала по 7 фишек.

Первое слово должно пройти через центральную клетку. "Написать" его можно как по горизонтали, так и по вертикали.

Новые слова должны включать в себя букву (буквы) уже написанного слова. Выкладывать новое слово на пустом месте нельзя; слова должны "цепляться" друг за

друга. Отсюда, между прочим, пошло английское название игры – "скреббл", что можно перевести как "карабкаться", "цепляться".

Слова читаются, как в кроссворде: слева направо или сверху вниз. Выложив слово, игрок берет из общей кучи столько фишек, сколько он выставил: к следующему ходу у него должно быть снова 7 фишек.

Пишут слова по очереди.

Какие слова можно писать? Те же, что встречаются в кроссвордах. Имена существительные в именительном падеже единственного числа (если слово не имеет единственного числа, то его надо тоже считать, например: *штаны, ножницы*). Географические названия, названия пьес, кинофильмов, опер и т.п. (правда, состоящие лишь из одного слова). Фамилии знаменитых людей (ученых, композиторов, космонавтов и т.д.), героев произведений литературы и искусства.

Имена и клички не принимаются (если они, конечно, не означают названий городов, рек, произведений, например "Каштанка").

Слова с уменьшительными суффиксами не пишут.

Это – общее правило. Однако не возбраняется накладывать (по обоюдному согласию играющих) и дополнительные ограничения. Например, писать слова, имеющие отношение только к химии, если игроки – специалисты-химики; любители и знатоки искусства могут условиться составлять слова, относящиеся к искусству.

Как быть, если написанное слово можно продолжить?

Например, кто-то написал слово ПОЛ и получил за него положенные 5 очков. Вы, добавив слог КА и получив слово ПОЛКА, запишете себе 8 очков. Третий игрок, если он захочет добавить одну букву Н, получит отказ, так как ПОЛКАН – кличка, но, добавив слева буквы ПРО, он тем самым напишет ПРОПОЛКА и получит за сообразительность 13 очков. А если к тому же дописанная буква попадет на клеточку "удвоение" или "утроение", то можно сразу вырваться вперед. Вот почему, прежде чем начинать новое слово, постарайтесь, чтобы следующий за вами игрок не мог воспользоваться вашим трудом, то есть придумывайте по возможности такие слова, которые нельзя было бы продолжать.

Очки за "удвоение" и "утроение" и буквы и слова получает не только первооткрыватель поля, которое дает право на это, но и тот, кто сумел продолжить слово, и тот, кому удалось составить слово, проходящее через "счастливое" поле в направлении, перпендикулярном к слову первооткрывателя поля.

За один ход вы можете использовать любое количество фишек из имеющихся у вас на руках. За один ход можно составить одно, два, а, если сумеете, то и больше слов.

Если вы не смогли придумать ни одного слова, вы пропускаете ход, не выставляя фишек, и, сказав "меняю", можете поменять любое количество фишек (один раз за один ход).

Буква алфавита	Кол-во очков	Кол-во фишек	Буква алфавита	Кол-во очков	Кол-во фишек	Буква алфавита	Кол-во очков	Кол-во фишек
А	1	10	Л	2	4	Ц	10	1
Б	3	3	М	2	5	Ч	5	2
В	2	5	Н	1	8	Ш	10	1
Г	3	3	О	1	10	Щ	10	1
Д	2	5	П	2	6	Ъ	10	1
Е	1	9	Р	2	6	Ы	5	2
Ж	5	2	С	2	6	Ь	5	2
З	5	2	Т	2	5	Э	10	1
И	1	8	У	3	3	Ю	10	1
Й	2	4	Ф	10	1	Я	3	3
К	2	6	Х	5	2	*	–	2

В игре участвуют две пустышки (*). Это очень ценные фишки. Ими можно заменять любые буквы.

Например, у вас есть фишки Е, Т, Р и пустышка, но нет фишки Ф. Выставляйте Е, Т, Р и пристраивайте слева пустышку. Сказав, что она заменяет букву Ф, вы получите 15 очков (можно было считать пустышку буквой М, но это менее выгодно, так как М дает лишь 2 очка). У того, кто ходит вслед за вами, получалось бы дорогое слово ЩУКА, если бы у него была фишка Щ. Вместо Щ у него оказалось ненужное Ф – ФУКА не слово, но он может получить Щ. Он меняет свою фишку Ф на пустышку, заменяющую на поле эту букву в слове ФЕТР, считая пустышку буквой Щ в слове ЩУКА, и получает за него 16 очков. Пустышка снова оказывается на доске. Брать с доски пустышку "впрок" нельзя: ее надо сразу же использовать.

Играют до тех пор, пока кто-нибудь не наберет условленное количество очков, например 200 (игрокам, имеющим право очередного хода, дается возможность выставить свои фишки, и кто-то из них может набрать при этом даже больше очков, чем игрок, первым набравший условленное количество очков).

Играют и до полного исчерпания "кассы", когда уже никто ни одного слова составить не может. (При подсчете очков из заработанной суммы вычитается сумма очков фишек, оставшихся на руках игрока.)

Некоторые пояснения к количественным показателям. При составлении "наборной кассы" пришлось обратиться к частотному анализу русских текстов, то есть к данным о частоте повторяемости отдельных букв, и на основании этих данных сделать соответствующие простые расчеты. Материалом для исследования служили различные тексты. Так, в 1931 г. стенограф А. Гильдебрандт опубликовал подсчеты, основанные на отработке текстов, содержащих 100 тысяч букв. В 1933 г. в первом сборнике "Письменность и революция" Н. Проскурнин опубликовал данные о частотах букв, извлеченных из текстов разных жанров, общим объемом около 1 миллиона букв. Московские ученые Г.Г. Белоногов и Г.Д. Фролов провели подсчеты на материале деловых текстов объемом 200 тысяч букв (их работа опубликована в сборнике "Проблемы кибернетики". 1963. Вып. 9). Результаты всех этих работ оказались примерно одинаковыми. Мы приведем лишь данные, взятые из последнего исследования.

Частота букв (на 1000 букв текста) по Белоногову и Фролову

а	80	л	25	ц	3
б	17	м	34	ч	18
в	57	н	72	ш	5
г	11	о	105	щ	3
д	39	п	37	ъ	0,3
е, ё	84	р	58	ы	18
ж	10	с	47	ь	17
з	17	т	62	э	2
и	70	у	20	ю	6
й	16	ф	2	я	25
к	26	х	13		

Видно, что больше трети всех букв (34–36%) составляют гласные *а*,

е (*ё*), *и*, *о*. Из согласных чаще других встречаются *в*, *н*, *р*, *с*, *т*; на их долю приходится почти 30%.

Но воспользоваться всеми этими данными так просто мы не можем. Нужны коррективы. И вот почему.

Говоря о частоте букв, надо учитывать их позицию в слове: одни буквы чаще встречаются в начале слов, другие никогда не начинают слова, но довольно часты в конце. Очевидно, что в начале слова не может стоять ни буква *ъ*, ни буква *ь*; буква *ы*, доля которой превышает 4% всех конечных букв, в начале слова встречается лишь в единичных редких иноязычных собственных именах, например в названии населенного пункта *Ындин* (Коми) или города *Ыйсон* (Южная Корея). А много ли вы можете вспомнить слов вроде *алоэ* или *каноэ*, у которых на конце была бы буква *э*? Или возьмем, например, букву *п*. Употребительность ее в тексте оценивается в 3,7%. Это показатель частотности буквы независимо от ее места в слове. Но надо учесть, что в начале слова *п* встречается значительно чаще. Семнадцатитомный академический "Словарь современного русского литературного языка" (издание которого было завершено в 1965 г.) насчитывает свыше 120 тысяч слов, и из них почти 23 тысячи – это уже 19% – начинаются буквой *п*. Слова на эту букву заняли 3 тома. В текстах, проанализированных Г. Белоноговым и Г. Фроловым, 154 слова из каждой тысячи начинаются буквой *п*, в 17 случаях эта буква находится в середине слова, и лишь одно слово из тысячи имеет букву *п* на конце.

Еще одно очень существенное обстоятельство, осложняющее нашу задачу. Оно связано с тем, что по правилам игры можно образовывать только имена существительные в единственном числе в именительном падеже. В них распределение букв может отличаться от распределения букв в других частях речи. Например, основную массу слов с *й* на конце составляют прилагательные и причастия в именительном падеже мужского рода (вроде *новый, сидящий, написанный*). В существительных *й* на конце встречается значительно реже.

Вот и получается, что для "наборной кассы" алфавита "крестословицы" надо было бы провести анализ словаря русского языка, словаря иностранных слов, энциклопедий, причем исключить из подсчетов все слова, использование которых в игре не допускается ее правилами. Специально такую работу никто пока не проводил, и поэтому оставалось лишь воспользоваться наиболее подходящими данными частотного анализа, внеся в него некоторые коррективы. В результате ряда поправок и появилась "наборная касса", приведенная в описании правил игры. И если наши скорректированные результаты все же грешат неточностями, то остается только утешиться тем, что это все-таки игра, и только игра.

Но даже если бы мы и располагали точными данными, то все равно

появились бы некоторые искажения. Источник "вынужденного произвола" связан с очень большим различием в употребительности (частоте) отдельных букв. Так, например, буква ъ встречается в текстах в 10 раз реже буквы *щ*, а буква *щ* – в 35 раз реже, чем буква *о*. Вот и получается, что для точного отражения очень широкого диапазона частот пришлось бы делать кассу, насчитывающую около 3 тысяч букв. Это, понятно, неудобно. Решили ограничиться всего 130 фишками-буквами, несколько изменив при этом соотношение букв в пользу очень редких.

Что же касается цены каждой буквы, то она назначена как обратная величина частоты (конечно, с необходимой степенью округления).

Получив желаемую таблицу, в редакции журнала попросили рассказать, зачем вообще ведутся всякого рода подсчеты букв. Ведь эти результаты наверняка нужны для каких-то серьезных целей.

Виктор Александрович Ицкович на этот вопрос ответил так: «Помните, как в рассказе Эдгара По "Золотой жук" Легран расшифровал таинственные записи на пергаменте, использовав для расчетов данные об употребительности букв в английской письменной речи?».

Конечно, частотный анализ языка нужен не только авторам детективных рассказов. Такие подсчеты необходимы в полиграфии при составлении наборных касс; нужны они и для решения задач, связанных с автоматической обработкой информации; частотность букв учитывается при их расположении на клавиатуре пишущей машинки и пр.

Вообще статистические исследования распространяются на разные области лингвистики. Существует, например, свыше 300 частотных словарей разных языков, в том числе несколько частотных словарей русского языка.

Общая "инвентаризация" слов в толковых словарях дает численное представление о лексическом богатстве языка. Полезными оказываются и другого типа подсчеты, которые позволяют ответить на вопрос, как часто встречается то или иное слово. Ведь в толковом словаре слова *день* и *аккомпанемент* равноправны. Между тем первое попадается очень часто, а второе слово мы можем до конца своих дней так ни разу и не встретить за пределами словаря. Эстонский исследователь Э.А. Штейнфельдт составила частотный словарь русского языка. Она отобрала тексты общим объемом 400 тысяч слов и подсчитала частоты отдельных слов и количество текстов, в которых встречаются эти слова. Последнее важно потому, что появление многих слов в тексте определяется его содержанием: в статье о частотных словарях будут очень частыми слова *частота, словарь*, а, например, в репортаже о футбольном матче они не встретятся.

Мы пользуемся в речи далеко не всеми словами языка: одни употребляем часто, другие – редко, третьи – вообще никогда не

употребляем. Словник, например, языка Пушкина содержит около 21 тысячи слов. Это составляет лишь малую часть всего словарного запаса русского языка. Конечно, словарь не писателя намного беднее. По подсчетам американских лексикографов, их фермер пользуется примерно полутора тысячами слов, словарь интеллигента насчитывает до 4 тысяч слов.

На основе отбора самых ходовых слов можно создавать словарь-минимум для первоначального обучения неродному языку. Статистическая структура речи такова, что наиболее часто употребляющиеся слова составляют очень большую долю всех слов текста. В русском языке, например, 20 самых употребительных слов – *и, в, на, не, он, я, что, с, этот, быть, а, весь, они, она, как, мы, к, у, ты, за* – это четверть слов текста. Но этих двух десятков слов, как бы часто они ни встречались, конечно, не хватит, чтобы построить даже самые необходимые предложения. А вот уже группа в две тысячи наиболее частых слов и в английском, и в чешском, и в русском языках покрывает от 75 до 80% употреблений всех слов.

Частотный словарь помогает отобрать для словарного минимума именно такие, самые необходимые слова. Между тем словари-минимумы, составленные без учета частотности слов, предлагают человеку, начинающему заниматься языком, такие слова, как песенно-поэтические *сени*, ювелирторговская *ваза* или же знакомые только по зоопаркам *обезьяна, тигр, жираф*...

Очень важно вспомнить и другой тип исследований.

Историю литературного языка часто сравнивают с кадрами движущейся во времени киноленты. С помощью статистики можно засечь один из моментов движения, как бы вырезать один кадр, превратив его в неподвижную фотографию. Приведем пример.

В 80-е годы прошлого века, когда в научный обиход были впервые введены терминологические наименования электрических единиц, как, например, *ватт, вольт, ампер, ом*, в родительном падеже множественного числа употреблялись формы *вольтов, амперов, омов*. Именно такая форма использована, в частности, В. Брюсовым:

В дуги лампы (двадцать пять *амперов*)
Над столом – воспоминаньем влей
Мысли тысячи великих пэров
Царства знаний, духа королей.

Теперь же, как известно, укрепилась и считается правильной форма с нулевым окончанием: *100 вольт, 10 ампер* и т.д.

Пользуясь методами математической статистики, удалось точно установить, что эти перемены произошли в основном в первой половине 90-х годов. Окончательно новые формы упрочились в последующее тридцатилетие.

Без статистики не может обойтись ни одно серьезное социологическо-лингвистическое исследование.

Еще в 20-е годы ученые-лингвисты высказывали мысль о том, что в исследованиях русского литературного языка может быть использован количественный метод. Так, в статье "Десять тысяч звуков" А.М. Пешковский писал о необходимости введения подсчетов в фонетике, но его рассуждения справедливы также и применительно к общей стилистике литературного языка: «...исследователю поэтического произведения чрезвычайно полезно было бы иметь хоть какую-нибудь объективную мерку для установления самого факта преобладания того или иного звука. Между тем такой объективной мерки у него нет. Он судит исключительно интуитивно, на слух (если, что еще хуже, не на глаз). Ему кажется, что такого-то звука в тексте "много", а такого-то мало... Однако отсутствие объективной базы, поскольку речь идет о науке, терпимо быть не может» [6, 167].

Время шло, появлялись конкретные работы, в которых лингвистическая статистика вначале очень робко и осторожно, но все же ставилась на службу практическим целям нормализации языка. С.П. Обнорский, Л.В. Щерба и А.Н. Никулин составили "Вопросник по нормативной грамматике русского языка", который был распространен в 1939 г. среди лиц разных возрастов и профессий. На него было получено 96 ответов. Опыт не был продолжен, но идея вопросника получила поддержку и развитие в работах С.И. Ожегова. В 1955 г. был составлен "Вопросник по произношению, ударению и грамматическим формам современного русского литературного языка". В предисловии к нему С.И. Ожегов писал: "Нормализация современной литературной речи должна прежде всего опираться на анализ закономерностей исторического развития литературного языка. Одним из лучших источников для изучения закономерностей развития языка является современная живая речь, ибо в ней, как в фокусе, во всей полноте, сосредоточены одновременно и отражения путей развития предшествующих этапов развития языка и новые тенденции этого развития. Анализ современного состояния языка в свете закономерностей исторического развития – основа объективно убедительной нормализации литературной речи. Но такой анализ возможен только при наличии большого материала".

Вопросник был напечатан в 1956 г. тиражом 1500 экземпляров и распространен среди студентов I Московского государственного педагогического института иностранных языков. Было получено около 700 ответов, на основе которых написаны и опубликованы научно-исследовательские работы о нормах произношения современной студенческой молодежи. Вопросник 1956 г. обрабатывался вручную, чем и вызвано сравнительно небольшое число полученных ответов, характеризующих речь лишь одной возрастной среды.

В 1956–1964 гг. в связи с разработкой темы "Русский язык и советское общество" (руководитель – М.В. Панов) были подготовлены четыре новых вопросника – по произношению, грамматике, словообразованию и лексике. Данные вопросники (по сравнению с предшествующими) имели некоторые преимущества: во-первых, они составлены по специальностям; во-вторых, паспортная часть, в которой отвечавшие сообщали сведения о себе (год и место рождения, образование, профессия, место жительства и т.д.), была более подробной и детализированной. Кроме того, в 1965 г. была предпринята первая механизированная обработка вопросника по морфологии, затем по произношению и словообразованию. Это дало возможность собрать обширный статистический материал; так, только по морфологии было обработано свыше четырех тысяч заполненных вопросников, а в итоге получено 1890 таблиц. Эти материалы частично использованы в монографии "Русский язык и советское общество" [7], но большая их часть вошла в основу книги "Русский язык по данным массового обследования" [8].

В этих книгах широко использовалась статистика ответов разных слоев литературно говорящего населения на несколько анкет по языку. Так, с помощью анкеты пытались выяснить, как говорят: *из*[ь]*вините* или *из*[ъ]*вините*, *эн*[э]*ргия* или *эн*[е]*ргия*, *дожди* или *дож*[ь]*ж*[ь]*и*, *поэма* или *п*[∧]*эма* и т.д.

Нормы в языке в отдельных случаях колеблются: в произношении, в грамматике, в лексике существуют конкурирующие варианты. Часто, хотя и не всегда, побеждает наиболее распространенный вариант. Статистическая обработка вопросников помогает получить материалы, необходимые для правильной оценки степени употребительности соперничающих форм. В частности, на все вопросы одного только вопросника по морфологии, в котором выяснялись грамматические колебания, было получено свыше полутора миллионов ответов. Они были обработаны сотрудниками Института русского языка и машинно-счетной станции ЦСУ. Эти данные помогли по-новому понять как будто простые и общеизвестные факты.

Приведем один пример. Считают, что говорящий – "король своей речи", и тем не менее в быту он обычно не замечает, как говорит. Такое владение речью ученые называют "ясносмутным". Один и тот же человек в одно и то же утро может несколько раз повторить слово *чай* с разной вариацией одной и той же формы и не заметить разнобоя: *стакан чая* и *налей чаю, немного чая; чаю, и погорячее!* Если же задать прямой вопрос: "Какую форму употребляете?" – ответы получим разные. Один, вспомнив заученное в детстве правило, скажет: "Только *чаю*, и другое недопустимо"; другой, задумавшись, может сказать: "не знаю", а ученик беспечно ответит: *"чая..."*

Статистическая обработка ответов, полученных от разных возрастных и профессиональных общественных групп по форме употребления *чая* и *чаю*, дала возможность в самом грубом приближении предположить, что частота формы *чая* в ближайшем поколении будет колебаться в пределах 0,6–0,8, соответственно убудет форма *чаю*.

Когда-то В. Белинский писал: «Всякий русский скажет, как у Гоголя: "Волос, вылезший из носу", и ни один русский не скажет: "Волос, вылезший из носа"». Прошло 100 лет, и сейчас и писатели употребляют форму на *-а*, и редакторы не считают ее ошибочной.

Известный ученый-языковед В.А. Богородицкий считал, что ошибка памяти – путь развития языка. Ошибка имеет будущее там, где она незаметна для говорящего и слушающего. По существу статистика позволяет исследовать закономерности передвижения вариантных форм в памяти говорящих. А память говорящих неодинакова. В одних общественных группах отклонения от правил могут прогрессировать, а традиционные формы мало-помалу забываются. В других кругах постоянная тренировка речевого сознания поддерживает традиционность употребления форм. Разумеется, такая тренировка происходит в том случае, если говорящий находится постоянно в среде, традиционной по своему речевому поведению. Представители старой интеллигенции находились именно в таких условиях. Их речь традиционна и консервативна. Молодежь говорит иначе.

Параллельно с развитием анкетного метода (вопросников) внимание исследователей привлек метод непосредственного опроса (так называемый активный метод) или, когда это возможно, прямое наблюдение за речью городских жителей (пассивный метод). Эти методы дают возможность использовать статистику в изучении вариантов нормы в условиях естественной устной речи. В статье Н.Д. Андреева "Об одном эксперименте в области русской орфоэпии" [1] на статистическом материале рассмотрены варианты произношения прилагательных на *-ский: невский, казанский*. Автором убедительно доказано, что для основной массы говорящих на русском языке живой нормой употребления является мягкий вариант произношения: *ский*, а не *-ск*[ъ]*й*. Метод пассивного наблюдения за устной и письменной речью можно считать идеальным с точки зрения естественных условий для получения материала. Однако он не всегда может обеспечить необходимую представительность слов и форм с низкой частотой употребления. Сочетание активного и пассивного способов наблюдения возмещает недостатки каждого из них и в наибольшей степени раскрывает возможности статистического метода в целом.

В течение 1968–1972 гг. в секторе культуры русской речи Института русского языка АН СССР (Москва) был подготовлен частотно-стилистический словарь вариантов под названием "Грамматическая правиль-

ность русской речи" [3]. По своему жанру он стоит в ряду словарей-справочников, посвященных проблемам нормализации литературного языка. В словаре дана систематизированная сводка наиболее употребительных синтаксических, словоизменительных и словообразовательных вариантов. В нем рассмотрены и смежные явления, воспринимаемые пишущими и говорящими как варианты. В словаре приводятся статистические показатели употребления вариантов в речи, развернутый лингвистический комментарий с учетом всех новых исследований о каждом типе вариантов, общая и постатейная библиография. Статистические данные получены на основе выборочного обследования примерно 500 номеров газет. Длина выборки составила около 2 миллионов слов. Такая выборка содержала 100 тысяч вариантов. К словарю были приложены и сводные статистические таблицы.

Среди многих откликов, полученных на вышедший словарь, есть и такие, в которых ставится под сомнение необходимость введения количественных показателей. Так, инженер Н. Никифоров из Москвы пишет: "Принцип, положенный в основу этого словаря, заключается в наборе статистических данных из газет о частоте употребления того или иного грамматического варианта. Но здесь сразу возникает вопрос: не ошибочно ли написание в газете? Ведь, к сожалению, в газетах встречаются грамматические ошибки... Разве не существует просто-напросто грамматических правил?"

Да, грамматические правила, бесспорно, существуют. Однако в живой повседневной речи встречается немало синонимических, равнозначных способов выражения одной и той же мысли: *работают сто человек – работает сто человек; две основные задачи – две основных задачи; собрать по пять тонн с гектара – собрать по пяти тонн с гектара – собрать пять тонн с гектара; рекомендовать директором – рекомендовать как директора – рекомендовать в качестве директора* и многие другие. В ряде подобных случаев варианты широко употребляются в пределах литературного языка и не могут квалифицироваться как ошибочные. В одних стилистических условиях общения предпочитаются одни варианты, в других – иные. В этих случаях количественные данные используются лишь как вспомогательные характеристики, показывающие степень предпочтительности того или иного варианта. В каждом отдельном случае появляется необходимость более подробно объяснить то или иное явление.

Возьмем другой пример – варианты склоняемых и несклоняемых географических наименований (топонимов). Как правильно написать в официальных документах: *В Народной Республике Ангола* или *Анголе?* Присланы документы *из города Камень-Каширский, Камень-Каширского* или *Камня-Каширского?* Соревнования проходят *в городе Веллингтон* или *в городе Веллингтоне?* Подобных вопросов можно

задать немало, однако ответы на них не могут быть однозначными. Дело в том, что случаи употребления собственных географических наименований в имеющихся справочниках подробно не комментируются. Не отражены эти правила и в школьных грамматиках. Норма употребления подобных форм за прошедшее пятидесятилетие в русском литературном языке складывалась стихийно, без участия языковедов. Нужны специальные исследования, в том числе и статистические, чтобы определить тенденцию в развитии наблюдающегося процесса конкуренции вариантов. Только в результате тщательного и детального анализа материала могут быть выработаны специальные рекомендации, предписывающие употребление тех или иных форм.

Ясно, что в подобных случаях значение объективных количественных характеристик резко возрастает. Что, например, показывают нам данные словаря "Грамматическая правильность русской речи" в этом типе вариантов? Показатели достаточно контрастны. Из 100 тысяч вариантов в 981 случае были зарегистрированы географические названия русского и других славянских языков, употребленные в составе приложения. Из них отмечены 514 склоняемых форм (типа *в городе Серпухове, в селе Шушенском*) и 487 несклоняемых – *южнее озера Лубень, у станции Чистенькая* (в процентном соотношении соответственно 52,4 и 47,6). Зафиксировано, таким образом, предпочтительное употребление склоняемых форм, хотя и процент несклоняемых достаточно высок. Совершенно иное соотношение в группе иноязычных названий типа *из города Плейнс, в порту Эгвекинот, в местечке Глапакоян* и под. (в несклоняемой форме – 82,34%, а в склоняемой – всего 17,66%). Как видим, склоняемые варианты совсем немногочисленны среди иноязычных топонимов, но предпочтительны среди русских и освоенных названий.

При дальнейшем изучении материала становятся более ясными причины, мотивирующие в каждом отдельном случае тот, а не иной выбор варианта. В частности, особые нормы употребления сложились в терминологических названиях. Так, в сочетаниях со словом *республика* не склоняются наименования на *-й* и твердый согласный: *в Республике Парагвай, из Народной Республики Бангладеш*. Уже сложилась норма употребления топонимов, оканчивающихся на *-а*, типа *Республика Куба* и под. В течение многих десятилетий мы не склоняем иноязычные топонимы в сочетании с родовыми названиями *штат, провинция, кишлак, аул*, многие иноязычные, да и русские, названия малых населенных пунктов, станций, островов.

Таким образом, две самые легкие и удобные формулировки правил относительно употребления топонимов-приложений – склонять или не склонять – оказываются совершенно непригодными. Рекомендация "склонять географические названия" не соответствует действующей

языковой тенденции и не подходит для многих групп топонимов. Правило "не склонять эти названия" опасно еще бóльшим отступлением от существующей традиции и может вызвать обоснованные возражения многих лиц разных профессиональных слоев общества, литературно говорящих и пишущих. Наиболее целесообразным поэтому представляется путь создания детально разработанных правил. Эти правила должны предусматривать, с одной стороны, три разные стилистические сферы использования топонимов – строго литературное (письменное), устно-разговорное и профессиональное употребление – и, с другой стороны, изменение нормы применительно к разным типам наименований.

Можно привести еще один пример практического использования статистических данных. В 60-е годы получен новый вид искусственного волокна, которое нарекли *мтилон*. Если бы придумавшие это слово обратились к данным о сочетаемости букв и звуков, то узнали бы, что в русском языке сочетание *мт* не начинает слова. У нас нет ни одного слова, которое начиналось бы с *мт* (а *МТС*? Это слово начинается звуком [э]: [эмтээс]). Поэтому слово *мтилон* непривычно по звучанию, труднопроизносимо (хотя то же сочетание *мт* внутри слова мы легко произносим: *ломтя, идемте*).

Даже эти далеко не исчерпывающие существа дела примеры показывают, как плодотворны всевозможные статистические подсчеты, которые помогают решать не только теоретические проблемы лингвистики, но и ряд чисто практических задач.

Литература

1. *Андреев Н.Д.* Об одном эксперименте в области русской орфоэпии // Вопросы культуры речи. М., 1963. Вып. 4.
2. *Граудина Л.К., Ицкович В.А.* Крестословица и математика // Наука и жизнь. 1968. № 7.
3. *Граудина Л.К., Ицкович В.А., Катлинская Л.П.* Грамматическая правильность русской речи: Опыт частотно-стилистического словаря вариантов. М., 1976.
4. *Городецкий В.Ю.* Компьютерная лингвистика: моделирование языкового общения // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1989. Вып. 24: Компьютерная лингвистика.
5. Машинный фонд русского языка (проблемы и перспективы): Сб. статей. М., 1986.
6. *Пешковский А.М.* Методика родного языка, лингвистика, стилистика, поэтика. М.; Л., 1925.
7. Русский язык и советское общество. М., 1968.
8. Русский язык по данным массового обследования: Опыт социально-лингвистического изучения. М., 1974.
9. Языковая норма и статистика: Сб. статей. М., 1977.

"ДУХОВНОЙ СИЛОЮ И РАЗУМА, И СЛОВА"

Глупец с ученым в спор вступает
И даже побеждает иногда.
Бесценную жемчужину, бывает,
Булыжник разбивает без труда.

Саади

Древние справедливо полагали, что в споре рождается истина. Мысль эта подтверждается и в наши дни в дискуссиях в парламенте, на сессиях, в полемических обсуждениях разных проблем на страницах печати, по телевидению, радио и т.п. Во всех случаях наряду с конкретным содержанием спора, значением отстаиваемых положений необычайно возрастает роль словесной формы спора, обязанности соблюдения логических правил мышления и определенных форм речевого этикета.

Изучение логических, психологических и языковых аспектов спора имеет давнюю традицию. В Древней Греции к теме спора обращались Зенон, Протагор, Сократ, Платон, Аристотель. Так, Аристотель в трудах "Аналитики", "Риторика", "Топика" освещал проблему диалектических дискуссий, выявлял основные виды спора, способы и правила его ведения, давал рекомендации, как надо спорить. В XIX в. искусству спора особую работу посвятил А. Шопенгауэр [5]. В 1918 г. в Петрограде вышла книга проф. С.И. Поварнина [3]. Помимо этой книги в отечественной литературе работ по теории спора сравнительно немного. Обычно самые необходимые сведения, касающиеся логической и словесной культуры спора излагались в риториках и логиках. Здесь можно привести один, может быть, несколько устаревший, но все же характерный пример. Так, уже в Древней Руси риторы учили необходимости соблюдения приличий и сохранения благородства в споре. Известный ритор Софроний Лихуд писал, как надлежит приступать к спору, как должен вести себя задающий вопросы и как – отвечающий.

Задающий вопросы должен начинать так: «"Почтеннейший" или "разумнейший", "ревностнейший юноша" (или иначе, смотря по чину и достоинству защищающего тезис), – я доказываю противное твоему положению, например, что небо вечно, и при этом пользуюсь следующим положением... Что касается оппонента, то он должен отвечать, приблизительно, следующим образом: "Мудрейший наставник (или ревностнейший юноша) искусно выводит противное нашему положению...", т.е. следует начинать ответ с комплимента или с высокой оценки опровергаемого учения, ведь тогда только опровержение имеет цену. Опровержение тезиса Софроний рекомендовал проводить со-

гласно известному правилу опровержения, сформулированному еще в средневековой логике: "Принимаю основания (тезиса), но отрицающего следствие... т.е. для того, чтобы доказать ложность суждения формы "если P, то Q", надлежит показать, что P истинно, а Q (одновременно) ложно"» [1, 163].

Интересные лекции по теории спора читались в Институте живого слова в 1918 г. В программе этого курса лектор Э.З. Гурлянд-Эльяшева подчеркивала необходимость различать два основных рода споров: 1) спор как средство совместного уяснения вопроса (споры научные) и 2) спор как средство психологического воздействия и прямого или непрямого подчинения одной стороны другой (споры политические).

Конечно, спор спору рознь. В научных спорах на первый план выходит аргументирующее начало: важно обосновать и защитить выдвинутое положение. Предмет спора оказывается в центре внимания, а спорящие придерживаются свободного и независимого взгляда на обсуждаемый вопрос.

В политическом споре не практикуются приемы логического переубеждения другой стороны. Его характерной чертой является равноценность всех способов ведения спора, как логических, так и нелогических, поскольку они способствуют ослаблению позиции противника. Формы отношения спорящих сторон нередко враждебны, лишены благожелательности. Оппоненты используют и сильные языковые стилистические средства для достижения цели, для дискредитации противоположной стороны.

На практике мы постоянно сталкиваемся с тем, что разные типы споров сосуществуют и оказываются взаимопроницаемыми. Вспомним парламентские дебаты на съездах народных депутатов СССР. Характерно одно из высказываний: "Как не хватает нам культуры общения!" Не случайно поэтому "парламентским бескультурьем" окрестили речевую ситуацию, когда одни выступающие стремятся дискредитировать и даже оскорбить своих оппонентов, занимающих иные позиции. Так, на одном из съездов встал вопрос о запрещении грубых и некорректных выражений, которых не должны себе позволять участники дискуссий. Один из наиболее ярких примеров связан с выступлением секретаря общественного движения "Саюдис" (Литва). В дискуссии по вопросу о создании Комитета конституционного надзора СССР депутат из Литвы обвинил председательствующего во лжи. Слово *ложь* прозвучало не только обидно. Один из депутатов напомнил, что эта оценка ставит «председателя в положение, которое в США определяется как "импичмент"». Напомним, что импичмент (англ. *impeachment*) в ряде стран (в Англии, США и др.) есть не что иное, как процедура привлечения к суду парламента высших должностных лиц государства. Зал требовал извинений. Один из депутатов

напомнил: "Так нельзя. Я сам грешу резкими выражениями, но в данном случае это было недопустимо". Другой депутат подчеркнул: "Подобное заявление оскорбляет весь депутатский корпус", с чем в зале все были согласны. Интересно, что защитники депутата из Литвы при обсуждении возникшего вопроса подбирали уже другие, более мягкие выражения – "неполная информация", "несоответствие истине" и т.п. (см. весь текст дискуссии в "Известиях" от 14 декабря 1989 г.).

В связи с этим стоит вспомнить, что еще в годы работы Государственной Думы в России часто использовался особый филологический термин – "парламентское красноречие". Всегда подчеркивалась одна особенность парламентской речи: оратор должен стремиться влиять прежде всего на ум своих слушателей, а потом уже на чувство. В качестве главного арбитра в парламентских спорах выступает только человеческий разум. Поэтому информативность и доказательность доводов в споре первостепенны. С этим сопрягается и профессионализм оценок, и соблюдение терминологических правил в научных квалификациях. Конечно, желательны чистота, правильность и ясность речи. Ослабляют силу мысли и грамматические неправильности (типа "из тысячу пятьдесят девять проголосовали... 738"), и произносительные, акцентологические ошибки. Иногда в произносимых словах расставляются ударения, не соответствующие современной литературной норме: затрачены огромные *средства́; крестьяни́н* у нас до сих пор человек низшей категории; *при́нять* решение о сворачивании работы на КАЭС и т.д. Эти отклонения от нормы объяснимы: депутаты приехали из разных мест страны, где сохраняются черты диалектной речи. Что касается языковедов, они ценят народную и диалектную речь. Но в отдел культуры русской речи Института русского языка РАН многие обращаются с вопросом: "Разве изменились современные орфоэпические нормы литературного языка?"

Однако вернемся к полемике. Как ясно из приведенного примера, речевые правила ведения спора на сессиях иногда нарушались. Наблюдались случаи, когда во время спора сознательно смешивалось опровержение ad rem, как писали древние латиняне (т.е. опровержение, имеющее в виду предмет спора), и опровержение ad hominem (имеющее в виду самого противника). При этом широко использовались стилистические средства с "отрицательным зарядом": унижающие оппонента эпитеты, насмешливые или даже бранные оценки. Вспомним сильные выражения о "безответственных депутатах", "демагогах", "игрушках в руках аппарата" и под.

Звучали справедливые оценки подобной стилистики спора: "Я считаю неприличным, когда один депутат называет другого депутата демагогом". И еще: "Давайте мы эту высоченную трибуну не будем использовать для взаимных атак и оскорблений".

Спор, если рассматривать его как акт речевой деятельности, развер-

тывается в различных ситуациях, которым соответствуют определенные речевые действия. Выделяются следующие ярко очерченные типы речевых ситуаций:

1. Спор-диалог, который ведется в кругу присутствующих людей, причем нарушение этики спора происходит в том случае, если трое, двое или один собеседник говорят без умолку, не давая сказать другим. Стилистика такого спора, в котором чрезвычайно агрессивна одна из спорящих сторон, очень тонко высмеивалась в радиопередаче отдела сатиры и юмора. Жена во время жаркого спора говорит мужу: "– Ну хорошо, я не права, но ты можешь, по крайней мере, попросить у меня прощения!"

2. Спор-дискуссия, представляющая собой обмен мнениями ряда участников в определенной ситуации (например, на конференции, в парламенте, на собраниях и т.п.). Прения, как правило, характеризуются одной и той же конситуацией для всех участников дискуссии. Речевые отклонения от принятых норм ведения спора в таких случаях были проиллюстрированы уже приведенными выдержками из материалов парламентских дебатов.

3. Споры, длящиеся иногда на протяжении многих месяцев, лет, десятилетий на страницах газет, журналов, книг. Участники таких споров могут и не вести их с глазу на глаз, иногда они даже не встречаются друг с другом. Таковы, например, многолетние и многовековые теологические споры, споры между славянофилами и западниками в России прошлого века, споры в науке по поводу истинности и ложности научных воззрений на что-либо и т.д.

В спорах второй и третьей групп оппоненты нередко используют особенно опасный прием приклеивания ярлыков. Напомним смысл слова *ярлык* в переносном значении: "Шаблонное прозвище, наименование, формально характеризующее кого-, что-либо" (Словарь современного русского литературного языка. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1965. Т. 17). Явлению наклеивания ярлыков была специально посвящена статья "Культура дискуссий" в "Правде" (1987. 3 авг.), в которой есть следующие справедливые замечания: "О какой культуре дискуссии может идти речь, если кто-то стремится добиться реванша за критику, приклеить тебе ярлык, да еще с политической окраской, если кто-то не прочь позубоскалить – спасибо, мол, друг, за ценные мысли, а то и пригрозить – мы, дескать, призовем тебя к порядку". В статье приводились факты полемики между редакциями наших газет и журналов, в которой оппоненты прибегали к взаимным обвинениям такого рода: "клевета", "ностальгия по старому", "милые сердцу времена зубодробительных постановлений сорокалетней давности", "аморальная подтасовка", "политический блуд", "орган неформального литобъединения политических недорослей" и т.д. В пылу словесной битвы, когда оппоненты стремятся с помощью ярлыков унизить своего противника,

нередко теряется и самый предмет спора, забывается цель – поиск истины, ради чего и велась дискуссия.

Кажутся справедливыми напоминания о неуместности подобных дурных привычек: «Полюбили у нас "припечатывать" звонкой кличкой... Вспомним не такое уж давнее прошлое. "Враги народа!" – К стенке! А теперь в таком же контексте воспринимаются и "враги перестройки". Пора наконец научиться доказательно оспаривать конкретные взгляды конкретных людей, не навешивая на них ярлыки» (Сов. культура. 1989. 1 мая). Нельзя не вспомнить, что прием "припечатывания" словом в технике спора широко используется не только в современной публицистике – в среде журналистов и литераторов, – но и в повседневной жизни.

Существует еще один распространенный прием в споре, хотя менее броский и, возможно, менее вредный, чем приклеивание ярлыков, но лукавый, условно называемый "отводом". Во время диалога спорящий сознательно переводит тему разговора на другой близкий или даже на новый предмет, тем самым запутывая собеседника и сознательно сбивая его с первоначальных позиций. Словесные ассоциативные связи избираются в качестве связующей нити в диалоге. Цель – увести спорящего в сторону от исходной мысли, которую надо защищать или оспаривать. О таком типе спора в свое время замечательно писал, ссылаясь на Монтеня, Д. Мережковский в книге "Вечные спутники": «Монтень отлично понимал чисто словесное значение метафизических споров. "Наши вопросы состоят из пустых слов, и ответы на них такие же. Положим, вы утверждаете, что камень – тело; но тот, кто стал бы продолжать вопросы: "А тело что такое?" – "Субстанция". – "А что такое субстанция?" – довел бы вас, наконец, до невозможности отвечать. Одно слово меняется на другое, притом часто на еще более непостоянное: я лучше знаю, что такое человек, чем что такое животное, смертный или разумный. Желая уничтожить одно сомнение, производят три новых – это напоминает голову лернейской гидры».

Совместное выявление истины в споре должно исключать, конечно, и агрессивное поведение спорящих сторон. Такую манеру спора в свое время точно оценил А.И. Куприн: "Какой-нибудь отросток мысли, придирка к слову, к сравнению случайно и вздорно увлекают их внимание в сторону, и, дойдя до тупика, они уже не помнят, как вошли в него. Промежуточные этапы исчезли бесследно, надо схватиться поскорее за первую мысль противника, какая отыщется в памяти, чтобы продлить спор и оставить за собой последнее слово" (Собр. соч.: В 9 т. М., 1964. Т. 4. С. 459). В созидательных диалогах, когда спор ведется во имя общей цели, неуместны неприязненность в отношении друг к другу, агрессивность высказываний, непримиримость и резкость словесных выпадов.

В этом отношении весьма полезными могут быть речевые формулы

спора, о которых писала Л.А. Шкатова в статье, опубликованной в журнале "Русская речь" (1990. № 4). Она выделила шесть основных элементов общения, которыми должны руководствоваться спорящие:

1. Начало задает тон всему разговору!
2. Убеждает только убежденный!
3. Доводы должны быть приняты всеми участниками.
4. Не торопитесь!
5. Ты сердишься – значит, ты не прав!
6. Дайте возможность человеку сохранить свое "лицо".

Особенно интересно сопоставление речевых формул, иллюстрирующих пятое положение. Ср. процитированные диалоги:

– Вы злитесь, потому что не хотите признаться, что проиграли спор.

– Вам надо поучиться вести себя с противником!

– Не хочу спорить с таким упрямым ослом!

– У меня уже нет сил доказывать вам то, что ясно любому младенцу!

– Да вы с кем спорите?!
– Я никогда не соглашусь с вами!

– Не будем превращать спор в ссору: от этого истина не выиграет.

– Мне не хотелось бы, чтобы после спора мы стали врагами, потому что у нас общая цель – определить верную точку зрения.

– Согласитесь, что по многим позициям мы нашли общий язык, и не стоит огорчаться, что пока не по всем.

– Вам ведь не надо доказывать, что главное для нас обоих – найти правду, поэтому личные обиды просто невозможны.

Этикет современного ведения общественных дискуссий сохраняет в своей основе принцип взаимного уважения спорящих сторон. Дискуссия должна быть формой сотрудничества, а не конфликта. Как не вспомнить слова поэта А.М. Жемчужникова, который написал:

Борьба есть жизни смысл,
Когда ведется бой
Духовной силою и разума, и слова.

Литература

1. Естественнонаучные знания в Древней Руси. М., 1980.
2. *Костомаров В.Г.* Мой гений, мой язык: Размышления языковеда в связи с общественными дискуссиями о языке. М., 1991.
3. *Поварнин С.И.* Искусство спора: О теории и практике спора. Пг., 1918; 2-е изд. Пг., 1923.
4. *Соколов А.Н.* Проблемы научной дискуссии. Л., 1980.
5. *Шопенгауэр А.* Эристика или Искусство спорить: Пер. с нем. СПб., 1900.

КРАСНОЕ СЛОВО ЖЕМЧУГОМ ПО БАРХАТУ КАТИТСЯ

> Мы, русские люди, любим поговорить и послушать, но ораторское искусство у нас в совершенном загоне. В... ученых заседаниях, на парадных обедах и ужинах мы застенчиво молчим... Ходит анекдот про некоего капитана, который будто бы, когда его товарища опускали в могилу, собирался прочесть длинную речь, но выговорил: "будь здоров!", крякнул – и больше ничего не сказал... не мешало бы вспомнить, что во все времена богатство языка и ораторское искусство шли рядом.
>
> *А.П. Чехов*

Красное слово жемчугом по бархату катится – так живописно и образно говорит русский народ о красноречии, которое когда-то называл и другими забытыми, но великолепными словами – красословием, златословием, велеречием... Нельзя не вспомнить и арабскую мудрость: когда ты говоришь, слова твои должны быть лучше молчания. В самом деле, каждый может говорить, и потому многим из нас кажется, что каждый и умеет говорить, забывая при этом, как велика разница между значениями глаголов *может* и *умеет*. Всегда ли мы можем выразить свою мысль убедительно и доходчиво? Всегда ли мы способны отстоять свою правоту с помощью доказательного, хорошо аргументированного слова?

Умение владеть словом во все времена было в почете. В Древней Греции и в античном Риме, во времена средневековья и в наши дни это качество считалось современниками необходимым, в особенности для общественного деятеля. Не случайно Цицерон, имя которого является синонимом слова *оратор*, говорил: "Есть два искусства, которые могут поставить человека на самую высокую ступень почета: одно – искусство полководца, другое – искусство хорошего оратора".

Теория красноречия, ораторского искусства питается более чем двухтысячелетней традицией, но всегда и везде были ее противники, которые оспаривали самый факт необходимости такой науки. Некоторые утверждают: речь может идти только о природном таланте, об особом даре слова, а специальная наука о красноречии... Нужна ли она кому-нибудь? Споры спорами, а вот одна аксиома неопровержима:

культуру определяет язык – главнейшее и необходимейшее орудие культурной передачи.

Надо сказать, что понятие о стиле и содержании хорошей речи, ее основных качествах и свойствах менялось в различные эпохи. Но внимание к искусству речи не ослабевало никогда. Истоки отечественного красноречия восходят к древности, и к древности очень далекой. Теория красноречия привлекала славянских просветителей уже в XI в., на заре истории древнерусского литературного языка. "Изборник Святославов 1073 года" содержит небольшой трактат "Об образѣхъ" – перевод сочинений византийского ученого Георгия Херобоска. Этот памятник является предшественником позднейших теорий словесного искусства, или риторик, которые возникли впоследствии и на русской почве.

Чистота и правильность языка на Руси во все, и даже самые древние, времена считались залогом высокой культуры. Наши древние писатели и ораторы имели строгие понятия о красоте языка. Достоинство мысли должно быть сохранено и в словесной форме, облекающей идеи в нетривиальные языковые обороты, нестертые образы, эмоциальные, выразительные средства речи. О том, что герои и крупные деятели Древней Руси умели и сильно чувствовать, и ярко выражать свои чувства, писал проф. В. Якимов: "Владимир заводит училища, сооружает храмы: вот и места, где дар говорить хорошо, ясно и убедительно уже мог оказывать свое благотворное действие. Преемник его заботится о возможном умножении и распространении книг духовных: вот и образцы, из коих можно было получать понятие об искусстве; он рассылает по городам священников для наставления народа: вот и прекрасное поприще для первых покушений ораторства... Поучение Владимира Мономаха не есть ли самое убедительное доказательство, что не одни духовные лица этого времени обладали талантами ума и слова? Судя по этому поучению, можно с вероятностью заключать, что благодушный князь такою же мудростью и сладкоречием отличался на княжеских съездах, каким мужеством на поле битв, благоразумием в делах жизни...

В XII столетии искусство слова уже достигло у нас значительной степени развития и совершенства. Люди с умом и воображением находили вокруг себя предметы и лица, достойные жить в потомстве" [14, 16]. Так, один из выдающихся древнерусских ораторов, Кирилл Туровский, как говорили о нем – "достопамятный вития наш XII века", "воссиявший паче всех на Руси", оставил богатейшее наследство образцов ораторского искусства своего времени в виде поучений и проповедей, обращенных к его пастве. Эти произведения лаконичны, стройны по композиции, написаны доходчиво и выразительно; что особенно интересно, в них можно встретить образы, взятые автором из повседневной жизни. Таков, например, параллелизм между весенним

возрождением жизни и возрождением духовным: "...Нынѣ небеса просвѣтишася... нынѣ солнце красуяся к высотѣ въсходитъ и радуяся землю огрѣваетъ... нынѣ зима грѣховная покаяниемъ престала есть и лед невѣрия богоразумиемъ растаяся... днесь весна красуеться оживляющи земное естьство..." (из "Слова на антипасху"). Просвещенность, образованность, знание тонкостей ораторского искусства – благодаря этим качествам его имя осталось в истории русского красноречия.

В доломоносовский период в развитии просвещения особую роль сыграло образование Киевской академии и затем основание Славяно-греко-латинской академии. Это произошло в 1687 г. Хотелось бы напомнить, как трудно завоевывал позиции наш русский язык. В Славяно-греко-латинской академии в Москве преподавание велось на греческом и латинском языках. По-гречески преподавались грамматика и поэтика, а курсы физики, логики и риторики читались и по-гречески, и по-латыни.

Приведем один важный исторический факт. Лишь в 1747 г., т.е. в середине XVIII в., в утвержденном регламенте Академии наук официальными языками для Академии были установлены два – латинский и русский. На полях устава рукой Ломоносова было приписано: "Ораторские речи должны быть все российские". По существу только в последней трети XVIII в. – с 1767 г. – началось регулярное чтение лекций на русском языке, хотя часть лекций все же читалась по-латыни.

Лишь благодаря деятельности М.В. Ломоносова и русских просветителей XVIII в. школы красноречия, которые к этому времени сложились, претерпели существенные изменения. Вот с этих пор, и особенно в послеломоносовский период, чистота, правильность и красота родного языка стали предметом особой заботы ученых, писателей и ораторов.

Это время оставило нам в наследство изумительные памятники. В них запечатлелись представления об искусстве речи, ее правильности и стилистическом совершенстве. И если бы не книги, богатство предшествующих эпох было бы потеряно для нас навсегда.

Несколько слов о самом термине "красноречие". В древности под красноречием разумелось в первую очередь ораторское искусство.

Однако термин "красноречие" всегда имел и другое, более широкое значение, которое сохранилось до сих пор. Как сказано в современном толковом словаре, это – "дар речи, способность, умение излагать мысли красиво и убедительно", вне зависимости от устной или письменной формы воплощения речи. В ранних учебниках по красноречию искусство речи толковалось широко. Поэтому в основу рассуждений о качествах хорошей речи включалось понятие не только устной ораторской речи, но и письменных ее разновидностей. Не

только ораторская речь, но и поэзия, и проза были объектом риторических учений. Сам термин "риторика" (греческий по происхождению) обычно употреблялся в значении "учение о красноречии вообще, теория красноречия". Но термин этот был все же весьма неопределенным. Поскольку учение относилось и к поэзии, и к прозе, понадобилось введение нового термина. Для более узкого обозначения теории ораторского искусства нередко использовался термин "оратория". Однако на практике эти термины смешивались. Так, "Русский словотолк" А.Г. Курганова констатирует существовавшее тогда смешение в употреблении терминов. В книге приводятся следующие ряды синонимов:

"Ритор, оратор, ветия, речеточец, родеязык".

"Елокпенція, речистость, словесность, велеречие, красноречие".

"Оратория, велеречие, витийство, словесность".

"Новый словотолкователь, расположенный по алфавиту" (СПб., 1806. Т. 3) также толкует термины "риторика" и "оратория" как синонимы: оратория – "наука или способность преклонять красноречием других к намерению своему. Наука сия называется также и риторикой". Тем не менее в том же словаре слова *ритор* и *оратор* дифференцированы в значениях: "*Ритор* или *ретор*. Ветия, упражняющийся в красноречии и преподающий правила красноречия. *Оратор*. Иногда ритором именуется и оратор, хотя сие последнее название приличествует собственно тому, кто занимается сочинением и сказыванием речей, приличных обстоятельствам в публичных собраниях". Даже на протяжении XVIII в. – времени расцвета жанра риторических сочинений в России – в трудах по красноречию еще не выработались окончательные критерии и каноны, придерживаясь которых можно было бы четко отделить, с одной стороны, риторику от поэтики, с другой – риторику от теории ораторского искусства. Достаточно сравнить различные определения красноречия, которые встречались у наиболее авторитетных ученых. М.В. Ломоносов определял красноречие как "искусство о всякой данной материи красно говорить и тем приклонять других к своему об оной мнению". А вот М.М. Сперанский в "Правилах высшего красноречия" на первый план выдвигал функцию воздействия: "Красноречие есть дар потрясать души, переливать в них свои страсти и сообщать им образ своих понятий". Н.Ф. Кошанский же, учитель Пушкина, давал определение, наиболее близкое к тому, как понимал красноречие Цицерон. По Цицерону, оратор должен: "изобрести, расположить и предложить известным слогом". Определение Кошанского включает эти три компонента: красноречие – это "наука изобретать, располагать и выражать мысли".

Менялись теории словесности, видоизменялось и само понятие красноречия.

Знаменательный перелом во взглядах произошел после 1917 г.

Эпоха 20-х годов важна по своему историческому значению, а для русской словесности еще и тем, что в эти годы острее, чем когда бы то ни было, проявились демократические тенденции, обнаружилась самая тесная связь ораторского искусства с идеологическим движением времени. Это коснулось в особенности политического ораторства. Оно составило органическую часть истории общественной мысли. Бурное развитие политического красноречия в это время опрокинуло все традиционные каноны старой теории красноречия, старой риторики. Вспомним: раньше в России риторика предназначалась прежде всего для элитарных слоев общества. Время все изменило. Для создания новых форм массовой культуры старые формы не годились и не были поэтому приняты научными кругами. В то же время в языкознании уже в начале века особое внимание теоретиков было привлечено к развитию лингвостилистики, к учению об "экспрессивных формах языка". Уже в 1905 г. появилась книга Ш. Балли "Очерки стилистики французского языка", которая оказала большое влияние на эволюцию взглядов в области научной стилистики. Традиционные поэтики и риторики были отодвинуты проблемами стилистики на второй план. Элементы риторики оставались все же в трудах по ораторскому искусству. Сейчас используются более современные сравнительно с прежними названия, не отягченные отрицательной стилистической окраской: научные основы ораторского искусства, теория публичной речи, искусство ораторской речи и под. В целом же – и это особенно важно подчеркнуть – интерес к теории красноречия никогда не угасал. Он особенно обострился и усилился к 20-м годам XX в. В первые же послеоктябрьские годы необходимость осознанной и новой теоретической и практической работы в области культуры слова, воспитания кадров новой интеллигенции сразу же встала на повестку дня. 15 ноября 1918 г. в Петрограде был открыт первый в мире Институт живого слова, который, впрочем, уже в 1924 г. был переименован. На открытии его подчеркивалось: "Живое слово и демократия неразрывно связаны между собой". Знаменательным было выступление А.В. Луначарского на открытии этого института: "Все... формы политического творчества идут через речь. Россия заговорила, заголосила даже, и нам необходимо, чтобы этот разговор приобрел как можно скорее четкость... Надо учить говорить весь народ от мала до велика. С этой точки зрения утешением может явиться то сознание, что такая школа является воистину тем горчичным зерном или кусочком фермента, который путем зарождения и почкования будет распространяться и множиться как в Петрограде, так и в других городах нашего отечества" (Записки Института Живого Слова. Пг., 1919. С. 22–23).

Наиболее дальновидные и внимательные к насущным задачам филологии ученые живо откликнулись на призывы. В новом институте

была составлена "Программа курса лекций по теории красноречия (риторика)". В эти годы понятие красноречия обычно соотносилось с представлениями об искусстве ораторской речи. Акад. В.В. Виноградов в 20-е годы писал: "Ораторская речь – неотложная тема русской филологической науки".

Учитывая сказанное, трудно не согласиться с мыслью о том, как важно иметь сводную, по возможности полную, книгу, из которой, с одной стороны, можно было бы получить библиографические и критические сведения об основных вышедших в России риториках и руководствах по красноречию. С другой стороны, нужны и работы, где можно было бы справиться о деятелях русского просвещения и филологии, которые занимались наукой красноречия.

В отделе культуры русской речи Академии наук СССР в 1989 г. вышла в свет монография "Теория и практика русского красноречия" Л.К. Граудиной и Г.И. Миськевич [6]. В этой книге собраны все материалы такого рода, о которых здесь упомянуто.

Возможно, кто-нибудь скажет или просто подумает: "А нужно ли вспоминать старину и слишком уж архаичную риторику?" Наверное, все же нужно, и не только вспоминать, но и критически сравнивать с нашим временем. Проф. Ф.Ф. Зелинский, знаток древнего ораторского искусства, сопоставляя античное прошлое с настоящим, приходил к любопытным выводам. С ними можно и не согласиться, но они представляют интерес. "...У нас, северян, с нашей тяжелой одеждой и холодным темпераментом, – писал он, – язык потерял свои позиции, эволюция достигла своей предельной точки – слово убило жест... Нельзя назвать переживаемое нами ныне время эпохою торжества устного слова, этой эпохой была так называемая классическая древность... У нас – перо, там – слово, у нас – отношения, циркуляры, докладные записки, там – речи, у нас – романы, повести, рассуждения, там – речи. Что на войне солдат, то в мирное время оратор, кто хотел чем-либо выделиться среди других, тот должен был владеть либо мечом, либо словом, владеть же словом учила школа ораторского искусства" (Ф.Ф. Зелинский. Значение ораторского искусства. Машинопись из рукописного отдела ПД. Ф. 474. № 406. Архив К.А. Сюннерберга (Эрберга). Это высказывание относится еще к 20-м годам. Сейчас другое время. Радио, телевидение, сцена, лекторская трибуна возрождают и поддерживают традиции устного слова. Но публично звучащее устное слово должно быть отшлифовано, обработано, очищено. Этому, конечно же, надо учиться. Слова – чудесный пластический материал, они могут расцвечивать даже одну и ту же мысль разными красками и подавать ее и в разных языковых формах, и с разных точек зрения. Иногда сочинитель мечтает кратко и красноречиво выразить нужную мысль, а получается какое-то пустозвонство или даже безграмотная фраза. Сравните хотя бы некоторые расхожие

формулы бытового красноречия, с которыми мы можем иногда встретиться на улицах наших городов, на дорогах, в учреждениях. Обращает на себя внимание надпись на плакате: "Курите помалу, чтоб не было пожару!" Здесь рифма явно прихрамывает. Иногда хромает не только рифма, но и вся синтаксическая конструкция, как в плакатной надписи о пользе птиц:

Охраняйте птиц!
Кроме песен знакомых
Они уничтожают вредных насекомых!

Помимо всего прочего в этом призыве неполадки и с ударением. Бывает и так, что невозможно придраться ни к размеру стиха, ни к грамматическим или орфоэпическим ошибкам, а все же погрешности в стиле делают высказывания скорее смешными, чем поучительными. Но, между прочим, именно поэтому и запоминаются: "Смыкаешь глаз – не жми на газ!"; "Водитель, отправляясь в путь, тормóз проверить не забудь!" Это – советы водителям. А вот назидание курильщикам:

Ведь человек сильнее табака
Можно бросить курить наверняка!

И язык плаката, и даже характер официальных надписей на учреждениях должен быть критически осмыслен не только с точки зрения правильности речи, но и с точки зрения ее стилистической уместности. В газете "Советская культура" (1990. 26 мая) была помещена удивительная реплика, обратившая на себя внимание. Вот ее содержание: «Наверное, все мы представляем себе, каково людям, стоящим в очереди в... морг. Вряд ли представляет себе это администрация одного нового учреждения возле Митинского кладбища, занимающаяся организацией похорон: на тех самых дверях, перед которыми выстраиваются родственники, чтобы проститься с близким человеком, висит табличка с умопомрачительной надписью... "Трупохранилище"!.. У какого безголового и бессердечного чиновника могла родиться такая "идея"?!». Возмущение справедливое. Мы очень мало думаем о стилистике употребляемых нами слов и оборотов, а главное о том, как на окружающих влияет наша речь, не обижает ли она их грубостью, фамильярностью, пошлостью.

А неумелые лекторы? Еще Чехов в рассказе "Скучная история" вспоминал свои впечатления об услышанных лекциях: "Читает... точно леденец сосет – сю, сю, сю, струсил, плохо разбирает свою рукопись, мыслишки движутся еле-еле, со скоростью архимандрита, едущего на велосипеде, и никак не разберешь, что он хочет сказать". И в наше время такие лекторы встречаются. Развитию навыков публичной речи, к сожалению, ни в педагогических институтах, ни в каких-либо других вузах всерьез не учат. Об этом с горечью пишут сами лекторы: «Был в

школе на уроке литературы. Ученик хорошо пересказывал учебник – память цепкая, а вот речь неважная, и педагог ни разу не попытался поправить отвечающего. Надо, чтобы "заговорили" все. Только тогда будут у нас и свои Цицероны, и свои Демосфены» (А. Кирсанов. Богатство слова. – Сов. Россия. 1983. 10 июня).

Это в какой-то мере связано с общей потерей духовных ориентиров, с забвением отечественных традиций. Ведь на протяжении последних двух веков в России подъем интереса в риторике и к искусству красноречия вообще сменялся глубоким спадом. В последние годы интерес к этой науке возрос во всем мире и у нас тоже. Вот хотя бы такой факт: в прошлом году вышла книга "Риторики в России XVII–XVIII вв.". Ее автор – редактор журнала "Русская речь", проф. В.П. Вомперский. В этой книге говорится о том, как важно снова оживить некогда так процветавшую науку риторику и применить ее к изменившимся требованиям современности. Кое-что уже сделано в этой области: появилась значительная литература по красноречию. Но, конечно, этого еще не достаточно, чтобы искусство речи стало в большей или меньшей степени достоянием всех и чтобы основные правила его стали общеизвестны.

В наши дни жизнь в стране перестраивается. Повсюду происходят многолюдные митинги. Право каждого гражданина – смело сказать свое слово, высказать свое мнение. Но, к сожалению, выступления многих ораторов бывают неудачными. Иногда серьезный и как будто бы знающий оратор пользуется меньшим успехом, чем человек хотя и мало знающий, но умеющий хорошо говорить.

К тому же каждому из нас в разные моменты нашей жизни, нашей общественной деятельности приходится публично выступать. И пусть не все смогут быть профессиональными ораторами, но все же... Все же нам необходимо овладеть культурой правильного и уместного употребления слова, чувством стиля, навыками речевого общения. Нам нравятся люди, которые умеют влиять на своего ближнего и словом, и делом, умеют увлечь за собой молодежь, умеют говорить то, что они думают, и – что, может быть, еще более важно – умеют отстаивать свои убеждения. Словом, каждому из нас полезно научиться говорить не только правильно, но и хорошо!

Литература

1. *Аннушкин В.И.* Первая русская "Риторика": (Из истории риторической мысли). М., 1989.
2. *Апресян Г.З.* Ораторское искусство. М., 1972.
3. *Бельчиков Ю.А., Кохтев Н.Н.* Лектору о слове. М., 1976.
4. *Вомперский В.П.* Риторики в России XII–XVIII вв. М., 1988.
5. *Горбаневский М.В.* Притча во языцех. М., 1990.
6. *Граудина Л.К., Миськевич Г.И.* Теория и практика русского красноречия. М., 1989.
7. *Гурвич С.С., Погорелко В.Ф., Герман М.А.* Основы риторики. М., 1988.

8. *Караулов Ю.Н.* Русский язык и языковая личность. М., 1987.
9. *Рождественский Ю.В.* Проблемы современной риторики // Риторика и стиль. М., 1984.
10. Риторика и синтаксические структуры. Красноярск, 1988.
11. *Формановская Н.И.* Русский речевой этикет: лингвистический и методический аспекты. М., 1987.
12. *Цеплитис Л.К., Катлапе Н.Я.* Теория публичной речи. Рига, 1971.
13. Язык и личность. М., 1989.
14. *Якимов В.* О красноречии в России до Ломоносова. Харьков, 1938.

ЗВОНКОЕ ИНОЯЗЫЧИЕ

"Ныне принимать чужих слов не должно, чтобы не упасть в варварство... Прежде прием чужих полезен, после вреден", – писал в 50-е годы XVIII в. М.В. Ломоносов, указывая на появление такого опасного недуга, ставшего со временем хроническим, как злоупотребление иностранными словами. Против языкового "чужебесия" решительно восставал и его гениальный современник Петр Первый, который, несмотря на обилие активно употреблявшихся в его окружении иноязычных слов, писал, например, одному из своих послов: "В реляциях твоих употребляешь ты зело много польские и другие иностранные слова и термины, за которыми самого дела выразуметь невозможно..."

Таким образом, государственный деятель и ученый оказались объединены одним общим стремлением – сберечь русский язык от наплыва чужеязычной лексики, понимая, что язык является не только средством выражения мысли, но и отражением культурной, духовной жизни народа, требующей для сохранения своей самобытности бережного к себе отношения. Так что же в таком случае делать, чтобы предотвратить вторжение нежелательных "гостей" в русский язык? Полностью оградить его от них? Издать указы, запрещающие употреблять в речи иноязычную лексику? Заменять каждое иностранное слово исконно русским? Очевидно, что такие силовые методы борьбы вряд ли принесут желаемый результат. Тем более что любое возведение "китайской стены" и любая изоляция языка приведут лишь к застою. "Живой как жизнь", он всегда должен получать новые стимулы для своего дальнейшего развития и обогащения. Поэтому проблема иноязычных заимствований требует к себе весьма сдержанного и объективного подхода.

Прежде всего следует принимать во внимание то обстоятельство, что любые живые языки развиваются в контакте друг с другом, а заимствование иноязычной лексики относится к одному из способов номинации новых реалий и понятий, неизбежно появляющихся в нашей жизни при наличии определенных политических, экономических и культурных связей между контактирующими народами. И, собственно, чем теснее общение, тем больше возникает причин для языкового заимствования, ибо лексика – это та область языка, которая наиболее чутко реагирует на различного рода внешние влияния и отражает происходящие в социальной, политической и культурной жизни обще-

ИРЯ
Институт русского языка им. А.С. Пушкина
www.ruslang.ru

ства изменения. Каждой исторической эпохе свойствен свой круг заимствований, который "оказывается преходящим в эволюции литературного языка: отвергаемое в предыдущую эпоху становится обычным фактом речи (что-то при этом уходит вместе с эпохой и ее речевым бытом), для новых поколений и в новых условиях появляется другой набор (круг) обсуждаемых с нормативных позиций заимствований. И этот процесс идет вместе с развитием языка" [3, 132].

Одними из самых древних в русском языке являются заимствования из родственного старославянского (или церковнославянского) языка, получившего довольно широкое распространение на территории русского государства после принятия христианства в конце X в. Являясь изначально литературным книжным языком, служащим для отправления религиозных обрядов, старославянский язык затем заметно расширяет границы своего употребления. Древнерусские летописные памятники дают нам довольно многочисленные примеры смешения этих двух родственных языков, что является определенным свидетельством вхождения старославянизмов (церковнославянизмов) в быт русского народа. Значительное количество их функционирует и в современном русском языке: *священник, крест, власть, добродетель, бедствие, жертва, истина, жизнь, битва, казнь* и многие другие. Одна часть заимствованных старославянизмов являлась вариантами русских слов (*град – город, враг – ворог, брег – берег, глад – голод* и др.), другая – собственно церковнославянизмами (*истина, уста, ланиты*), третья – семантическими дериватами (т.е. словами, имеющимися в обоих языках, но получившими в старославянском особое значение, с которым они затем и вошли в русский язык): *грех, Господь* и некоторые другие.

Многие старославянизмы активно использовались и используются в настоящее время как стилистически нейтральные единицы лексики (*здравствуй, овощи, сладкий, освещение* (*свеча*), *страна, время* и др.). Однако следует обратить внимание и на то обстоятельство, что на протяжении многих веков употребление старославянизмов обусловливалось не только номинативными целями (т.е. необходимостью назвать ту или иную реалию, то или иное понятие, не имевшие аналогов в родном языке), но и определенными стилистическими задачами. Главной из них являлось придание речи возвышенности, приподнятости, что довольно ярко проявлялось в поэтической речи. См., например, стихотворение Пушкина "Пророк", в котором именно использование старославянизмов позволило великому поэту создать особую атмосферу торжественности.

Необходимым элементом выступали и выступают они в тех произведениях, которые повествуют о событиях прошлого. В этих случаях их роль сводится к стилизации языка соответствующей исторической эпохи, к речевой характеристике персонажей.

Нередко старославянизмы привлекаются писателями в сатирических целях, как особые средства создания юмора, иронии, сатиры.

Значительную роль в обогащении лексического состава русского языка сыграли и заимствования из классических языков (греческого и латинского), которые стали проникать в него еще с IX в. Большая часть этих заимствований относится к разряду специальной лексики, т.е. представляет собой научно-технические или общественно-политические термины, хотя немало среди них и обиходно-бытовых слов. Ср., например, с одной стороны: *математика, история, логика, диктатура, меридиан, корпорация, конституция, пролетариат,* а с другой – *фонарь, тетрадь, кровать, школа, свекла* и др. Процесс использования слов или отдельных элементов слов классических языков для создания единиц терминологической лексики продолжает сохранять свою активность и в наше время, причем не только в русском языке, но и во многих других языках мира. Это способствует созданию своего рода международного терминологического банка, что значительно упрощает специалистам разных стран чтение и усвоение научных текстов. Такое распространение интернациональной лексики является вполне закономерным, и вряд ли даже среди самых крайних пуристов это может вызывать резко отрицательную реакцию.

Существенно пополнился лексический состав русского языка и заимствованиями из тюркских языков, проникновение которых в предыдущие исторические эпохи обусловливалось самыми разными обстоятельствами: торговыми и культурными связями, военными столкновениями и т.д. Слова *базар, курган, кобура, караван, очаг, каракуль, жемчуг, сундук, изюм, арбуз, бакалея, лапша, таз, чулок* и многие другие настолько прочно вошли в наш язык, что уже не одно поколение русских людей не видит в них "чужестранцев".

В процесс "импортирования" слов внесли свою лепту и некоторые страны европейского региона: Германия, Голландия, Англия, Франция, Италия и др. Отказаться сейчас от слов *сельдь, якорь, курорт, клевер, галстук, верстак, лидер, клуб, кекс, пальто, жилет, пельмени, пурга, томат* так же невозможно, как и попытаться изъять из нашего быта и сознания стоящие за ними реалии и понятия.

Нетрудно убедиться, что история проникновения иностранных слов является своего рода опосредованным отражением истории отношений русского народа с другими народами мира. Поэтому совершенно очевидно, что, пока будут существовать контакты между разными народами, будет продолжаться и процесс лексического взаимовлияния и обмена. И пытаться бороться с "чужими" словами насильственными методами бесперспективно и бесполезно. Об этом образно сказал один из отечественных лингвистов: "Кто борется против заимствований вообще, тот пытается прекратить течение мощного потока песчинкой".

Достаточно, например, вспомнить А.П. Сумарокова, который в работе "О истреблении чужих слов из русского языка" писал: "Какая нужда говорить вместо *плоды – фрукты*? вм. *столовый прибор – столовый сервиз*? вм. *передняя комната – антишамбера*? вм. *комната – камера*? вм. *опахало – веер*? вм. *епанечка – мантилья*? вм. *верхнее платье – сюртук*? вм. *похлебка – суп*?.. вм. *переписка – корреспонденция* и еще чуднее – *каришпанденция*?.. вм. *часть книги – том*?", чтобы понять, что браковать любое иностранное слово на том одном лишь основании, что оно "чужое" и поэтому противоречит "духу" русского языка, – весьма неблагодарное занятие, ибо, как метко заметил В.Г. Белинский в статье "Речь о критике" (1842): "Гений языка умнее писателей и знает, что принять и что исключить".

В настоящее время такие слова, как *вселенная, власть, согласие, математика, кровать, тетрадь, школа, республика, туман, утюг, халат, ябеда, лагерь, номер* и многие другие, вряд ли кем-то из наших современников воспринимаются как "чужие". И хотя счет подобных широко усвоенных русским языком заимствований идет не на единицы и даже не на сотни слов, однако национальная самобытность русского языка от этого отнюдь не пострадала. При этом он не только полностью сохранил свою самостоятельность, но еще и значительно обогатился за счет иноязычной лексики. Причем эти "чужестранцы" настолько прочно вошли в лексической состав языка, так "обрусели", что нередко об их "иноязычном происхождении" знают только лингвисты. Более того, нередки случаи, когда исконно русские слова воспринимаются носителями языка как чужеродные, а называющие те же самые реалии заимствованные – как коренные образования. Интересные примеры подобных казусов приводит в книге "Живой как жизнь" К.И. Чуковский: "Взять хотя бы слово *водомет*. Я читал в одной школе рассказ, где это слово встречается дважды. Иные школьники не поняли, что оно значит (двое даже смешали его с пулеметом), но один поспешил объяснить:

– *Водомет* – это по-русски сказать: *фонтан*.

Фонтан они приняли за русское слово, а *водомет* за чужое.

Или другое слово: *зодчий*. Коренное старорусское слово, крепко спаянное с целой семьей таких же: *здание, создатель, созидатель, зиждитель* и т.д.

Но (это было в 20-х годах) прохожу я как-то в Ленинграде по улице Зодчего Росси и слышу, как один из юных сезонников спрашивает у другого, постарше: что это такое за зодчий?

– *Зодчий*, – задумался тот, – это по-русски сказать: *архитектор*.

Было ясно, что русское *зодчий* звучит для них обоих чужим звуком, а иностранное (с греческим корнем, с латинским окончанием) *архитектор* воспринимается как русское" [4].

Таким образом, усвоение иноязычной лексики, как мы убедились,

имеет свою положительную сторону, ибо в целом способствует обогащению языка, привносит в него стимулы, активизирует те или иные процессы, реализующиеся на различных языковых уровнях. Недаром в свое время Р.Ф. Брандт писал: "Вообще говоря, заимствование иностранных слов нельзя не считать явлением естественным и законным: пришлые слова имеют даже весьма симпатичную сторону как памятники мирного общения народов и их взаимного обучения" [1, 2].

Не следует забывать также о том, что иностранное слово имеет и некоторые преимущества перед вновь образующимися на базе родного языка словами, такими, например, как *отвлеченность* и *точность*. Заимствованное для обозначения какого-то одного конкретного предмета или понятия, оно только его и обозначает, не возбуждая никаких посторонних представлений. При этом нередко "в новом отечестве" слово получает более точное и определенное значение, чем в языке-источнике. Это свойство заимствованных слов давно и продуктивно используется в терминологии, где каждый термин имеет лишь одно, строго закрепленное значение. Понятно, что это положение должно быть верно и по отношению к другим языкам, так как в каждом языке иноязычная лексика чаще всего не имеет никаких ассоциативных связей с другими словами заимствующего языка.

Однако в действительности все обстоит иначе. Американцы, например, совсем не боятся нежелательного многозначия, создавая на базе слов английского языка практически всю свою современную специальную лексику. Поэтому-то возведение этого положения в абсолют служит яркой демонстрацией крайней односторонности и тенденциозности отношения к языку. В связи с этим хочется процитировать небольшой отрывок из статьи Г. Кульчинского "Безъязыковая гласность", напечатанной в бюллетене "Век XX и мир" (1990. № 9), который весьма объемно и полно отражает позицию автора, довольно предвзято оценивающего некоторые особенности русского языка: «На русском языке практически невозможно выразиться точно, объективно, терминированно: сразу же погружаешься в стихию оценок, эмоций, страстей. Поэтому, когда надо выразиться безоценочно, приходится сплошь и рядом заимствовать иностранную лексику. Нам явно мало "руководителя", "начальника", "заведующего", "директора", "администратора", "управленца" и т.д. (мы знаем, что это такое – ничего хорошего), и теперь подавай нам компетентного "менеджера", который квалифицированно и грамотно (объективно!) будет заниматься "маркетингом", "промоушеном", "лизингом" и т.п. И вот уже этот "менеджер" приобретает оценочный окрас. Русский язык – стихия столкновения позиций, игры амбиций и страстей, самовыражения и самоутверждения. Он глубоко личностно интонирован – сам собой в речи, но прежде всего – самой лексикой.

Это язык художественной, но не научной литературы. Поэтому наша художественная литература полна личностных неологизмов, оценочно адаптированных говоров, а научная – заимствований терминологии. Этот язык дал великую художественную литературу, отразившую и выразившую нравственные искания и борения высшего накала страстей. Но этот язык не ориентирован на объективную истину. Точнее, он ориентирован на поиски и выражение правды, а не истины, на идеал и соответствие идеалу, но не реальности».

Автор прав в своем утверждении, что в русском языке довольно высок процент оценочной лексики. И в этом действительно он уникален и резко выделяется среди многих других современных языков. Однако Г. Кульчинский, вероятно, не учитывает то обстоятельство, что в русской терминологии совсем не единичными являются такие, например, образования, как *лопатка, чашечка, ложечка, дорожка, карасик, собачка, шейка, лебедка, прорва, пузо, мамка* и многие другие. В языке науки все они имеют совершенно иное, чем в общелитературном употреблении, семантическое наполнение. Слово и термин объединяет как бы лишь одна "звуковая оболочка". А так как и функционируют они к тому же в разных языковых сферах, то и эмоционально-экспрессивная окрашенность этих слов не играет никакой роли при употреблении их в качестве терминов.

В действительности же дело далеко не в том лишь, что русский язык отличается богатством и разнообразием оценочной лексики, но и в том, например, что англоязычные страны идут во многих отраслях науки и техники намного впереди нашей страны, что специальная литература, изданная на английском языке, находит себе гораздо больше читателей, чем если бы она была издана на других языках, что английский язык, наконец, является одним из самых "престижных" мировых языков.

Сейчас трудно быть уверенным в том, что агрессивное вторжение англицизмов в другие языки в ближайшие годы прекратится или хотя бы пойдет на убыль и что другие языки тоже начнут "вносить свой вклад в интернациональную языковую копилку". Именно это обстоятельство вызывает естественный протест у многих наших современников, заставляет их бить тревогу и выступать с призывами поставить заслон против проникновения иноязычной лексики.

Резко отрицательное отношение к лексическим "инородцам" разделяет и значительное большинство наших соотечественников, выступающих с призывами сохранить чистоту русского языка и не "засорять" родную речь чуждой ее строю и духу лексикой.

Распространение чрезвычайно вредной моды бесконтрольного и безмерного употребления лингвистических "экзотизмов" захлестнуло не только названную выше сферу специальной лексики, где их, по мнению некоторых ученых, насчитывается сотни тысяч (причем все

ярче проявляет себя тенденция к замене ими уже существующих русских наименований). Заимствования с каждым днем все более проникают и в общеупотребительную лексику через средства массовой информации. Результатом же такого увлечения "импортной" лексикой является нередко информационная "опустошенность" материала и, как следствие, полная его бесполезность, ибо для основного круга читателей значения большинства заимствований, особенно новых, не отраженных еще в специальных словарях и справочниках, остаются нераскрытыми. Вот как об этом пишет, например, журналист В. Горленко в статье "Экология языка", обвиняя в этом "грехе" в определенной мере и своих коллег: "Сыплющиеся, как из рога изобилия, к месту и не к месту, они порой затуманивают, а то и просто искажают смысл сказанного или написанного. Чего уж греха таить, и наш брат газетчик так наловчился щеголять звонким иноязычием, что иная статья не столько проясняет, сколько морочит читателю голову. Ради красного словца, как говорится..." (Правда. 1989. 17 мар.).

Приведем лишь некоторые примеры "звонкого иноязычия" на газетных страницах: Не само даже выступление интересовало таинственного знатока отечественной классики, а голосование. Удастся ли собрать достаточное количество голосов для *импичмента* по-съездовски? (Комс. правда. 1990. 9 янв.); Все началось с того, что в ночь на 4 июня в самом центре города на Хайр-стрит была убита Алия Сау, жена местного *бутлеггера* и мать четырех детей (Комс. правда. 1990. 21 мар.); Таким образом, эта ночь не состояла из обычных фестивальных *сетов*, не был это и распространенный *фриджазовый* "*воркшон*"; "*карусель*", вращаясь, выводила на сцену неожиданные дуэты, трио и квартеты, так что все пятнадцать музыкантов поиграли в самых непредсказуемых сочетаниях (Моск. комсомолец. 1990. 20 дек.); Телезрители уже имеют представление о "Пресс-клубе" молодежной редакции ЦТ по шести предыдущим выпускам. И специальный выпуск передачи – это своего рода *дайджест*, сборник, составленный из лучших сюжетов цикла (Правда. 1990. 26 мая); Полкевич был шкипером знаменитого *кетча* "Штормфогель", а в 1975 году он в одиночку пересек Атлантический океан на спасательной шлюпке. Итальянский "*рейнджер*" испытал и жару пустыни Каракумы, покорил полюс холода на Оймяконе... (Комс. правда. 1990. 2 мар.); ...если вы уверены в себе, если чувствуете, что нравитесь окружающим, – любая проблема для вас не проблема. Ассоциация *шейпинга*, созданная в Ленинграде, поможет вам достичь вашего идеала красоты (Комс. правда. 1990. 8 мар.).

Любопытно отметить, что слово *шейпинг* было заимствовано советскими специалистами из английского языка для номинации разработанной ими новой спортивной методики. И, оказывается, как

это ни парадоксально, что нашим соотечественникам гораздо легче разработать новую, до сих пор не использующуюся нигде в мире методику, чем найти ей соответствующее обозначение в родном языке. Такая погоня за новым, красивым, звучным, а иногда и непонятным для "непосвященных" названием приводит к тому, что крестьянин-единоличник (говоря "простым" языком – арендатор) хочет быть только *фермером*, бандит-вымогатель называется не иначе, как *рэкетир* (можно еще звучнее – *рэкетмен*), а женщина легкого поведения и совсем уж необычно красиво и загадочно – *путана*.

Более того, некоторые русские слова начинают вызывать у определенной части носителей языка ложные ассоциации с английскими словами. Несколько лет назад в журнале "Наука и жизнь", в статье, сообщавшей о создании гибрида белуги и стерляди, автор подчеркнул, что *best* в переводе с английского означает "самый лучший, наилучший", и название *бестер*, которое было дано гибриду (от *белуги* и *стерляди*), действительно оправдало скрытый в нем смысл. Остается только удивляться, как русский человек мог так "по-нерусски" переосмыслить это слово.

Вольно или невольно язык средств массовой информации все более и более становится одним из главных проводников американского влияния. Особенно этим отличались, по мнению канадского ученого И. Грабовски, такие издания, как "Комсомольская правда", "За рубежом", "Литературная газета", "Огонек", "Неделя" и другие.

С некоторых пор одним из каналов проникновения иноязычной лексики стали выступления наших депутатов. *Консенсус, регионализация, приватизация, плюрализм, популизм, конверсия, коррупция, консолидация* – ряд этот можно продолжить не одним десятком слов. Все это приводит к тому, что большая часть читателей, и особенно слушателей (ибо на слух воспринимать обилие малознакомых иноязычных слов еще сложнее), оказываются неспособными усвоить поступающую к ним информацию. Не помогает в этом случае даже использование справочной литературы (пособий и словарей) по той простой причине, что в них многие слова либо отсутствуют, либо объясняются с позиций того времени, когда эти словари создавались, весьма однобоко. Ср., например, как даны в "Словаре иностранных слов" слова *коррупция* и *приватизация*: к о р р у п ц и я (лат. *corruptio*) – подкуп, продажность общественных и политических деятелей, должностных лиц в капиталистическом обществе; п р и в а т и з а ц и я (лат. *privatus*) – в буржуазных странах – передача (продажа) принадлежащих государству предприятий, средств транспорта, жилых зданий и т.п. в частную собственность.

Некоторые же заимствованные слова за последние годы коренным образом изменили либо свое значение, либо стилистическую окраску.

Ср., например, слово *плюрализм*. Вот как оно определяется в существующих толковых и энциклопедических словарях: п л ю р а л и з м (лат. *pluralis*) – 1) философское идеалистическое учение, утверждающее (в противопоставлении монизму), будто в основе мира лежит множество самостоятельных, независимых духовных сущностей (ср. также *дуализм*); 2) одна из главных идей в современных буржуазных и реформистских теориях общественного устройства, состоящая в том, что общественно-политическая жизнь якобы представляет собой состояние, конкуренцию множества социальных групп и представляющих их интересы партий и иных организаций; плюрализм противопоставляется марксистско-ленинскому учению о классах и классовой борьбе. Сейчас же это слово употребляется со множеством совершенно иных оттенков значения (о чем подробно написала газета "Правда" в заметке от 13 января 1989 г.), которые, однако, в большинстве своем сводятся к следующему общему значению – "многообразие, множественность мнений".

Можно было бы, конечно, говорить о том, что необязательно употреблять это слово, раз есть его аналоги в русском языке. Однако, может быть, было бы гораздо целесообразнее не запрещать те или иные слова, а оперативно издавать соответствующие справочные пособия и словари, где давать подробное толкование новых лексических единиц, входящих в наш язык. И предоставить тем самым человеку право самому выбирать из имеющихся в языке вариантов тот, который он считает наиболее подходящим.

Необходимость в таком издании сейчас очень острая, так как поток заимствований не уменьшается, а снабжать каждую статью толковым словариком практически невозможно.

Чрезмерному распространению иноязычных слов может способствовать и небрежное отношение к переводу иностранной литературы. Конечно, при переводе для создания местного колорита обычно используются слова-экзотизмы, но ведь и здесь необходимо чувство меры.

Особенный же напор американизмов имеет место во многих произведениях научно-фантастического жанра. Вызвано это тем, что процессы сотрудничества и взаимного влияния народов и наций в политических, экономических и культурных областях в моделируемом писателями-фантастами гипотетическом обществе носят значительно более интенсивный характер, чем в нашей современной жизни. Однако активное использование иноязычной лексики в данном жанре литературы может быть объяснено и такой особенностью впервые или редко употребляемых слов, как восприятие их носителями языка в качестве необычных, ненормативных лексических единиц с "затемненной" внутренней структурой. Г. Пауль обратил внимание на это свойство иноязычных слов, а также выделил некоторые другие их особенности:

"С заимствованными словами дело обстоит так же, как со вновь созданными. Тот индивид, который их впервые употребляет, как правило, не имеет в виду сделать их узуальными. Употребляя их, он лишь удовлетворяет возникшую у него в данный момент потребность понятнее выразить свою мысль" [2, 463].

В основном заимствованные слова в научной фантастике распределяются по двум тематическим группам: названия средств передвижения и названия различных видов оружия.

Первая группа представлена такими словами, как *ранд, скарп, лайдер, скутер, краулер, глайдер* и др. Ср. также: С бархатным протяжным гудением *трансвей* примчался к платформе. Длинное тело многосекционного вагона замерло (Д. Биленкин. Город и волк); Внося тело Симакова в кабину *скайдера,* Игонин не замечал ни помогавшего ему пилота, ни врача (Д. Биленкин. Холод на Трансплутоне); *Флаер* стоял за вышкой – маленький, двухместный *флаер*, похожий на пеструю черепашку, скоростной, экономичный, удивительно простой и удобный в управлении (А. Стругацкий, Б. Стругацкий. Далекая Радуга).

Другую тематическую группу составляют слова *бластер, лайтинг, бустер, скорчер* и др. Особенно частотным является среди них слово *бластер*, которое со страниц научно-фантастических книг уже шагнуло на страницы изданий других жанров. См. также употребление в текстах научной фантастики других образований: У Стаса была возможность лично убедиться, как безотказно действует *станнер* на взбесившегося канадского волка, дракона-трекаба на планете Фаргола или песчаного подкопщика в пустынях Аль-Сафиры (А. Стругацкий, Б. Стругацкий. Попытка к бегству); Второй пилот вскочил. Нервно дернулся *лайтинг*. Из дула брызнула лиловая вспышка (Д. Биленкин. Космический бог).

Даже собственные имена звучат в этих произведениях на английский манер: *Дин Скуорцофф, Диззи, Ник, Дэдди,* кот *Найт* и множество других.

Нельзя сказать, что лингвисты и широкая общественность равнодушно относятся к такому виду "импорта". В газетах и журналах время от времени встречаются статьи и заметки в защиту родного языка. Особенно часто появляются фельетоны на эту тему. Это и неудивительно, материал-то ведь поступает постоянно, и богатейший. Вот, например, один из образчиков таких фельетонов: «– Хэлло, бэби, – сказала она и достала "Лаки-страйк". – Хэлло, – я щелкнул лайтером "ронсон". В баре висел смог, как над картинговым треком. Эркондишн, как всегда, не фурыкал. Да и вообще, бар был не тип-топ – какой-то попартистский по дизайну. Я заказал двойной скоч и драймартини. Она любила драймартини. – Как бизнес? – спросил я. – Хреново: никакого

профита. Она опустила голову. Всего на инч. Но я недаром вкалывал в "Ллойд, Ллойд энд Прайс лимитед" – "Спешиал сервис фор резидентс"» и так далее.

Или вот еще один отрывок из фельетона: «Начальнику жэк № 5 от жильца квартиры № 37 Селимонова К.П. заявление. Пишу вам второй раз, сколько можно? В последнее тайм совсем доконали соседи своей звукоизоляцией... наша лайф дала трещину... В моей фэмили началось натуральное медицинское заболевание по нервам – заговариваемся. Встанешь монинг, голова полна не наших уодс, а днем эти выражения из нашего рта так и лезут... Скажите соседям, пусть перестанут хулиганить эт найт. – Хэлп ми! А то хана. Отец фэмили трех пипл Селимонофф».

Фельетон есть фельетон, и фельетонисту свойственно представлять недостатки в смешном и нелепом виде. Однако трудно возразить против того, что мы все более подвергаемся гипнотическому воздействию "американо-нижегородского" сленга, за которым довольно ясно стоит захлестнувшая многие слои нашего общества американомания.

Конечно, высмеивание – весьма эффективное средство борьбы с этим негативным явлением, но этого, разумеется, слишком мало. Предстоит долговременная, терпеливая работа и разъяснение, что такое хорошо и что такое плохо в нашей языковой культуре.

При этом важно донести до сознания масс, что борьба со злоупотреблением иноязычными словами – это не борьба одиночек, не проявление индивидуального вкуса писателей или ученых, что это забота и боль каждого любящего свой родной язык человека. Лишь в этом случае призывы поставить заслон против вторжения слов-"захватчиков" найдут горячее сочувствие и поддержку в широких кругах нашего общества.

Литература

1. *Брандт Р.Ф.* Несколько замечаний об употреблении иностранных слов. М., 1982.
2. *Пауль Г.* Принципы истории языка: Пер. с нем. М., 1960.
3. *Скворцов Л.И.* Теоретические основы культуры речи. М., 1980.
4. *Чуковский К.И.* Живой как жизнь. М., 1962.

МАССОВАЯ КОММУНИКАЦИЯ, МАССОВОЕ СОЗНАНИЕ, МАССОВЫЕ "БОЛЕЗНИ" ЯЗЫКА

> Огромная масса людей принимает на веру слова и категории, выработанные другими, вампирически живет чужим опытом. Никакой собственный реальный опыт уже не связывается со словами, которые, однако, определяют все оценки жизни. Слова были реально содержательны для тех, у кого были свой опыт и своя мысль, своя духовная жизнь. Но эти же слова стали номинальными и бессодержательными для тех, которые живут по инерции, по привычке и подражательности.
>
> *Н. Бердяев*

Не будет большим преувеличением утверждать, что среднестатистический мыслительный уровень личности и общества частично, если не во многом, формируется через средства массовой коммуникации. Они являются речевой средой обитания многих носителей языка. Чтение газет и журналов – часто единственная сфера речевой деятельности, в которой задаются "эталоны", "нормы", "эстетика". Многие массовые болезни языка поэтому объясняются влиянием языка средств массовой коммуникации на речевой облик общества и многих его представителей. Реальность современного мира часто видится человеку сквозь призму мифологичности, формируемой средствами массовой информации. Результат такого влияния – массовое сознание. Оно внедряется массовыми стереотипами – устойчивыми схемками сознания, особым образом упорядоченными картинками мира. Совокупность таких картинок непосредственно влияет на оценку, восприятие сложных социальных объектов, отношений. Социальные стереотипы – это знания, которые защищают систему ценностей личности, ее позицию. До середины 80-х годов внедрение и закрепление в массовом сознании стереотипов происходило в условиях моноидеологичной массовой коммуникации. Единая модель действительности порождала одинаковые языковые средства. На взаимодействие пропаганды, которую мы сейчас называем "красной", с послереволюционными изменениями речевого облика общества указывал еще Е.Д. Поливанов: "Не забудем, что известный элемент люмпен-пролетарского языка вошел не только в школьную речь, но и в стандартный разговорный и в литературный язык нашей эпохи..." [3,

167]. Далее Е.Д. Поливанов конкретизировал свои наблюдения над процессом революционной жаргонизации и указал на его носителей: «Во время гражданской войны матросская "братва" (позволяю себе употребить слово именно из ее жаргона) оказалась подлинным авангардом революционного энтузиазма; о ее политической роли – притом на всей российской территории – распространяться здесь излишне. Но это командное положение "матросской братвы" именно и обусловило ее первенствующую инициативную роль в языковой культуре данного момента» [там же, 168].

Нормально, что "вкусовые" ощущения слов, мода на слова в конкретные исторические периоды складывались под влиянием определенных социальных групп с авторитетным общественным статусом. Ненормально другое: клановость языка существовала на протяжении длительного послереволюционного периода, когда язык правящих элит на время их правления становился образцом, т.е. когда насильственно огосударствлялся язык средств массовой информации. Свидетельство этого – тотальное употребление каких-либо ошибок, имеющих авторство, например известная орфоэпия типа *коммуниз*[ь]*м*, *марксиз*[ь]*м* или примета эпохи неологизм *определиться*. Приведем наблюдение критика Татьяны Ивановой: «Замечено всеми, многими и прошучено, просмеяно такое современное языковое явление: прямотаки массовая склонность в глаголах типа "начать", "принять", "занять" ставить ударение на первом, как Михаил Сергеевич, а не на втором, что соответствует нормативному произношению, слоге. Элемент областного говора оказался настолько заразительным, что не только партийные работники, но и люди с гуманитарным образованием, филологи, ведущие телепрограмм – чуть не все предают родные глаголы из подражания!» (Стилистика момента. Жизнь по лжи или вопросы языкознания? // Книжное обозрение. 1991. № 7). Пагубность централизации языка особенно ощутима и очевидна в условиях многочисленности и обширности среды люмпенов. В такой среде исчезло понятие коренного жителя того или иного города с его индивидуальным языковым обликом – москвича, истинного петербуржца, новгородца. На состоянии русского языка не могли не сказаться такие социальные факторы, как высланная или расстрелянная интеллигенция, деклассированные рабочие и раскрестьяненные крестьяне, уничтоженные аристократия и духовенство.

Культуру пользования языком в обществе определяет во многом культура пользования словарем. Создание словарей, в свою очередь, также может находиться под контролем. Закономерно, что идеологизированные люди создавали идеологизированные словари. А те, зачастую не выполняя своего высокого призвания бесстрастно фиксировать язык в его движении, аккумулировать его отрицательную и положительную энергию, давали ложные идеологизированные слепки

действительности. Обворованные официальные словари, вместо того чтобы быть хранилищем, породили целые пласты беспризорных слов. Геноцид по отношению к языку привел к невостребованности многих слов, исчезновению их из языковой памяти общества, возникновению целых засекреченных пластов лексикона, анемии лексики. Замечено, что в общественно-политических словарях, ограниченных прокрустовым ложем существующего порядка, нет толкований слов *добро, зло, свобода, терпение, халатность*. Лицемерие порождает эвфемизмы, ханжество – табу, лексикографические ярлыки типа "неприличный", "бранный".

В сфере массовой коммуникации слова сильно нагружены и продолжают нагружаться идеологически. У слов возникают идеологические сознания, навязанные удобным идеологическому департаменту пониманием слов и целых выражений. На слово ложится груз "социальных идей". Утрированно-комичный аналог этой ситуации есть в известной книге В. Войновича "Москва 2042": «По дороге я спросил Коммуния Ивановича, почему он обращается ко мне не прямо, а через переводчицу.

– Разве, – спросил я, – мы говорим с вами не на одном и том же языке?

Он вежливо подождал перевод, потом объяснил, что хотя мы, действительно, пользуемся приблизительно одним и тем же словарным составом, но каждый язык, как известно (мне это как раз не было известно), имеет не только словарное, но и идеологическое содержание, и переводчица для того и нужна, чтобы переводить разговор из одной идеологической системы в другую» [2, 103].

Слова и сейчас, в современных политических монологах и диалогах, часто становятся полем для смещения идей и понятий, а "перетягивание канатов" происходит даже на территории таких безобидных слов, как *конверсия, конвергенция*. В результате такого идеологически скособоченного употребления трансформируется оценочность. В средствах массовой информации часто предлагаются идеологически оценочные значения, в то время как нужны точные понятия. Такая ситуация в сфере массовой коммуникации способствует речевому закреплению превалирующих ценностей и установок. С определенной долей условности такую ситуацию можно назвать контролем над языковым сознанием общества и личности. Всякий контроль легче осуществить в условиях тотальности. Так, тотальный языковой стандарт в сфере массовой коммуникации нескольких послереволюционных десятилетий стал причиной неизбежной стандартизации навыков языкового сознания. Даже с учетом того, что уклоняться от стандарта и стремиться к нему – естественное человеческое свойство, следует помнить, что стандартность речи – это одинаковая реакция на бесконечно многообразную действительность. В защиту стандартности

языка средств массовой информации прошлых лет было сказано много теплых слов и придумано много оправданий: оперативность отклика на злобу дня, эффективность пропагандистского воздействия, привычность, доступность, соотносимость с определенной ситуацией. Стандартность признавалась глубинной тенденцией языка к регулярности, устойчивости. При этом упускалось из вида, что природа стандарта – использование одних и тех же речевых средств в одних и тех же внеречевых условиях. Эти условия не могут быть одинаковыми и не могут не быть разнообразными, как неодинакова и разнообразна сама жизнь. Кроме того, стандарт – это и стилевая черта средств массовой информации. Стандарт исключает другие речевые характеристики – речевое творчество, индивидуальность, экспрессивность, множественность способов речевой интерпретации действительности. В самом деле, самовыражение словом предполагает познание, самопознание. Стандарт же любого текста средств официальной массовой коммуникации прошлого, отлитый в набор штампов, ярлыков, клише, канцеляризмов, этому препятствует.

Обратимся с этих же позиций к новой прессе конца 80-х – начала 90-х годов. В 1918 г. А.В. Луначарский, открывая Институт живого слова в Петрограде, сказал: "Россия заговорила, заголосила даже..." Изменение моральной и политической атмосферы в наши дни, глубокая психологическая перестройка в общественном и массовом сознании привели общество к новому качественному состоянию. Вторая половина 80-х годов взорвалась неожиданным, небывалым речетворчеством. Россия заголосила вновь. В нынешних условиях смены газетной казармы газетным рынком происходит поистине тектонический сдвиг в "надстроечной" лексике эпохи. Оглупляющее действие "высоких идеалов" сменяется свежими общественными идеями. В сфере массовой коммуникации сняты запреты на целые слои опальных лексиконов, освобожден громадный потенциал оттенков и значений слов. Например, тема тяжелого настоящего и кошмарного прошлого, сменившая тему светлого будущего, породила язык "чернухи", пронизавший все средства массовой информации. Изменения языка средств массовой информации обусловлены появлением значительного количества функциональных неологизмов, т.е. известных ранее, но крайне редко употреблявшихся лексем с самыми разнообразными истоками: *благочестие, притерпелость, русскость, милосердие, выживание...; раскол, деспотизм, оппозиция, бонапартизм, фракция...; левые, правые, прогрессисты, консерваторы, патриоты, неопатриоты, интернационалисты, анархо-синдикалисты, почвенники, западники, урбанисты, земельники, демократы, социалисты...; парламент, муниципалитет, префектура, консенсус, референдум, аренда, фермер...*

Новые номинативные возможности реализуются и за счет резко

возросшей сочетаемости ключевых слов с разнообразнейшими определениями. Так, на месте *развитого социализма* появилась целая россыпь новых сочетаний с иными интерпретациями: *социализм аграрный, административный, аппаратный, брежневский, бюрократический, вульгарный, горбачевский, деформированный, докапиталистический, застойный, за колючей проволокой, имперский, истинно демократического звучания, казарменный, капиталистический, колониальный, командно-административный, крестьянский, ленинский, монархический, нищий, нравственный, обновленный, обновляющийся, плановый, подвижнический, подлинный, построенный своими руками, пролетарский, рабоче-крестьянский, социалистический, социальный, сталинский, с человеческим лицом, технократический, тоталитарный, утопический, хрущевский, чиновно-административный, чиновно-бюрократический, экономический...* Новое языковое выражение нового культурного знания происходит параллельно процессу деидеологизации. Смена идеологических оценок многих слов активного словаря общества следует за социально-историческими сдвигами. Не случайно поэтому, что граница между старым и новым мышлением проходит и по языку сферы массовой коммуникации середины 80-х годов. Этот язык характеризуется резким сокращением стандартности, которое, в свою очередь, предопределено разрушением идеологических стереотипов. В период обретения приоритетов высокой социальной ценности и уникальности личности, выраженных социальных изменений "образа мира" найдены и колоссальные ресурсы для речевой переоценки его реалий.

Изучение языка средств массовой информации в аспекте влияния этого языка на языковое сознание общества и личности имеет давние традиции. Истоки этих традиций – в работах лингвистов 20–30-х годов: Е.Д. Поливанова, Л.П. Якубинского, А.И. Иванова, А.М. Селищева, А. Горнфельда, Г.О. Винокура и других представителей лингвистической интеллигенции раннего послереволюционного периода. Их работы, посвященные осмыслению социальной значимости русистики, объединены понятием "языковая политика". Один из отправных теоретических тезисов языковой политики – функциональная интерпретация языка, соответствие средств речи коммуникативным установкам. Сформулированная Г.О. Винокуром цель языковой политики сводилась к формированию навыков индивидуального использования "языковой традиции в самой различной обстановке социокультурного быта". Языковая политика осознавалась как задача, выходящая за рамки собственно педагогики, и осуществлялась через "сознательное организующее отношение к языку как к социальной традиции" [1, 117], делала своим предметом актуальное использование языка в социальном контексте, т.е. языковые употребления в сфере массовой комму-

никации. В таком понимании языковая политика не только сближается с социолингвистикой – воздействием общества на язык, но и делает своим объектом воздействие языка на общество, воздействие благотворное или неблаготворное. Вновь возрождаемая в недрах культуры речи языковая политика должна иметь право быть в кругу интересов общества. Стоящие перед наукой о культуре речи задачи определяют и высокую меру ответственности языковой политики. Культура речи – самая чуткая к социальным изменениям область русистики, а языковая политика – самая дееспособная и практически ориентированная прикладная область культуры речи.

Отчасти у языковой политики и у культуры речи разные адресаты: культура речи – это наука. И как наука она апеллирует к научному знанию; языковая политика – это система намеренных акций, система практических мер, т.е. междисциплинарная научная система. Языковая политика позволяет следить, контролировать и если не вмешиваться, то хотя бы предупреждать любое официально-государственное воздействие на язык, речь. Вообще исследовать, изучать "болезни" языка возможно только в связи с состоянием массового и общественного сознания. Такая ориентация исследований "болезней" языка также могла бы стать целью языковой политики. Достойна, например, и не только в историческом плане, осмысления с точки зрения языковой политики вся пропагандистская практика послереволюционного периода. Целесообразно было бы также не только фиксировать неологизмы и сдвиги в значениях слов в сфере массовой коммуникации, но и если не запрещать, то хотя бы осуждать или обсуждать в этих же средствах массовой информации те из них, которые нарушают этосферу речи.

Литература

1. *Винокур Г.О.* Язык газеты. М., 1923.
2. *Войнович В.* Москва 2042. М., 1990.
3. *Поливанов Е.Д.* О "блатном" языке учащихся и о славянском языке революции // За марксистское языкознание. М., 1929.

ШТАМП И ЯРЛЫК – ЯЗЫКОВОЙ ТОРМОЗ

Человек есть система фраз... Это изречение дальнозорко предусматривает возможность бытия людей, одетых исключительно ловко и парадно подобранными словами, что приводит их все-таки только к созданию своей системы фраз, не далее.

М. Горький

У нас часто убивают людей посредством приклеивания ярлыков "реакционер", "консерватор", "оппортунист" и т.п., хотя, может быть, за этим скрывается более сложное и оригинальное явление, неопределимое обычными категориями. В другом лагере убивают при помощи слов противоположных. И все боятся слов и ярлыков.

Н. Бердяев

Штампы в языке проходят тот же путь, который проходят известные наборы идеологических "истин", составляющих официальную религию страны, господствующие доктрины, программы мифического светлого будущего. Штампы – одна из примет фараонова мышления, настроенного на вечность и незыблемость.

У штампа нет эволюции (в этом смысле термин "штамп" удачен), но есть рождение и смерть, есть хронологические рамки употребления. Поэтому штамп можно рассматривать только в диахронической ретроспективе: *переводить на рельсы пролетарской идеологии, сплотиться для великих свершений, вернейший соратник, первый прораб, отец народов, могильщик буржуазии, великий стратег, выдающийся организатор, общий кризис капитализма, ковать кадры, под солнцем сталинской конституции, махать кулаком на партию, работник идеологического фронта, прогрессивные силы всего человечества, единственный привилегированный класс, самый читающий в мире народ, с чувством глубокого удовлетворения, на трудовом фронте, под знаменем коммунизма/Октября, ударная вахта, беззаветная преданность, братская помощь, высший триумф, жить в преддверии, крепить узы дружбы, укреплять базу социализма, величественные победы, невиданный подъем...* Успели стать штампами и уйти в историю и относительно недавние сочетания: *строить здание из кирпичиков согласия, заболтать перестройку, порвать паруса перестройки, на путях обновления/ускорения, всемерное ускорение социальной переориентации, в авангарде перестройки, расширение*

гласности/демократии, ветер обновления/перестройки, свежий ветер апрельских перемен, задавить общественную инициативу, рычаги власти, высшие эшелоны власти, сносить преграды на пути перестройки, замешивать политику (на чем-либо), *преодолеть завалы прошлого, прибавить в работе, преодоление догматического мышления, переходить от слов к делу, силы торможения, изживать командные методы, программа конкретных действий, курс обновления, закручивать гайки, выпускать пар, разжигать страсти...*

Стиль, густо настоенный на штампах, оторван от реальной жизни во всем многообразии ее оттенков, ситуаций. Штамп предполагает только высшую степень положительной оценки признаков, событий при очевидной возможности и других оценок: *с огромным интересом, с чувством глубокого удовлетворения, событие исключительной важности, неустанная забота о человеке.* Официальные газетные тексты, например 70-х годов, создавали столь сильный идеологический фон, что на нем трудно вычленить отдельные штампы. Характерно, что эйфорически оглупленный язык штампов остается языком отдельно взятого государства: штампы непереводимы на другие языки.

Набор штампов массовой коммуникации состоит не только из пропагандистских. Встречаются по-прежнему, особенно в районной печати, штампы беллетристические (*причудливые очертания гор, косые лучи заходящего/восходящего солнца; усталый, но довольный; голубые, как небо, глаза; скупая мужская слеза,* а также пресловутые *мужская стать* и *дружба, мужские разговоры* и *увлечения*), публицистические (*загадочная русская душа, широта души русской, человеческий документ потрясающей силы, человек кристальной душевной чистоты*), риторические (*побольше бы таких...; ни для кого не секрет, что...; все мы сейчас переживаем...; воспринимать боль... как свою собственную*).

Штампы, как правило, апеллируют к морально-этическим ценностям, глобальным категориям, например к воле народа. Против таких апелляций существуют предостережения, исходящие не только от публицистов, но и от исследователей смыслов языка: "Я полагаю, что не менее опасны ничего не обозначающие псевдоимена... Псевдоимена, по-видимому, даже в большей степени, чем неоднозначные выражения, способствуют демагогическому злоупотреблению языком. Таково, к примеру, выражение *воля народа,* которое очевидным образом не имеет (во всяком случае, общепринятого) значения. Поэтому мне представляется исключительно важным закрыть этот источник заблуждений – по крайней мере в науке – раз и навсегда" [3, 13].

Сейчас все старые штампы превратились в оценочные стилистические перевертыши, воспринимаемые не иначе как черный юмор

советского периода. Например, в основе политического анекдота, приводимого "Литературной газетой" (1988. 14 мая), лежит именно штамп: "Поляк и русский нашли кошелек. Поляк нагибается, поднимает и говорит: Андрей Иванович, поделим по-братски". И комментарий газеты: «Разумеется, это не тот анекдот, который вызывает смех. Он может вызвать горькую усмешку и одновременно заставит задуматься. Откуда вообще взялись эти "братья"? Их происхождение определяется просто-напросто пропагандистской фразеологией типа "мы братья-славяне", "братство по оружию", "наш великий брат из-за Буга" и, наконец, "братская помощь". Именно этой "братской помощи" поляки больше всего всегда боялись».

Другой симптом "болезни" злоупотребления языковыми единицами – ярлыки. За ярлыком всегда стоят субъективно интерпретируемые, но идеологически, политически значимые факты. В состав ярлыков прошлого входят такие, которые стали уже метафорами эпохи: *акула империализма, продажная девка империализма, гидра контрреволюции, подголосок буржуазии, помесь свиньи с лисицей, мелкобуржуазный прислужник, осколок старого мира, гнилой интеллигент, поджигатель войны, недобиток* и под. Ярлыки метят не только личность, они клеймят и социумы, процессы, события, явления: *вышвырнуть за борт истории, уничтожить вражеские гнезда, происки реакции, сколачивание блока, уничтожить как класс, потерять корни в массах, пить кровь трудового народа, обратить в прах истории.* Набор ярлыков периода, который сейчас называют застоем, приведен у В. Войновича: "Ну, в самом деле, что я заслужил, чего добился в прошлой жизни? Только того, что меня обзывали хулиганом, алкоголиком, контрабандистом, сексуальным разбойником, прислужником иностранных разведок, лакеем международного империализма, спекулянтом, фарцовщиком, паразитом, клеветником, свиньей под дубом, волком в овечьей шубе, шавкой, которая лает из подворотни, Иваном, не помнящим родства, Иудой, продавшим Родину за тридцать сребреников. Я сейчас, право, даже затрудняюсь припомнить все оскорбительные эпитеты, которыми наградили меня в прошлом культисты, волюнтаристы, коррупционисты и реформисты" [1, 113]. В ярлыках остановлена и отражена как в кривом зеркале история, в них застыли идеологии и эпохи, государственные доктрины, идеологические стратегии. Если есть доля правды в мрачной шутке Станислава Ежи Ленца о том, что в каждом веке свое средневековье, то, видимо, у каждого такого средневековья свои ярлыки. Трудно привести исчерпывающий список ярлыков, обозначающих внешних и внутренних врагов эпохи сталинизма; обратимся к воспоминаниям об этом периоде: «Сталинская пропагандистская машина была весьма сурова к западным либералам: неизменно провозглашала их демократию

"фальшивой", гуманность – "классовой", а их самих – "социал-предателями" и "социал-фашистами"» (Новый мир. 1989. № 7). Многие ярлыки настолько скомпрометированы в исторической памяти поколений, что вызывают лишь идеологические ассоциации, несмотря на нейтральные составляющие компоненты (*тлетворное влияние* и под.).

Названные и неназванные ярлыки предыдущего, моноидеологического периода – это явление уходящее. Но сама проблема ярлыка как единицы коммуникативного злоупотребления осталась актуальной. Нынешняя революционизация языка оборачивается то популистским кликушеством, то лихими новоязами политических платформ. За ними по-прежнему часто трудно расслышать голос здравого смысла; в митинговых гущах и кипящем растворе уже многих идеологий логическая часть диалогов и дискуссий часто подавляется ярлыковой псевдоэмоциональностью. Прежние отношения "наш" – "их" заменились выяснением новых политических отношений; поиски внутреннего врага, заменившего внешнего, вызывали эпидемическое распространение новых ярлыков. По-прежнему в одежды общественного мнения рядится мнение официальной власти, по-прежнему средства массовой информации обрушивают потоки ярлыков, усиленных пресловутой мощью печатного слова и дающих заведомо отрицательную оценку, создающих новый фантом врага. Роль стереотипных злодеев в наши дни выполняют *приверженцы уличной демократии, антиперестройщик, боевик, популист, рыночник, провокатор, фракционщик, экономический саботажник, мелкий лавочник, перерожденец, желтая пресса,* с одной стороны, и *коммунистическое болото, опричники КГБ, красно-коричневые* – с другой. В политических перебранках используются порой одни и те же ярлыки; так, с легкостью звучит со всех сторон обесцененное до бранного слова *иуда.*

Отрицательная оценка, которую несет в себе ярлык, таким образом, вписывает личность в идеологический контекст. Е.Д. Поливанов вообще выводил ярлыки за пределы нормальной разговорной речи, приводя в качестве примера невозможный, с его точки зрения, диалог двух друзей, "искреннейших, допустим, коммунистов": "Осипов скрывает под своей личиной подлинную гидру революции". – "Да, надо изжить подобный элемент из недр нашей канцелярии. Оставляя Осиповых у себя, мы льем воду на мельницу хищных акул империализма и ставим под угрозу завоевания Октября. Это продукт разлагающейся буржуазии..." [2, 170]. Большинство ярлыков обозначает личность по признаку идеологической инородности. Ярлык, упрощая и примитивно схематизируя ближайшее и более отдаленное социальное окружение, препятствует полному, адекватному взаимопониманию людей и становится шорами, искажающими ви́дение социальной реальности. Ярлык не гуманизирует личность, а лишь идеологизирует ее.

Ярлык – единица политической брани. Всякая брань действует по принципу обратной связи, возвращаясь бумерангом, отскакивая рикошетом. Брань обладает почти физической силой, остановить ее бывает трудно. Но штык, по желанию поэта приравненный к перу, быстро тупеет и ржавеет. О бесполезности употребления ярлыков писал Е.Д. Поливанов: «...шаблоны прокламационного стиля, сперва, разумеется, полные смысла и эмоциональной жизненности, в конце концов превратились в "славянский язык". А в том, что процесс этот неизбежен, что нельзя десять лет подряд играть на человеческой психике одним и тем же смычком, – об этом нам расскажет история любого изживаемого образа или оборота». Славянским языком Е.Д. Поливанов как раз и называет «трафаретные выражения и фразеологическую рутину вроде "хищных акул империализма" и "гидры контрреволюции", ибо по безжизненности и недвижности своей эти "акулы" и "гидры" вполне сравнимы с церковнославянскими речениями в церковном языковом обиходе» [2, 169].

Штампы и ярлыки, таким образом, это устойчивые речевые единицы. Они называют и оценивают явления реального мира сквозь призму определенной мировоззренческой системы. Закономерно поэтому, что, как речевые средства официоза, штампы и ярлыки особенно осознаются при смене одного политического этапа другим, при смене одной идеологии другой. В связи с этим штампы и ярлыки можно рассматривать только на культурно-историческом фоне.

Штампы и ярлыки – языковой тормоз. Их скудость заключается в том, что они существуют в речи как примитивный инструмент однозначной одобрительной или неодобрительной оценки сложных явлений. Известно, что любой истине, чтобы стать трюизмом, достаточно пройти определенный путь. Общеизвестное всегда дискредитировано в сознании. Тем не менее официальная ложь редко ищет новые средства. За одинаковыми, или стереотипными, представлениями о мире с легкостью закрепляются одинаковые, или стандартные, речевые средства. Штампы и ярлыки – единицы ритуально-апологетические, своего рода номенклатурные ориентиры языка средств массовой информации некоторых жанров. Настойчиво внедряемые посредством их тиражирования в миллионах экземпляров, штампы и ярлыки искусственно замыкают мировоззренческий горизонт, снижают поисковую активность личности. Ярлык и штамп представляют собой альтернативный выбор оценки всего в одну единицу информации – "да" или "нет", "свой" или "чужой", создают атмосферу полярности, нетерпимости. Они выражают только одну модель отношений, сформулированную поэтом: "И тот, кто сегодня поет не с нами, тот – против нас".

Нынешние общественные процессы направлены к осмыслению исторического опыта, обретению новых целей, ценностей и интересов.

Духовная жизнь второй половины 80-х годов ознаменована освобождением общества и массового сознания от мифов и многих стереотипов. Это выражено и в активном неприятии существовавших десятилетиями штампов и ярлыков. В самих же средствах массовой информации дается множество негативных оценок текстов, насыщенных штампами и ярлыками: *социальная мифология, уставные формулы, державный стиль, идеологические заграждения, казенные догматы, патрульное вторжение политической фразеологии, ярлыки-нашлепки, агитпроклятья, агитпроп, идеологическая муштра, барабанный бой...* Одевшись в кавычки и перевернувшись в оценках, штампы и ярлыки вернулись в язык средств массовой информации уже с противоположным знаком.

Литература

1. *Войнович В.* Москва 2042. М., 1990.
2. *Поливанов Е.Д.* О "блатном" языке учащихся и о славянском языке революции // За марксистское языкознание. М., 1929.
3. *Фреге Э.* О смысле и денотате // Семиотика и информатика. М., 1977. Вып. 8.

"РОСКОШЬ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ОБЩЕНИЯ"

> Если у вас есть яблоко и у меня есть яблоко и если мы обмениваемся этими яблоками, то и у вас и у меня остается по одному яблоку. А если у вас есть идея и у меня есть идея и мы обмениваемся этими идеями, то у каждого из нас будет по две идеи.
>
> *Б. Шоу*

Нормы речевого поведения определяются нравственным содержанием человеческих отношений. Психологическая полифония человеческих отношений проявляется в общении. В процессе и результате общения, познавательного, преобразующего, происходит не только обмен идеями, но и превращение состояния каждого партнера в их общее достояние, происходит становление или обновление внутренней позиции собеседников. Общение порождает общность.

Живая коммуникация людей, решающих в дискуссиях и столкновениях точек зрения социальные, политические, профессиональные, личные проблемы, может быть непосредственной, возникающей спонтанно, и специально организованной. На это разграничение налагается другое: человеческое общение включает в себя столь далекие на первый взгляд сферы, как социальное взаимодействие и межличностное общение.

Остановимся на такой сфере общения, как социальное взаимодействие. Разнороднейший языковой коллектив социализируется и политизируется в рамках групп со своими определенными нормами, ценностями, мировоззрением, стереотипами. Поэтому люди часто действуют не столько в реальном мире и говорят не столько о нем, сколько о субъективных моделях явлений, о своих представлениях, оценках. Отношение к другим группам и их представителям, следовательно, определяет и средства языка, используемые для обозначения разных объектов действительности. Мир, мыслимый раньше только в категориях "капитализм"/"социализм", порождал и лексику идеологических распрей. В речевой коммуникации групп прежде часто взаимодействовали не индивиды, а представители противоборствующих классов. "Я" и "ты" растворялись в "мы" и "они", и, напротив, "мы" растворялось в совокупном "я". В наши дни в средствах массовой информации участилась языковая ситуация, когда в пределах одного высказывания идет поиск наиболее точной характеристики. Эта ситуация стала возможной благодаря доступу в сферу массовой коммуникации альтернативных позиций: не *национальный*, а *националистический;*

не *бендеровский* и не *петлюровский*, а *украинский; самоуправление, перерождающееся в самоуправство; нетерпение всегда рядом с нетерпимостью; лидер* не *популярный*, а *популистский;* не *с левым*, а *с левацким уклоном; политика, превратившаяся в политиканство;* не *блокада*, а *недопоставки;* не *льготы*, а *привилегии* и т.д. Итак, одно и то же лицо может быть названо *национальным экстремистом* и *борцом за свободу нации.*

Вообще культура совместной социально-речевой деятельности или социально-речевого взаимодействия – проблема злободневная. В высвободившейся речевой стихии, хлынувшей к микрофонам и в типографии, бушуют страсти, разрушительные идеи... Тем не менее в своем сокрушительном речевом потоке она несет множество неопропагандистского шлака. Диагноз современной "болезни" общения ставит публицист Г. Кульчинский: "Меланома понимания – то, что переживает сейчас наше общество: все, чего она ни коснется, превращается в собственную противоположность. Демократия – в игру самозванческих амбиций... Правовое государство – в гонку законотворчества на все случаи жизни" (Век XX и мир. 1990. № 9). Современная публичная речь часто демонстрирует образцы того, как гласность, открытое обсуждение возникающих противоречий, вырождается в перебранку ярлыками, плюрализм становится поводом для оскорблений, а социальный диалог оборачивается обличительным монологом.

Для социально-речевого взаимодействия имеет значение социоэкономическое, социокультурное положение субъекта. Это иллюстрируется, например, известным анекдотом об управленческом общении: "Что такое обмен мнениями? – Это когда приходишь к начальству со своим мнением, а уходишь с его". Общение двух собеседников, один из которых располагает властью, приобретает целевую обусловленность и становится воздействием. Общение в таких условиях часто сопровождается разными недопустимыми силовыми приемами, недопустимыми особенно в условиях неравных сил. Например, ярлык *политические спекуляции,* прозвучавший из президиума в адрес предыдущего оратора, является резко оценочной формулой. Но, будучи обращенной к президиуму, эта оценка может рассматриваться как оскорбление. Высказанная из президиума уверенность в том, что "депутаты нас поддержат", также является способом воздействия. Ведь это уверенность в том, что аудитория разделит положительную этическую позицию, причем заранее объявленную положительной.

Вообще тональность ведения социального диалога, по-видимому, бывает сопряжена с его содержательной и нравственной сущностью. По мнению Т. Ивановой, "никакую ложь нельзя отстаивать и защищать спокойными, нормальными, естественными для человеческого

уха, простыми, понятными словами. Только криком, ором, напряжением голосовых связок, нагнетанием метафор, сравнений, готовыми словесными блоками, не подлежащими разъятию, грохотом аббревиатур, умеющих целиться и стрелять, хватать, выслеживать и сажать. И лучше всего ее отстаивать, конечно, БТРами" (Книжное обозрение. 1991. № 7).

Состояние культуры речи в обществе определяется не только уровнем социально-речевого взаимодействия, но и уровнем межличностного общения. Речевое обаяние личности создается во всем многообразии стилистических пластов. Речевое поведение возможно в большом диапазоне оттенков от языковой вульгаризации до щепетильной гиперкорректности с разнообразнейшими оттенками общения – интимного, доверительного, дружеского, дипломатического, фамильярного... Зоной же нейтральности, гармонии и равновесия в этом диапазоне является вежливость, речевой этикет.

У речевого этикета есть свойство, делающее его не просто сводом вежливо-скучных фраз и правил. Этикет – универсальный язык этических норм и ценностей общения. В нем заложены способы и средства, делающие его в высшей степени полезным и удобным механизмом, позволяющим организовать культурно-речевое пространство личности так, чтобы в нем совершались по преимуществу уместные речевые поступки. Речевой этикет – организующий центр культуры речевого общения, подводящий личность к культуре речевого поведения вообще, к речевой этике. Речевой этикет позволяет балансировать на очень тонкой грани, защищающей взаимную свободу собеседников, дает возможность оставаться самим собой и в то же время сохранить мягкость с неустойчивостью в принципах. Возможности вежливости безграничны – вежливыми могут быть и отказ, и несогласие, и порицание, и неодобрение. Вежливое слово – шаг из темноты. Человек, владеющий речевым этикетом, владеет и колоссальной силой убеждения и воздействия, содержащейся в простых и волшебных словах. Вероятно, что одни только обращения "господин" и "госпожа", если бы они были возвращены в общество и восприняты им, а не остались только приемом рекламно-коммерческих роликов, убили бы в человеке внутреннего хама.

У проблемы культивирования русского речевого этикета есть сложный аспект. Формы и способы речевого общения между людьми восходят к их восприятию ("образ врага", "образ друга") и зависят от свободного выбора языковой личности, от индивидуальных и душевных ее качеств, этической позиции, самой потребности в общении. По словам Герцена, цинизм выражений всегда выражает циническую душу. Вежливость – это состояние души, и наше речевое общение с зеркальной наглядностью отражает атмосферу в обществе. В нашем обществе, лишившемся духовной опоры, произошла замена нравст-

венных ценностей – чувство товарищества сменилось взаимным пособничеством, традиционное уважение к старшим – грубостью или, наоборот, пресмыкательством, чинопочитанием; корень единения сохранился лишь в кумовстве и семейственности. С родовым гнездом и религиозным сознанием исчезла сама духовная почва, на которой только и возможно существование общепризнанных ценностей человеческого межличностного общения. Конечно, это скорее вопросы этики, нежели этикета. Но деформация в нашем ныне разобщенном, дисгармоничном, разодранном противоречиями обществе элементарных опор морали и нравственности привела к такому кризису человеческих отношений, когда даже притворяться вежливым невыгодно: "спасибо", как известно, сыт не будешь. Духовная изоляция и слепота в отношении друг к другу спрессовались в психологическую реальность, которая ощущается с предельной отчетливостью. Поэтому трудно "культурно общаться", например, в очереди или в общественном транспорте, трудно быть вежливым в той атмосфере, которую создают в тесноте и обиде живущие люди и которая, как оголенный провод, обнажается именно в речевом общении.

Общение в таких условиях распада естественных социальных связей частично парализуется, частично деформируется, частично утрачивает свое нравственное содержание, частично блокируется потребностью не общаться, а подчинять или подчиняться либо осуществляется по принципу, описанному Н.В. Гоголем: "У нас есть такие мудрецы, которые с помещиком, имеющим двести душ, будут говорить совсем иначе, нежели с тем, у кого их триста, а с тем, у кого их триста, опять не так, как с тем, у кого их пятьсот... словом, восходи хоть до миллиона, все найдутся оттенки" ("Мертвые души").

Сферу нашего речевого этикета задело и оказенивание – в этом также проявилась его связь с общественным устройством. *Соблаговолите* и *извольте, за честь сочту* и *окажите честь, Бог помощь* и *храни вас Господь* не устарели, как принято помечать эти и подобные обороты в словарях, а были сметены бешеным вихрем чиновно-солдафонских *разрешите поздравить* и *в просьбе вам отказано*... А *сударыню* и *сударя, господина* и *госпожу* этикетная уравниловка превратила в не знающих рода и племени *товарища, гражданина* и *гражданку,* окончательно уравняв и без того поглощенные государством личности.

Наш вяло развитый, национально-безликий, кургузый современный этикет – лишь жалкий осколок некогда богатой системы речевого обеспечения повседневного и профессионального общения. Эту систему, ныне обойденную официальной любовью (в отличие от дореволюционной ситуации, когда существовали, например, психологически верные пособия по межличностной коммуникации – письмовники,

своды правил речевого поведения в разнообразнейших ситуациях), необходимо вернуть из вынужденного небытия. Конечно, утопической и несбыточной представляется возможность науки о культуре речи, языковой политики повлиять на формы и способы речевого взаимодействия в обществе. Но задача становится обозримой, если свести ее к культивированию самих единиц и правил речевого этикета в его организующем и регулирующем общественную коммуникацию аспекте. Речевое наполнение и обеспечение этикета – это формулы вежливости, позволяющие организовывать общение на различных социальных уровнях, при этикетных соприкосновениях разных социальных сфер и в разных социальных сферах, с разной эмоциальной окраской общения (по службе и по душам), в многообразных ситуациях межличностных отношений (благодарность, знакомство, извинение, комплимент, напоминание, одобрение/неодобрение, пожелание, поздравление, приветствие, приглашение, просьба, соболезнование, сочувствие, утешение, прощание, согласие/несогласие, отказ и т.д.), на разных речевых уровнях общения с адресатом – контактном, дистантном, устном и письменном, эпистолярном и документальном. Например, эпистолярные фразеограммы и устные формулы многообразных социально ориентированных жанров (дискуссия, спор, прения) могут включать такие "мягкие" блоки несогласия: *возможность иного подхода к проблеме мною не отрицается, но...*; *не могу принять ваших претензий...*; *к сожалению, не имею возможности обсуждать этот вопрос далее*; *не буду настаивать на этом примере, в данном случае важнее не примеры, а суть* и под.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Перевернута последняя страница книги, написанной в завершающее десятилетие уходящего двадцатого века. Этот век для нашей страны был трагическим, с непрекращающимся поминальным звоном колоколов и полным самых острых противоречий. Мы и сейчас живем в условиях политической разноголосицы, экономической неразберихи и, конечно, в тревожном ожидании. Достаточно пробежать глазами заголовки публикаций любого журнала, любой газеты. "Выжить" – речь идет о самом существовании отечественной науки и культуры. Тревогой о состоянии и судьбе русского языка пронизаны высказывания многих известных деятелей нашего общества, культуры и литературы. Можно напомнить хотя бы два из них. Писатель А.И. Солженицын: "Надо спасать русский язык, национальную культуру и духовность" (ТВ. Канал НТВ. 1 июня 1994 г.). Митрополит Смоленский и Калининградский владыка Кирилл: "Русский язык – это язык великой христианской культуры и литературы... А что мы видим? Невероятное оскудение литературных форм, засорение матом, блатным жаргоном" (из выступления на Соборной встрече "В защиту русского языка" в Свято-Даниловом монастыре 13 мая 1994 г.).

Однако ни у кого нет сомнений в том, что русский язык был и остается одним из величайших языков мира. Речь может идти лишь о том, что богатейшие возможности русского языка остаются невостребованными в обществе. Резко снизилась культура владения языком. Иногда можно услышать и очень горькие слова: мы отдаем себя и свой язык на поругание, когда на исторических зданиях столицы – памятниках русской архитектуры и культуры, на ее улицах и площадях вывешиваем плакаты, рекламу, названия фирм, офисов и товаров только на английском языке, да и то с ошибками. Вытеснение кириллицы из городской микротопонимики должно быть прекращено.

Забот и огорчений сегодня у русистов немало. И все же! Как справедливо заметил академик Н.И. Толстой, есть такие ценности, которые не девальвируются, – это русский язык, русская литература и русская культура (из выступления на заседании Отделения литературы и языка РАН 12 октября 1994 г.).

Академик Е.П. Челышев так обозначил магистральное направление тех исследований и популярных работ, которые служат одной задаче – сохранить Великое русское слово: "К языку – через культуру".

РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Акишина А.А., Формановская Н.И. Русский речевой этикет. М., 1975.

Винокур Г.О. Культура языка. М., 1929.

Головин Б.Н. Основы культуры речи. М., 1988.

Грамматика русского языка / Под ред. Н.Ю. Шведовой. М., 1970.

Граудина Л.К., Миськевич Г.И. Теория и практика русского красноречия. М., 1989.

Иванова С.Ф. Искусство диалога, или беседы о риторике. Пермь, 1992.

Калинин А.В. Культура слова. М.: Изд-во МГУ, 1988.

Костомаров В.Г. Русский язык на газетной полосе. М., 1971.

Костомаров В.Г. Мой гений, мой язык: Размышления языковеда в связи с общественными дискуссиями о языке. М., 1991.

Кохтев Н.Н. Риторика. М., 1994.

Культура парламентской речи. М.: Наука, 1994.

Марченко О.И. Риторика как норма гуманитарной культуры. М.: Наука, 1994.

Ожегов С.И. Словарь русского языка / Под ред. Н.Ю. Шведовой. 13-е изд. М., 1989.

Орфографический словарь русского языка / Под ред. В.В. Лопатина. М., 1991.

Розенталь Д.Э. Практическая стилистика русского языка. 2-е изд. М., 1968.

Розенталь Д.Э., Теленкова М.А. Словарь трудностей русского языка. М., 1976; 2-е изд. М., 1981.

Русская разговорная речь. М., 1973.

Солженицын А.И. Русский словарь языкового расширения. М., 1990.

Стернин И.А. Практическая риторика. Воронеж, 1993.

Трудности русского языка: Словарь-справочник журналиста / Под ред. Л.И. Рахмановой. М., 1974.

Трудности словоупотребления и варианты норм современного русского литературного языка: Словарь-справочник / Под ред. К.С. Горбачевича. Л., 1974.

Хазагеров Т.Г., Ширина Л.С. Общая риторика: (Курс лекций и словарь риторических фигур). Ростов н/Д., 1994.

Чуковский К.И. Живой как жизнь. М., 1962.

Шмелев Д.Н. Русский язык в его функциональных разновидностях. М., 1977.

Юнина Е.А., Сагач Г.М. Общая риторика (современная интерпретация. Пермь, 1992.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Вступительное слово *(Е.Н. Ширяев)* 3

Что такое культура речи (*Е.Н. Ширяев*) 5

Культурно-языковая инициатива в публицистике (*Л.К. Граудина*) 24

Мы, мода и язык (*Л.К. Граудина*) 40

"Наш век породнил подснежник и цифру" *(Л.К. Граудина)* 47

"Духовной силою и разума, и слова" *(Л.К. Граудина)* 59

Красное слово жемчугом по бархату катится *(Л.К. Граудина)* 65

Звонкое иноязычие *(Н.В. Новикова)* 74

Массовая коммуникация, массовое сознание, массовые "болезни" языка (*О. Л. Дмитриева*) 85

Штамп и ярлык – языковой тормоз (*О. Л. Дмитриева*) 91

"Роскошь человеческого общения" (*О. Л. Дмитриева*) 97

Послесловие *(Л.К. Граудина)* 102

Рекомендуемая литература 103

www.ruslang.ru

Graudina L.K., Dmitrieva O.L., Novikova N.V., Shirjaev E.N.

We Shall Save You, Russian Speech!

The book deals with some problems of culture of speech as a new and important discipline of modern linguistics. The authors focus on defects of present-day oral communication (use of cliches, "lables" and injustified loan words; absence of culture of dispute; oblivion of traditions and history of the Russian language) and give practical advice how to acquire culture of Russian speech.

The book is oriented for readers, who are really concerned about of purity of the Russian language.

Научное издание

Граудина Людмила Карловна
Дмитриева Ольга Львовна
Новикова Наталья Васильевна
Ширяев Евгений Николаевич

МЫ СОХРАНИМ ТЕБЯ, РУССКАЯ РЕЧЬ!

Утверждено к печати
Институтом русского языка РАН

Заведующая редакцией
"Наука – культура"
А.И. Кучинская

Редактор
В.С. Матюхина

Художественный редактор
Н.Н. Михайлова

Технический редактор
Т.А. Резникова

Корректор
З.Д. Алексеева

Набор выполнен в издательстве
на компьютерной технике

ИБ № 838
Л.Р. № 020297 от 27.11.91

Подписано к печати 24.03.95. Формат 60×88 1/16
Гарнитура Таймс. Печать офсетная
Усл.печ.л. 6,9. Усл.кр.-отт. 7,4
Уч.-изд.л. 7,3. Тираж 1600 экз. Тип. зак. 712

Издательство "Наука"
117864 ГСП-7, Москва В-485, Профсоюзная ул., д. 90

Санкт-Петербургская типография № 1 РАН
199034, Санкт-Петербург, В-34, 9-я линия, 12

В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ "НАУКА"
ВЫШЕЛ ИЗ ПЕЧАТИ:

Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. Вып. 20.* *morzatъjь – *mъrkotъ.* 20 л.

Словарь построен на исчерпывающем использовании всех доступных исторических и диалектных материалов как в плане словообразовательном, так и в плане выявления лексических диалектизмов. Словарные статьи содержат много нового и интересного в общетеоретическом и конкретно-этимологическом плане.

Для языковедов – специалистов по этимологии, лексикологии, лексикографии, а также историков и этнографов.

ГОТОВЯТСЯ К ПЕЧАТИ:

Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 21 (*Прошеный – Раскидати*). 35 л.

В словаре вводится в научный оборот большой по объему новый материал, до этого в исторических словарях не отмеченный или разработанный неполно. В вошедших в выпуск словарных статьях содержится богатый иллюстративный материал, разнообразный во временно́м и жанровом отношениях, при цитировании древнейших переводных памятников приводятся греческие и латинские параллели, что увеличивает надежность представленного материала.

Для языковедов, литературоведов, историков, этнографов, археологов.

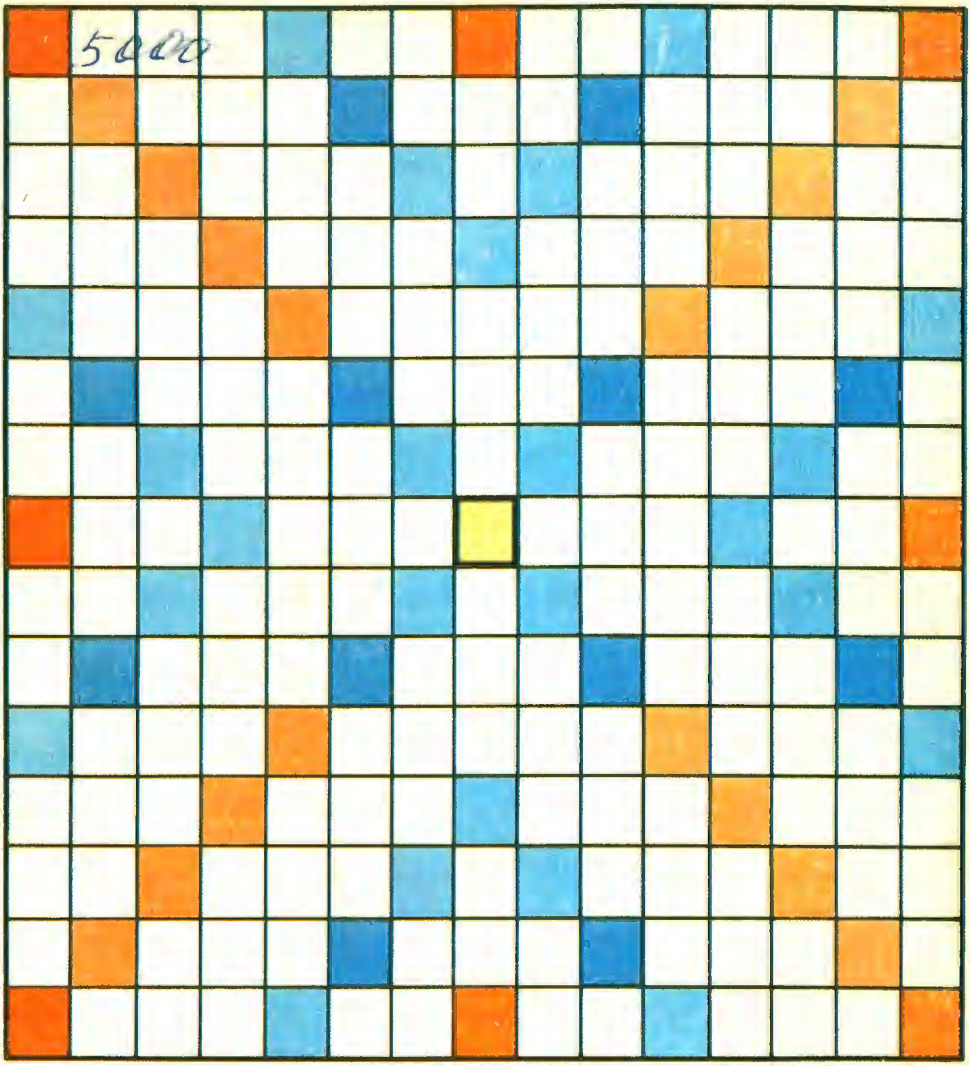
Восточнославянские изоглоссы. 15 л.

Монография представляет собой новый тип атласа, который существенно отличается от известных региональных, национальных и многонациональных атласов. Впервые дается лингвогеографический анализ ряда узловых для восточнославянских языков явлений из области акцентологии, фонетики, морфонологии, морфологии, синтаксиса и лексики в рамках всего восточнославянского диалектного пространства. Карты и комментарии-исследования могут не только служить надежным источником для реконструкции древнего состояния целого ряда явлений, свойственных восточнославянскому праязыку, но и содержать убедительные аргументы, помогающие сделать выбор между двумя наиболее известными гипотезами происхождения восточнославянских диалектов – традиционной, отстаивающей их генетическое единство, и более новой, признающей изначальную гетерогенность восточнославянского диалектного континуума.

Для славистов, диалектологов и историков русского, украинского и белорусского языков, преподавателей и студентов гуманитарных вузов.

ДЛЯ ЗАМЕТОК

ДЛЯ ЗАМЕТОК

«К Р Е С Т О С Л О В И Ц А»

УДВОЕНИЕ БУКВЫ — УТРОЕНИЕ БУКВЫ — УДВОЕНИЕ СЛОВА — УТРОЕНИЕ СЛОВА

ЦЕНА БУКВ

А 1	И 1	Р 2	Ш 10
Б 3	Й 2	С 2	Щ 10
В 2	К 2	Т 2	Ъ 10
Г 3	Л 2	У 3	Ы 5
Д 2	М 2	Ф 10	Ь 5
Е 1	Н 1	Х 5	Э 10
Ж 5	О 1	Ц 10	Ю 10
З 5	П 2	Ч 5	Я 3

КОЛИЧЕСТВО ФИШЕК

А 10	И 8	Р 6	Ш 1
Б 3	Й 4	С 6	Щ 1
В 5	К 6	Т 5	Ъ 1
Г 3	Л 4	У 3	Ы 2
Д 5	М 5	Ф 1	Ь 2
Е 9	Н 8	Х 2	Э 1
Ж 2	О 10	Ц 1	Ю 1
З 2	П 6	Ч 2	Я 3

и 2 "пустышки"